

М.Б. Елисеев

БИТВА • НА • КАЛКЕ

Ратная история Руси

Михаил Елисеев

Битва на Калке

«ВЕЧЕ»

2017

Елисеев М. Б.

Битва на Калке / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Ратная история Руси)

ISBN 978-5-44-449152-2

Битва на Калке стала трагедией для Южной и Юго-Западной Руси, но для Руси Северо-Восточной и Северо-Западной она не имела никаких последствий. О том, что происходило на Руси после битвы на Калке, мало кому известно, поскольку после рассказа об этом сражении, обычно начинается описание нашествия Батыя в 1237 году. Но это была интереснейшая эпоха. Всё это время Русь продолжает вести борьбу против агрессии Запада в Прибалтике. Пик этого противостояния приходится как раз на годы, последовавшие за разгромом русских дружин в Половецких степях. На восточных рубежах князя Северо-Восточной Руси добились значительных успехов в противостоянии с Волжской Болгарией. Успешные походы на болгар и мордву резко изменили баланс сил в регионе, и у русских были все шансы продолжить победоносное наступление в восточном направлении. В Южной и Юго-Западной Руси после битвы на Калке и гибели большинства князей начался передел власти. Усобицы вспыхивали одна за другой, князья приводили на Русь то половцев, то ляхов, то венгров. На Юго-Западной Руси князь Даниил Романович бился за Галич как против черниговских князей, так и против католических правителей Венгрии и Польши. В Южной Руси князья сошлись в схватке за Киев, который постоянно переходил из рук в руки. Эти междоусобицы закончились только накануне нашествия Батыя.

ISBN 978-5-44-449152-2

© Елисеев М. Б., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Предисловие	7
I. «Пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне...»	9
1. Ураган идет с востока	9
2. Грозное лето 6731 г.	17
3. «И пошли они в поле половецкое...». Май 1223 г.	26
4. Битва с «народом незнаемым». 31 мая – 3 июня 1223 г.	34
5. «И был плач и вопль во всех городах и селах...»	48
6. Ловушка для Субудая. Лето 1224 г.	56
II. На западных и восточных рубежах	64
1. Война в Прибалтике. 1221–1224 гг.	64
2. Битва под Усвятом. 1 марта 1226 г.	78
3. Война с тавастами[26]. 1227–1228 гг.	85
4. Походы на мордву. 1226–1232 гг.	91
5. Смерть Мстислава Удатного и её последствия. 1225–1232 гг.	100
6. Сражение у Торчева. 2 апреля 1233 г.	108
7. Битва на реке Омовже. 1234 г.	114
8. Бой под Торческом. 17 мая 1235 г.	124
9. Падение Волжской Болгарии. 1236 г.	133
10. «Крестоносцы тамплиеры, по прозванию Соломоничи».	143
Март 1237 г.	
Приложения	147
Фома Сплитский. История Архиепископов Салоны и Сплита	148
Иоанн де Плано Карпини, Архиепископ Антиварийский.	149
История монгалов, именуемых нами татарами	
Список литературы и источников	157

М.Б. Елисеев

Битва на Калке

* * *

© Елисеев М.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Предисловие

Битва на Калке стала трагедией для Южной и Юго-Западной Руси. Другое дело, что она не имела тех судьбоносных последствий, какие обычно ей приписывают. Корпус Субудая и Джебе вопреки сложившемуся мнению никакой разведки боем на западе не производил, а оказался в приднепровских степях в какой-то мере случайно. Шансов на то, что битва на Калке произойдет, было гораздо меньше, чем шансов на то, что она не случится.

Накануне битвы случилось небывалое дело – в кои-то веки русские князья объединили свои силы перед лицом внешней угрозы. Казалось, что вернулись времена Владимира Мономаха, когда русские дружины ходили в степь и громили кочевников. Но так только казалось, поскольку среди русских князей в этот момент не нашлось человека, который по своим качествам хотя бы отдаленно напоминал легендарного воителя. Некому было объединить в один кулак русские полки. Знаменитый ратоборец Мстислав Удатный оказался пустозвоном, воющим за добычу и славу, а не «за други своя». В итоге поход в Половецкую степь закончился для русских войск чудовищной катастрофой.

О том, что происходило на Руси после битвы на Калке в 1223 году мало кому известно, поскольку после рассказа об этом сражении обычно начинается описание нашествия Батые в 1237 году. И лишь невнятно упоминается о том, что в течение полутора десятка лет между этими двумя датами русские люди только тем и занимались, что участвовали в постоянных междоусобицах. Такой подход совершенно неверен и даже вреден. Потому что битву на Калке можно рассматривать только в контексте всей эпохи, сопоставляя с положением вещей как внутри самой Руси, так и на её восточных и западных рубежах. Только в этом случае можно будет понять влияние битвы на последующий ход нашей истории. При этом необходимо учитывать, что победа русских в той роковой битве не изменила бы ровным счётом ничего и через 15 лет орды Батые всё равно бы появились у рязанских границ. К тому же, итоги битвы на Калке не оказали никакого влияния на дальнейшее развитие Северо-Восточной Руси, на которую в 1237–1238 годах обрушился главный удар монголов. Но дело даже не в этом.

Как до битвы на Калке, так и после неё Русь продолжает вести борьбу против агрессии Запада в Прибалтийском регионе. Пик этого противостояния приходится как раз на годы, последовавшие за разгромом русских дружин в Половецких степях. Борьба за Юрьев, битва на Омовже – вот лишь немногие вехи на этом трудном пути. И то, что битва за Прибалтику была в итоге проиграна, никоим образом не связано с поражением на Калке. Главной причиной этой фатальной неудачи стали непоследовательность и безответственность новгородцев, которые своей противоречивой и бестолковой политикой свели на нет все успехи как суздальских князей, так и их смоленских коллег. С другой стороны, князья так и не сумели выработать единый комплекс мер, который бы остановил агрессию католиков в Прибалтике.

Зато на восточных рубежах князья Северо-Восточной Руси добились значительных успехов в противостоянии с Волжской Болгарией. Успешные походы на болгар и мордву резко изменили баланс сил в регионе, и у русских были все шансы продолжить победоносное наступление в восточном направлении. Но не получилось, поскольку началось Батыево нашествие.

Что же касается Южной и Юго-Западной Руси, то после битвы на Калке и гибели такого количества князей там начался дикий передел власти. Усобицы вспыхивали одна за другой, князья приводили на Русь то половцев, то ляхов, то венгров. На Юго-Западной Руси князь Даниил Романович бился за Галич как против черниговских князей, так и против католических правителей Венгрии и Польши. А заодно воевал с мятежным боярством. В Южной Руси князья сошлись в лютой схватке за Киев, который постоянно переходил из рук в руки.

Даже когда монгольская орда топтала суздальские земли, на юге продолжались кровавые княжеские раздоры.

И вот эта интереснейшая эпоха оказалась в тени одного-единственного события – битвы на Калке. После неё следует временной провал, который заканчивается нашествием Батые. Поэтому целью данной работы было показать битву на Калке не саму по себе, а в контексте эпохи, рассказать о не менее значительных, но незаслуженно забытых событиях нашей истории.

I. «Пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне...»

1. Ураган идет с востока

Боже, что за несчастье, искры от которого разлетелись во все стороны, и вред его сделался всеобщим!

Оно распространилось по странам подобно тучам, погоняемым ветром.

Ибн аль-Асир

Знамена были страшные. На Русь пала великая засуха, днем и ночью горели леса и болота, черный дым окутывал землю столь плотно, что люди не могли видеть друг друга. Нельзя было узреть ни солнца, ни луны, ни звезд, поскольку небо было закрыто темной пеленой. От едкой гари птицы мёртвыми падали на землю, а в города и села из объятых пламенем дремучих лесов сбежали диковинные звери. Страх и ужас охватил весь народ, от боярина до простого смерда.

Затем грянула новая напасть. Явилась звезда на западе, величию своим превосходя остальные звезды, и горела она так семь дней. А на седьмой день пошли от неё лучи, какие не зрел доселе глаз человеческий, и протянулись они на восток, как копье. И горела она так четыре дня, предвещая войны и бедствия великие, болезни и кровопролитие, а затем стала невидима. В страхе крестились русские люди, глядя на небо, ибо неспроста было послано им это грозное знамение.

* * *

В начале весны 1220 года армия Чингисхана осадила Самарканд. Противник завоевателя, хорезмшах Мухаммед, выбрал на войну с кочевниками тактику пассивной обороны и теперь сполна расплачивался за свои стратегические ошибки. Монголы быстро захватывали города Мавераннахра, одни силой оружия, другие с помощью предательства. Видя, как рушится его государство, шах Хорезма ударился в бегство. Когда об этом стало известно Чингисхану, то он крепко задумался и велел позвать нойона¹ Джебе из племени йисут и Субудай-багатура из племени урянкат. Когда военачальники согнули спины перед своим повелителем, Потрясатель Вселенной сказал следующие слова: *«Отправляйтесь в погоню за султаном Хорезмшахом, и где бы вы его не настигли, если он выступит против вас с войском и у вас не будет силы для сопротивления, не медлите и известите [меня], а если он будет слаб, противостойте [ему]! Так как непрерывно доходят известия об его слабости, страхе и ужасе, то наверно он не будет иметь силы состязаться [с вами]. Заклинаю вас мощью великого господина, не возвращайтесь назад, пока вы его не захватите. Если он изнеможет от вас и с несколькими людьми укроется на крутой горе или в тесной пещере, либо скроется от людских очей подобно перу, вы должны врезаться в его области подобно сильному ветру и всем, кто явится к вам с покорностью, окажите [таким] поощрение, дайте [охранную] грамоту и [поставьте им] правителя [шихнэ], а каждого, кто будет дышать неповиновением и противодействием, уничтожьте! Согласно сему [моему] наказу, покончив эти*

¹ Нойон – монгольский феодал, представитель знати.

дела в трехлетний промежуток времени, вы возвратитесь через Дешт-и-Кипчак и присоединитесь к нам в нашем древнем юрте, в Монголии, так как по аналогии [с происшедшим] мы, по-видимому, за этот срок совершенно покончим с делом [покорения] земли Иранской и прибудем домой победителями и победоносными. Я вскоре вслед за вами пошлю Тулуй-хана на завоевание городов Хорасана: Мерва, Херата, Нишапура, Серакса и их областей. Джочи, Чагатая и Угедея со славными войсками я отправлю на завоевание Хорезма, который является важнейшим из городов и столицей султана Хорезмшаха. Клянусь силою великого господя, нам удадутся эти несколько дел, и мы прибудем домой как раз за это количество времени!»² (Рашид ад-Дин, с. 209).

В дальнейшем Рашид ад-Дин делает одно существенное уточнение. Историк отмечает, что, помимо поимки Мухаммеда, Субудай и Джебе должны завоевать земли Аррана, Азербайджана, Ирака и Ширвана (с. 225), лишив тем самым хорезмшаха базы для набора новой армии. Это был не просто приказ, это был план кампании, в котором обозначены четкие цели и конкретные сроки. Полководцы покинули юрту Чингисхана, вскочили на коней и помчались в расположение своих войск. Вскоре два монгольских тумена³ выступили в поход на запад. Путь их лежал через Иран к побережью Каспийского моря, куда вели следы хорезмшаха Мухаммеда. Однако Чингисхана одолевали сомнения, кагану казалось, что сил у Джебе и Субудая будет недостаточно, чтобы изловить беглеца. И тогда завоеватель приказал нойону Тохучару поднять свой тумен и догнать ушедшие на запад войска, чтобы вместе с ними принять участие в поимке хорезмшаха. По мнению Чингисхана, 30 000 монгольских воинов было вполне достаточно, чтобы его полководцы справились с поставленной задачей (Рашид ад-Дин, с. 214). Но всё пошло не так, как планировал завоеватель.

Наместник большого и богатого города Мерва Хан-мелик посчитал сопротивление монголам делом бессмысленным и отправил послов к Чингисхану с изъявлением покорности. Не зная, какой будет ответ, Хан-мелик на всякий случай покинул Мерв и ушел в горную область Гарчистана на территории Северо-Западного Афганистана. Каган оценил жест доброй воли со стороны врага и распорядился, чтобы проходившие по землям Хан-мелика войска не чинили вреда ни его подданным, ни его землям. Джебе и Субудай исполнили волю повелителя, и их воины продемонстрировали местному населению, что такое хваленая монгольская дисциплина. Тохучар поступил иначе.

Согласно информации, которую сообщает Рашид ад-Дин, темник, истолковав приказ повелителя в выгодную для себя сторону, занялся грабежами и разбоями на землях Хан-мелика. После чего ввязался в войну с горцами и был убит. Хан-мелик быстро сориентировался в ситуации. Желая отвести от себя вину за содеянное, он свалил всё на Тохучара, благо что тот уже не мог оправдаться. Наместник Мерва отправил к Чингисхану посла со следующими словами: «Я [в свое время] советовал султану Хорезмшаху [подчиниться тебе], он не внял [сему]. Злая судьба заставила его противиться тебе, пока он не испытал то, что испытал. Я, раб, перед этим послал к тебе, изъявил покорность и сказал, что я буду служить тебе от искреннего сердца и что я отстал от султана. Теперь Джэбэ-нойон пришел и прошел, не обижая. Следом за ним пришел Субэдай-нойон и точно так же прошел, не причинив вреда. За ними пришел Тукучар, и сколько ни говорили [ему] гурцы, что мы-де покорны, он не внял, угнал много народа и таракчиев и вступил в войну с народом, пока не был убит. Куда же девались хорошие люди у державы Чингиз-хана, что он послал подобных невежд на великие дела!» (Рашид ад-Дин, с. 220).

² Здесь и далее Рашид ад-Дин по изданию: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Книга вторая. М.—Л.: АН СССР, 1952.

³ Тумен – корпус из 10 000 всадников.

Таким образом, тумен Тохучара был разгромлен и в битве на Калке участия не принимал. Количество войск, посланных Чингисханом для поимки хорезмшаха Мухаммеда, неожиданно сократилось на треть.

Для Джебе и Субудая гибель Тохучара не имела никакого значения. Перед ними стояла задача изловить Мухаммеда, и они эту задачу выполняли. Боевые действия развернулись на территории Северного и Центрального Ирана. Хорезмшах метался по стране как загнанный зверь, нигде не находя покоя от идущих следом за ним монголов. Наконец сломленный морально и измученный болезнью, он умер на одном из островов у южного побережья Каспийского моря.

Узнав о том, что правителя Хорезма больше нет в живых, а его наследник Джелал ад-Дин ушел в Афганистан, Джебе и Субудай отправили к Чингисхану гонца со следующими словами: *«Султан Мухаммед умер, а сын его Джелал ад-дин бежал и пришел в ту страну. Теперь мы, освободив сердце от [заботы] о них, согласно требованию, которое было определено приказом Чингиз-хана, бог даст, сможем прибыть в Могулистан, [но] это ведает мощь великого господина и счастье Чингиз-хана!»* (Рашид ад-Дин, с. 226).

Иногда можно услышать мнение о том, что Чингисхан отправил Джебе и Субудая на запад, чтобы произвести разведку боем. Однако это не так. Каган ясно и недвусмысленно приказал своим военачальникам возвращаться в Монголию через Дешт-и-Кипчак, т. е. Половецкую степь. Это подразумевало движение на север вдоль берега Каспийского моря, а затем резкий поворот на восток. И всё, никаких боевых действий на западе. Если говорить о том, что монгольские полководцы действительно проводили глубокую разведку, то это можно отнести только к их действиям в Иране. Недаром Чингисхан на прощание сказал Субудая и Джебе, что *«я вскоре вслед за вами пошлю Тулуй-хана на завоевание городов Хорасана⁴»*. В этом случае всё объяснимо. Поэтому можно говорить о том, что битва на Калке произошла благодаря стечению роковых обстоятельств и вопреки воле Чингисхана, который дал своим военачальникам совершенно другие инструкции.

Первоначально Субудай и Джебе четко придерживались тех установок, которые получили от кагана. Чтобы выйти в степи, им требовалось пройти через Закавказье, и полководцы спланировали вторжение в этот регион. После упорных боев были захвачены города Саджас, Зенджан и Казвин, прикрывавшие дорогу на Азербайджан. Причем жители Казвина, когда монголы прорвались на улицы города, схватились с захватчиками врукопашную и резали нукеров длинными ножами. После отчаянного сопротивления 30 марта 1221 года была захвачена и разрушена древняя Марага. В свете этих событий правитель Тебриза проявил инициативу и откупился от монголов, после чего Субудай и Джебе повели войска дальше на север.

Завоеватели вступили в область Аррана⁵ и после кровопролитной осады овладели городом Байлакан, учинив там дикую резню. Ибн аль-Асир оставил подробное описание тех зверств, которые вытворяли монголы в захваченном городе. По свидетельству историка, они *«силой взяли город в рамадане (6) 18 года (1221) и заработали мечами так, что не оставили в нем никого – ни молодого, ни старого, ни женщины. Дошли до того, что они распарывали у беременных женщин животы и убивали зародышей, причем они предварительно женщин насиловали, а потом убивали их. Случалось, что кто-нибудь из них, выйдя на дорогу, по которой шло несколько человек, убивал их всех одного за другим, не встретив сопротивления ни с чьей стороны»⁶*. Накануне штурма жители города убили монгольского

⁴ Хорасан – область Восточного Ирана.

⁵ Арран – область в Восточном Закавказье.

⁶ Здесь и далее Ибн аль-Асир по изданию: Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн аль-Асира. Баку: АзФан, 1940. С. 140.

посла, чем и могли спровоцировать кровавую бойню. Но, с другой стороны, именно монголы без стыда и совести резали чужих дипломатов, и потому не приходится говорить о том, что особа посланца для них была священна.

После взятия Байлакана Субудай и Джебе повели войска на главный город Аррана – Ганджу. При этом военачальников смущали как мощнейшие укрепления Ганджи, так и многочисленность городского ополчения. Жители города были опытными воинами и имели богатый боевой опыт, приобретенный в частых вооруженных конфликтах с соседями. Поэтому монголы не рискнули брать Ганджу в осаду, а отправили в город послов с требованием выкупа. Горожане проявили благоразумие и предпочли расстаться с частью своего имущества, а не вступить в противоборство с нукерами⁷ Джебе и Субудая. Согласно сведениям Ибн аль-Асира, стороны разошлись миром (с. 140).

Монголы приближались к границам Грузии, где их поджидали серьезные трудности. Грузины собрали десятитысячное войско и вышли навстречу врагу, но потерпели поражение. Монгольские полководцы не рискнули преследовать отступающего противника по труднодоступной местности и продолжили движение на север. И здесь им неожиданно повезло. Некто Акуш, собрав многочисленное войско из туркмен и курдов, изъявил желание сражаться под знаменем Чингисхана. Его отряды влились в ряды потрепанного в многочисленных боях монгольского корпуса и в следующей битве с грузинами доказали свою боеспособность. Грузины снова были разбиты и отступили с большими потерями.

Третье сражение между монголами и войсками грузинского царя вновь закончилось победой Джебе и Субудая. Полководцы Чингисхана в этой битве всё разыграли как по нотам, продемонстрировав сильные стороны военного искусства монголов. Джебе с 5000 нукеров притаился в засаде, а Субудай повел свои войска на врага и после короткого боя обратился в притворное бегство. Грузинские воины кинулись преследовать отступающего противника, смешали боевые порядки и были наказаны за свою неосмотрительность. Отряд Джебе обошел их с фланга и внезапно атаковал. Разгром был полный и сокрушительный, на поле боя осталось около 30 000 погибших грузин.

Когда до грузинского царя дошла весть об этом поражении, он с оставшимися войсками спешно покинул столицу Тифлис, оставив государство на произвол судьбы. Но высокие горы, поросшие густым лесом и глубокие ущелья, где стремительно неслись бурные реки, пугали степняков. Разграбив близлежащие районы, они не стали продвигаться в глубь страны и ушли назад, оставив по себе недобрую память. Воинское умение монголов и их презрение к смерти произвели огромное впечатление на народы, по землям которых они прошли. Вот что рассказывал человек, сражавшийся против воинов Чингисхана⁸: *«Если кто вам скажет, что татары обратились в бегство или взяты в плен, то не верьте ему; но если вам скажут, что они убиты, то поверьте, так как этот народ никогда не бежит. Мы как-то взяли одного из них в плен, но он бросился с лошади и бил свою голову камнем до тех пор, пока не умер, но в плен не сдался»* (Ибн аль-Асир, с. 141).

После победы над грузинами Субудай и Джебе вторглись в Ширван, где на их пути лежал древний город Шемаха. Осада затянулась, все атаки степняков были отбиты защитниками. Тогда монголы организовали непрерывный трёхдневный штурм, страшно измотавший горожан. Ибн аль-Асир передает гордые слова, которые были сказаны защитниками города перед последней схваткой: *«От меча все равно не уйдешь так лучше нам твердо стоять, по крайней мере умрем с честью»* (с. 141). Монголы продолжали наращивать натиск и сумели сломить сопротивление гарнизона. Шемаха пала, а её население было перебито.

⁷ Нукер – воин.

⁸ О военном искусстве монголов см. приложение.

Впереди полководцев Чингисхана ждали новые испытания. До степи Дешт-и-Кипчак было уже рукой подать, но на пути к ней лежал город Дербент, прозванный «Железными воротами» (Тимур-Кахалга) из-за неприступных укреплений. Чтобы пройти дальше на север, необходимо было штурмовать город, а сил на это у Джебе и Субудая уже не было. Их войска понесли большие потери, были измотаны непрерывными боями и осадами, а нукеры нуждались в отдыхе. И здесь монголам сыграл на руку правитель Дербента, отправивший к ним посольство из десяти самых знатных горожан. Одного из них степняки сразу же демонстративно убили, а остальным сказали следующее: *«Если вы укажете дорогу, по которой мы могли бы перейти его, Дербенд, то вам будет дан аман, в противном случае мы вас убьем, как мы убили этого человека»* (с. 142). Наглядный пример того уважения, которые монголы якобы испытывали к послам. Остальным членам делегации такого тонкого намека оказалось достаточно, и они по тайной дороге провели монгольские тысячи в обход города. Дербент остался позади, и весной 1222 года тумены Джебе и Субудая вышли в Половецкую степь.

* * *

Здесь захватчиков поджидало объединённое войско алан⁹ и половцев. Слухи о том, что к их границам движется беспощадное монгольское воинство, заставили аланских князей объединиться, и спешно искать союзников. Таковые были найдены в лице половцев. Два могущественных хана, Юрий Кончакович и Данила Кобякович, привели свои орды на помощь аланам. Один из них был сыном легендарного хана Кончака, главного антигероя «Слова о полку Игореве», а другой был сыном не менее знаменитого хана Кобяка, разбитого русскими в битве на реке Ореле и погибшего в Киеве. Именно Юрия Кончаковича русский летописец называет сильнейшим среди половецких ханов: *«А Юрьи Кончаковичь бе больше всех Половецъ»*¹⁰ (Софийская I летопись, т. 5, с. 203).

Многочисленность врагов не смутила полководцев Чингисхана, и они атаковали союзников. Упорное сражение не дало перевеса ни одной из сторон, аланы с половцами сражались храбро и устояли перед мощным монгольским натиском. Понеся серьезные потери, Субудай и Джебе были вынуждены отступить. Оба военачальника понимали, что они очень далеко оторвались от главных сил Чингисхана и в случае поражения их войска будут уничтожены. Помощи ждать было неоткуда и рассчитывать приходилось только на себя. С другой стороны, решить проблему силой оружия для монголов возможным не представлялось. И тогда было решено действовать хитростью.

К половецким ханам отправились монгольские послы с великими дарами и сказали такие слова: *«Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]»* (Рашид ад-Дин, с. 229). Примерно в таком же духе передает речь монгольских посланцев и Ибн аль-Асир: *«Мы с вами одного рода (происхождения), а эти аланы вам не родня, чтобы вы им помогали, и их религия не похожа на вашу. Мы вам даем обещание не трогать вас, и мы вам дадим сколько хотите денег и одежды, если вы не будете вмешиваться между нами и ими»* (с. 142). После этого между договаривающимися сторонами было заключено соглашение относительно количества денег и прочих богатств, которые монголы передавали Юрию Кончаковичу и Даниле Кобяковичу.

⁹ Аланы – предки современных осетин.

¹⁰ Здесь и далее летописи по ПСРЛ (Полное собрание русских летописей).

По большому счёту, именно захват добычи являлся для половцев главным приоритетом на войне. Но это война радикально отличалась от тех, что они вели раньше, и если прежде половцы бились за добычу, то теперь речь шла о самом их существовании. Но их ханы этого не поняли. Позарившись на богатые дары и поверив обещаниям монгольских послов, они совершили предательство по отношению к аланским союзникам и увели свои орды. Оставшись в одиночестве, аланы были разгромлены, а их земли разграблены.

Наступил час расплаты для половцев. Полагаясь на заключенный с монголами договор, ханы распустили войска, и половецкие воины разъехались по своим кочевьям. Узнав об этом, Субудай и Джебе развернули тумены. Монголы пошли по степи огромной облавой, уничтожая всех, кто попадался им на пути. Для половцев наступили страшные дни, их становища подверглись невиданному разгрому. Рашид ад-Дин не без ехидства отметил, что *«монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого нашли, и взяли назад столько же, сколько отдали [раньше]»* (с. 229). Страх обуял половецких ханов, поскольку сил, чтобы оказать сопротивление врагу, у них уже не было. Оставалось искать спасение в бегстве.

Степь пришла в движение, половецкие роды снимались с мест и устремлялись на запад. Десятки тысяч людей стремительно двигались к Днепру, табунщики гнали огромные табуны лошадей, за которыми шли стада домашних животных. Узнав о нежданной беде, кочевавшие в приднепровских степях половцы поспешно бросали свои кочевья и также бежали к переправам через Днепр. Вал беглецов катился к рубежам Русской земли. Во время этого панического бегства от рук монголов погибли Юрий Кончакович и Данила Кобякович, о чем свидетельствует Н.М. Карамзин. Это подтверждается и той информацией, которая содержится в Новгородской I летописи старшего извода: *«А Даниль Кобяковиць и Гюрги убьена быста»*. Несколько тысяч половцев монголы прижали к берегу Азовского моря и уничтожили.

Субудай и Джебе некоторое время преследовали беглецов, но затем резко изменили направление движения войск, вторглись в Крым и захватили город Судак. Местные жители не стали дожидаться, когда придут завоеватели, а просто разбежались по окрестным горам при известии об их приближении. После этого монгольские военачальники приняли решение перезимовать в Половецкой степи. Они отдавали себе отчет в том, что несколько уклонились от маршрута, обозначенного Чингисханом и вместо движения на восток, преследуя половцев, ушли на запад. Но Джебе и Субудай вполне справедливо полагали, что разбитого врага необходимо добить, и были уверены в том, что каган одобрит их действия. К тому же на всё про всё повелитель отвел им три года, и полководцы пока укладывались в отведенные им сроки.

Бегство половцев к Лукоморью
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Время, проведенное в Половецкой степи, Субудай и Джебе использовали с большой выгодой для себя. Они дали отдых своим потрепанным туменам, а нукеры привели в порядок оружие и снаряжение. Вполне возможно, что темники даже сумели пополнить свои войска разным сбродом, который в это тревожное время в большом количестве шатался по степи. Также военачальники озаботились сбором информации о народах, проживающих в соседних регионах. В том числе и о русских.

На следующий год монголы были полностью готовы к новой войне.

Ибн аль-Асир записал: «Проведя в стране кипчаков довольно продолжительное время, татары двинулись потом в 620 [1223] году в страну русов» (с. 143).

2. Грозное лето 6731 г.

В лето 6731 по грехом нашим приидоша языцы незнаемы при великом князе киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславича.

Пискаревский летописец

Князь Мстислав Мстиславич заскучал. Обосновавшись в Галиче, он на время отложил в сторону меч и занялся повседневными делами – думал думу с боярами, правил суды да пировал с дружиной. Иногда выезжал на охоту, чтобы дать разгуляться силушке богатырской. С местным боярством князь сумел найти общий язык, поскольку прошел в Новгороде очень хорошую школу. Что же касается власть имущих в Галиче, то такой князь, как Мстислав Удатный, их вполне устраивал. В управление землей не лез, глупых советов, что и как делать, не давал, а стоял на страже рубежей, охраняя мир и покой подданных. Поэтому хоть и ублажали бояре всячески князя, поддакивая ему во всём, но линию свою гнули твёрдо, и прирастали их вотчины добром и богатством. При таком раскладе были довольны все – и князь и боярство.

Такая сытая и спокойная жизнь была Мстиславу не по нутру. Ему, победителю гордых суздальцев, надменных венгров и кичливых ляхов, вновь хотелось вскочить на коня и во главе дружины ринуться в бой, круша боевым топором врагов налево и направо. Но на Галич никто не нападал, правду на Руси никто не попирали, а потому оставалось Мстиславу только ездить на ловы да в гриднице пировать. Вот и маялся князь от безделья, ибо его неуёмная энергия требовала выхода. И трудно сказать, долго ли мучился бы так Удатный и чем бы его маета закончилась, поскольку пришли грозные вести из половецкого поля.

На взмыленном коне примчался в Галич гонец и сообщил, что к рубежам княжества подошла большая половецкая орда, которую привел хан Котян, отец жены Мстислава. Тесть настоятельно просил зятя о встрече. Удатный этому очень удивился, потому что явился Котян без приглашения и предупреждения. Тем не менее пригласил родственника в Галич, надеясь там от него узнать о причинах, побудивших совершить столь далёкое путешествие. Новости, которые сообщил Котян, были тревожные: от Кавказских гор явился народ неведомый, называемый монголами, и учинил жестокое кровопролитие в Половецкой степи. Поведал старый хан и о том, как обманули монгольские посланцы Юрия Кончаковича и Данилу Кобяковича, которые жизнями расплатились за свою жадность и глупость. Котяну удалось отбиться от монголов и увести своих людей за Днепр, откуда он и прибыл в Галич.

Крепко задумался Мстислав. О том, что в Диком поле происходит что-то неладное, на Руси уже знали: *«Начали приходить слухи, что эти безбожные татары пленили многие страны: Ясов, Обезов, Касогов, избили множество безбожных половцев и пришли в Половецкую землю. Половцы же, не в силах сопротивляться, бежали, и татары многих избили, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом Божиим и его пречистой матери... Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси»*¹¹ (Из Тверской летописи). Тогда всё это казалось очень далёким, и русских княжеств как будто не касалось. Но внезапно оказалось, что это не так, беда стоит у порога, и надо что-то делать, чтобы она не пришла к тебе в дом.

Долго разговаривал Мстислав со своим родственником, выспрашивая подробности разыгравшейся в степи трагедии. За окном княжеского терема уже стемнело, на черном небе

¹¹ Здесь и далее «Летописные повести о монголо-татарском нашествии. Из Лаврентьевской летописи. Из Тверской летописи» даются по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997.

блеснули звезды, а Удатный всё продолжал расспрашивать хана. Бывалый воин, он хотел как можно больше узнать про неведомого врага. Котян обо всем откровенно рассказал зятю, а затем сказал: *«Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете»*¹² (Галицко-Волынская летопись). Но Мстислава не надо было убеждать в необходимости совместных действий против монголов, он прекрасно понимал, что врага лучше встретить на чужой земле. К тому же, объединившись с Котяном, князь имел возможность поставить под свои знамёна прекрасную половецкую конницу, что многократно увеличивало шансы на успех. Но из рассказов тестя Мстислав сделал и другой вывод – галицким полкам, пусть даже и в союзе с половцами, остановить монгольский натиск будет не под силу, для этого требовались объединённые усилия всех князей Южной и Юго-Западной Руси. О чем Мстислав Мстиславич и сказал старому хану. Котян согласился с зятем и пообещал со своей стороны сделать всё возможное, чтобы склонить князей к совместному походу с половцами в степь. Проще говоря, решил задарить их паче меры.

¹² Здесь и далее Галицко-Волынская летопись по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5.СПб.: Наука, 1997.

Русский воин. XIII–XIV вв.
Худ. Солнцев Ф.

Не откладывая дело в долгий ящик, Удатный разослал гонцов ко всем своим родственникам и союзникам, созывая их на съезд в Киеве, чтобы сообща решить, что делать перед лицом надвигающейся опасности.

Первым, кто откликнулся на зов Мстислава Мстиславича, был его зять и сосед Даниил Волынский. Несмотря на некоторые размолвки между ними, в данный момент отношения Мстислава и Даниила были неплохие, чему способствовала совместная борьба против венгров и поляков. Дождавшись приезда зятя, Мстислав Удатный велел воеводам собирать полки, а сам вместе с Даниилом и ханом Котяном отправился в Киев, куда уже начала съезжаться остальная княжеская братия.

* * *

Призыв Мстислава Удатного неожиданно нашел отклик среди князей Южной и Юго-Западной Руси. Многие из них захотели сходить походом в Половецкую степь и сразиться с неведомым народом, позвенеть мечами о вражеские шлемы: *«Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею»* (Из Тверской летописи).

В Киеве в это время княжил двоюродный брат галицкого князя Мстислав Романович по прозвищу Старый. Именно Мстислав Удатный в немалой степени посодействовал тому, что Мстислав Романович закрепился в древней столице Руси и правил там довольно длительный срок – целых 10 лет! Для Киевского княжества, где правители сменялись с калейдоскопической быстротой, это был довольно редкий случай. Объяснялось это прежде всего тем, что Мстислав Старый всегда мог рассчитывать на поддержку мощного клана смоленских Ростиславичей, и поэтому желающих согнать его со золотого киевского стола пока не находилось.

Галич и Смоленск тоже чувствовали дружескую поддержку Киева, хотя Мстислава Романовича постоянно угнетал тот факт, что всё, что он имеет, он получил благодаря своему воинственному кузену. Тем не менее к просьбе Мстислава Удатного Мстислав Старый прислушался и дал добро на проведение в Киеве княжеского съезда. Одним из первых, кто туда прибыл, был зять киевского князя Андрей Иванович Туровский. Следом приехали князья из черниговских и северских земель: Мстислав Святославич Черниговский, сын его Василий Мстиславич Козельский и племянник Михаил Всеволодович; Изяслав Владимирович Путивльский, Мстислав Святославич Рыльский, Олег Святославич Курский, Святослав Всеволодович Трубчевский.

Подтянулись князья из земель смоленских, западных и южных: Александр Глебович Дубровицкий, Изяслав Ингваревич Дорогобужский, Святослав Ингваревич Шумский, Святослав Ярославич Каневский, Святослав Ярославич Яновицкий, Юрий Ярополкович Несвижский, Ярослав Юрьевич Неговорский, Мстислав Ярославич Немой, Владимир Рюрикович Овручский. Каждый из князей явился со свитой и гриднями охраны, которых требовалось накормить, напоить, спать уложить, поэтому забот у киевского князя сразу прибавилось. Мстислав Романович очень хотел поскорее закончить это высокое собрание, поскольку каждый день пребывания в Киеве всех этих близких и дальних родственников обходился ему недешево.

Но здесь по уговору с Мстиславом Удатным на сцену вышел хан Котьян и стал одного за другим обходить русских князей, задаривая их дорогими подарками. Хан не скупился, князья получали от него и коней, и верблюдов с буйволами, и красных девок половецких. А на прощание Котьян говорил: *«Сегодня нашу землю татары отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помогите нам»* (Из Тверской летописи). Но больше всего Котьян давил на своего зятя, а тот, соответственно, на остальных князей, убеждая их в необходимости объединиться с половцами и выступить против монголов. Однако был у Удатного при этом и

личный интерес. Как по воинской славе, так и по ратному умению никто из присутствующих на съезде князей с ним сравниться не мог, а потому надеялся воинственный князь встать во главе объединённой русской рати и повести её против неведомого племени. Поэтому и старался князь Галича изо всех сил. Что-что, а говорить складно Мстислав Мстиславич умел, мог и слова нужные, до сердца доходчивые подобрать и пылом своим воинственным окружающих заразить. Молодые князья, для которых он при жизни стал легендой, знаменитому ратоборцу в рот смотрели и каждое слово его ловили – ещё бы, САМ говорит!

Говорил же Мстислав Удатный следующее: *«Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них»* (Из Тверской летописи). Проблема была в том, что за столетия вооружённого противостояния Руси и половцев к степнякам у русских людей сложилось крайне негативное отношение, и князья не являлись здесь исключением. Многие из них считали, что кара, которая постигла половцев, была заслуженной, и Бог, сжалившись над Русской землёй, покарал это нечестивое племя: *«Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый бог хотел погубить и наказать безбожных сыновей Измаила, куманов, чтобы отомстить за христианскую кровь; что и случилось с ними, беззаконными»* (Из Тверской летописи).

Русский воин. XIII–XIV вв.
Худ. Солнцев Ф.

Такие настроения было очень трудно переломить, и потому надрывался на съезде Мстислав Удатный, а хан Котян суетился изо всех сил, раздавая направо и налево породистых скакунов, сундуки с добром и степных красавиц. Усилия Котяна и Удатного даром не пропали, поскольку неожиданно взыграла удаля в киевском князе. **«Пока я нахожусь в Киеве – по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная татарской сабле**

не махать», – заявил Мстислав Романович, чем поверг высокое собрание в немалое удивление (Из Тверской летописи). Ибо в чём-чём, а в излишней воинственности его заподозрить было трудно. И действительно, вся прошлая жизнь Мстислава Старого к подобным декларациям не располагала, поскольку большинство его военных предприятий закончилось полной неудачей. В 1177 году вместе со своим дядей Рюриком Ростиславичем и старшим братом Ярополком он был разгромлен половцами, а в 1195 году был разбит черниговцами и попал к ним в плен. А здесь...

Споры разгорелись нешуточные, но то, что князья галицкий и киевский уже высказались за поход, постепенно склоняло чашу весов в их пользу. Да и половцы превзошли сами себя. Пискарёвский летописец сообщает следующую информацию: *«Тогда князь великий половецкий крестися Бастый»*. Вот даже до чего дошло! В итоге было принято то решение, на котором настаивали Котян, Мстислав Удатный, а впоследствии и Мстислав Киевский – объединиться с половецкими ханами, идти в степь и там дать сражение монголам.

Здесь возникла новая проблема. Она заключалась в отсутствии подробной информации о противнике, поскольку русским о монголах было практически ничего не известно, а рассказы половцев были путаны и сумбурны. Наглядным примером того, в каком неведении пребывали русские люди относительно нового страшного врага, является следующее свидетельство летописца: *«В тот же год пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татары, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: „К скончанию времен появятся те, которых загнал Гедеон, и пленят всю землю от востока до Евфрата, и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии“. Один бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о русских князьях и о бедах, которые были от этих народов»* (Из Лаврентьевской летописи). И действительно, даже с учётом той информации, которую на Руси могли узнать от купцов и торговцев, как русских, так и иноземных, знаний о тактике монголов и о том, как они ведут боевые действия, было ничтожно мало. Неоткуда было им взяться.

Зато было хорошо известно, где находилась в данный момент вражеская рать, сообщение об этом мы встречаем в той же Лаврентьевской летописи: *«И подошли близко к Руси на место, которое называется Половецкий вал»*. Речь идёт о Змиевых валах, древних оборонительных сооружениях, которые были построены на левобережье Днепра, к югу от Киева. Исходя из этого, князья и воеводы сошлись на том, что местом сбора объединённой русской рати будет город-крепость Заруб на правом берегу Днепра, где находились остров Варяжский и Зарубинский брод. Решение принято, съезд в Киеве был окончен, князья разъехались по своим уделам собирать полки и дружины. Русь всколыхнулась, готовясь к битве с неизвестным племенем.

Ибн аль-Асир засвидетельствовал то редкое согласие, которое царило среди русских князей, когда они принимали решение о войне с монголами: *«Когда татары пришли к ним (русам), они все собрались и единодушно решили воевать с татарами, если те пойдут против них»* (с. 143).

* * *

Разберем один из ключевых вопросов, который всегда возникает, когда речь заходит о монгольском нашествии и битве на Калке в частности. Суть его заключается в том, что очень многие исследователи обрушиваются с необъективной критикой на великого князя Георгия

Всеволодовича за то, что он не привёл свои полки в Киев и не принял участие в битве на Калке. Вроде как просили помочь в войне с неведомым племенем, а он ответил отказом, а если бы не отказал, то всё могло сложиться по-другому. Получается, что стал владимирский князь предателем общерусского дела. Но так ли это?

Для начала отметим, что во многих летописях чётко прописано, что просили именно о помощи, а не о том, чтобы князь Георгий лично явился во главе суздальских полков. Об этом даже речи не было. И что примечательно, помощь от Георгия Всеволодовича князья Южной Руси получили. Лаврентьевская летопись этот факт чётко зафиксировала: «*И послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожю, прося помочи у него; он же посла к ним благочестиваго князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича, с Ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь*»¹³ (с. 424). Об этом свидетельствует и Тверская летопись: «*Послаша к Володимеру к великому князю Юрию Всеволодичу по помочь; он же посла им Василка Ростовского*» (т. 15, с. 339).

Итак, великий князь помощь отправил. Причем отправил именно ростовскую дружину, которая была одной из самых боеспособных в Суздальской земле. В её рядах в своё время служил Александр Попович. В.Н. Татищев даже называет численность ростовских гридней князя Василька, выступивших в поход, – 800 человек, и, надо сказать, цифра эта довольно солидная для того времени. Княжеские дружинники – это не воины-ополченцы и не ратники от сохи, это прекрасно подготовленные бойцы-профессионалы, для которых смыслом жизни является война. Другое дело, что Василько не успел прийти в Киев к моменту сбора войск, но от Ростова до Днепра путь неблизкий, а гридней требовалось ещё собрать и снарядить в дальний путь. Поэтому известие о битве на Калке застало Василька в Чернигове.

Автор «Галицко-Волынской летописи», рассказывая о княжеском съезде в Киеве, мимоходом роняет следующую фразу: «*Великого же князя Юрия Суздальского на том совете не было*» (Галицко-Волынская летопись). Как видим, летописец старается заострить внимание на том, что Георгий Всеволодович проигнорировал княжеский съезд. Но стоит задаться простым вопросом – а зачем суздальскому властелину ехать в такую несусветную даль? У него что, дел в княжестве нет никаких, чтобы по щелчку пальцев из Киева мчаться сломя голову на берега Днепра? Владимиро-Суздальское княжество – независимое и самостоятельное государство, и до того, что происходит в Руси Южной, его князьям дела никакого нет. С таким же успехом Мстислав Удатный мог позвать в поход против монголов и новгородцев.

Георгий Всеволодович властелин огромного государства, самого мощного на Руси, и гоняться по степям за монголами ему не положено по статусу, у него для этого есть подручные князья и воеводы. Он – не Ричард Львиное Сердце или Мстислав Удатный, которым наплевать на государственные дела, лишь бы боевым топором в гуще битвы помахать. У великого князя обязанности несколько иные, и князь Георгий относился к ним очень серьёзно. Да и владениям его в данной ситуации угрозы не было никакой.

Не оставим без внимания утверждение В.Н. Татищева о том, что великий князь «*брата же и сына ни одного не послал, поскольку оных татар презирал*»¹⁴ (с. 690). Мы уже убедились в том, что Василий Никитич не жалуется Георгия Всеволодовича. Данный упрек тоже выглядит сомнительным, и дело здесь вовсе не в монголах, о которых князь Георгий имел довольно смутное представление. Все дело было в Мстиславе Удатном. Никогда не надо забывать о том, что между сыновьями Всеволода Большое Гнездо и смоленскими Ростиславичами стояла большая кровь. Георгий Всеволодович с братьями искренне ненавидели Удатного и его смоленскую родню и никогда бы не стали иметь дело со своими заклятыми

¹³ Здесь и далее Лаврентьевская летопись по изданию: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.

¹⁴ Здесь и далее В.Н. Татищев по изданию: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. М.: Алгоритм, 2013.

врагами. В апреле 1216 года Георгий, Ярослав, Святослав и Иван плечом к плечу стояли на Авдовой горе против полков Мстислава и видели, сколько суздальских ратников полегло в этой злополучной битве. Никакая сила не могла их заставить идти вместе с Ростиславичами в одном строю. И то, что Мстислав Мстиславич решил отправить в стольный Владимир гонца с приглашением на княжеский съезд, было с его стороны большой глупостью. Он как никто другой должен был понимать, что Георгий в Киев не приедет.

Исходя из всех этих соображений, князь Георгий и снарядил на юг своего племянника Василька, у которого и дружина была крепкая и чей отец Константин сражался на Липице под одним стягом с Мстиславом Удатным. Всё понятно, всё объяснимо, и никакого предательства общерусских интересов нет и в помине.

Но у этой медали была и обратная сторона. Родовой вотчиной суздальских Моноашичей был Переяславль-Южный, и как его сюзерен Георгий Всеволодович должен был принять участие в обороне южных границ Руси. И поскольку в данный момент в Переяславле не было князя, то и отправился Василько Ростовский вместе с дружиной на помощь южно-русским князьям.

Был и ещё один момент, о котором почему-то забывают те, кто делает князя Георгия ответственным за всё, что связано с монгольским нашествием. В это время резко обострилась ситуация в Прибалтике, а для Северо-Восточной Руси события в этом регионе имели гораздо более важное значение, чем те, что происходили в Половецких степях. Внимание великого князя было приковано к северо-западным границам Руси, куда он и направил главные силы. В дальнейшем мы разберем эту ситуацию. Поэтому говорить о том, что Георгий Всеволодович предал дело защиты Русской земли, поскольку не привел полки на Калку, возможным не представляется.

3. «И пошли они в поле половецкое...». Май 1223 г.

*...и подошла, свкупивше землю всю Русскую противу Татаром...
Новгородская I летопись старшего извода*

Русские полки и дружины начали скапливаться у Зарубинского брода. Туда же подошла и половецкая орда хана Котяна. Место для сбора войск было выгоднейшее, потому что вздумай монголы начать здесь переправу, то их всех так и положили бы на днепровском берегу. С каждым днём русская рать прирастала численно, пешие отряды спускались по Днепру на ладьях, а конные дружины шли вдоль берега. О том, как проходил сбор войск, очень любопытная информация есть у В.Н. Татищева: «*И отпустили пехоту смоленскую, черниговскую и киевскую по Днепру вниз до порогов. Галицкая же и волынская пехота плыли водою по Днестру, оттуда вверх Днепром до порогов, которых было с 2000 ладей*» (с. 691). Судя по всему, Мстислав Удатный и Даниил Волынский решили максимально ускорить переброску войск из своих земель и сознательно пошли на то, чтобы разделить свои полки, отправив пехоту отдельно от конницы. Но в данном случае риск себя оправдал.

Информация несколько иного свойства содержится в Галицко-Волынской летописи: «*Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море – у них была тысяча лодок, – вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на броду у быстрины. С ними был Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич*». Этих изгнанников летописец называет «*выгонци галичкыя*», и вполне возможно, это были те люди, которые были вынуждены уйти из Галицкого княжества после победы Мстислава Удатного. Приднестровье всегда было тем местом, куда массово бежали как простые люди, так и князья, спасаясь от могущественных врагов и в поисках лучшей доли. Достаточно вспомнить тех же берладников. Поэтому могло быть и так, что «*выгонци галичкыя*» пришли на ладьях, а пехота Мстислава Мстиславича и Даниила прибыла вместе с князьями, что и засвидетельствовал летописец: «*А галичане и волынцы, киждо со своими князьми*» (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 164).

Если судить по летописным известиям, то численное превосходство русских войск над монголами было подавляющим, одна только рать Мстислава Романовича Киевского насчитывала 10 000 воинов. Понятно, что не одну только дружину вёл за собой киевский князь, в поход пошло немало и пеших ратников. Киевский полк был одним из самых боеспособных во всем русском войске. Не меньшие силы могли выставить Галич и Чернигов. Поэтому лидирующее положение трех Мстиславов никем не оспаривалось, что и было отмечено в летописях: «*Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий – они были старейшими князьми Русской земли*» (Галицко-Волынская летопись).

Обратим внимание на то, что под понятием Русская земля здесь имеется в виду Южная и Юго-Западная Русь, где эта троица всеми делами и заправляла. Что же касается численности русской рати, то устоявшаяся цифра в 80 000 воинов вызывает определённые сомнения. В.Н. Татищев приводит не менее легендарные данные: «*Князь великий исчислил все войска, которые с ним были: киевских, переяславских, городенских, черных клобуков и поросян 42 500, со Владимиром Рюриковичем, смоленчан и туровцев 13 тысяч 800, с князем Мстиславом черниговских и северских 21 300, да вятичей 2000, с князем Мстиславом галичан, владимирцев, лучан и подунайцев 23 400, и прочие младшие князи с ними, всего сто три тысячи (по-моему, 89 950), какого русского войска давно вместе не бывало*» (с. 691–692).

Чтобы увидеть, насколько цифры, которые называет Василий Никитич, не соответствуют действительности, достаточно просто сопоставить его данные о тех воинских контингентах, которые пришли из Смоленской земли, с летописными свидетельствами. Исто-

рик пишет: «*Со Владимиром Рюриковичем, смоленчан и туровцев 13 тысяч 800*». Между тем в Софийской I летописи содержится несколько иная информация: «**А из Смоленьска наруб 500 муж**» (т. 5, с. 204). Не доверять летописному свидетельству у нас оснований нет. К тому же очень слабо верится, что такой город, как Туров, был способен выставить несколько тысяч человек, там дай Бог несколько сотен ратников наскрести!

В Ипатьевском летописном своде приводятся следующие данные о составе русского войска: «*А куряне и трубчяне и путивлицы, и киждо со своими князьми придоша коньми*» (т. 2, с. 164). Летописец сознательно заостряет внимание на том, что эти князья привели только конные дружины, а пешей рати с ними не было. Данная информация перекликается со сведениями В.Н. Татищева, который пишет о том, что многие князья «*обещали по крайней возможности больше войск собрать и немедля прийти, но многие, не желая пашен оставить, с малыми войсками шли*» (с. 690).

То что могли себе позволить мелкие князья, не могли позволить ни Мстислав Галицкий, ни Мстислав Киевский. В летописях чётко прописано, что они привели не только конные дружины, а все силы Галицкой и Киевской земли: «**А ис Киева – князь Мьстислав с всею силою, а из Галича – князь Мстислав с всею силою**» (Софийская I летопись, т. 5, с. 204). Отсюда и цифра в 10 000 ратников в войске Мстислава Романовича. Исходя из этого, можно предположить, что и Мстислав Мстиславич привел не меньшее количество бойцов. Подводя итоги сбора войск, летописец отмечает, что пришли «**все князи Рустии и все князи Черниговские**» (Софийская I летопись, с. 204). Ещё раз отмечу, что под князьями русскими здесь подразумеваются южнорусские князья. По большому счёту, Мстиславу Удатному удалось совершить практически невозможное дело – он поднял на борьбу с монголами всю Южную и Юго-Западную Русь.

Немаловажным фактором было и то, что сумели объединиться половцы. Отбросив прежние разногласия, их ханы выступили единым фронтом против пришедших в их степи завоевателей: «**И прииде ту вся земля Половетьская и все их князи**» (Софийская I летопись, т. 5, с. 204). Таким образом, объединив усилия, русские и половцы сумели создать мощное и боеспособное войско.

Численность всех русских полков и дружин вряд ли превышала 40 000 воинов. Что же касается половцев, то с учетом понесенных в предыдущих боях потерь они могли выставить орду от 10 000 до 15 000 сабель. В любом случае, при разумном руководстве этих сил было более чем достаточно, чтобы несколько раз подряд разгромить злосчастный монгольский корпус, который был измотан непрерывными боями и длительными походами. К этому необходимо добавить, что опыт войны против степняков у русских князей, воевод и простых гридней был просто колоссальный, а половцы прекрасно знали как театр предстоящих боевых действий, так и все тонкости войны в степи. Всё это в совокупности давало огромное преимущество союзникам и сводило к минимуму шансы Джебе и Субудая на успех.

Тысячи шатров раскинулись на правом берегу Днепра, и монгольские лазутчики, прячась на левобережье, пытались отследить всё, что происходило в русском лагере. Вряд ли полководцы Чингисхана имели достаточное представление о том, с каким врагом в лице русских дружин им придётся столкнуться. Что-то они могли узнать от половцев, что-то от шатающихся по степи бродников, но всё это была лишь обрывочная информация от третьих лиц и не более того. Субудая и Джебе требовалось узнать как можно больше информации о противнике, и поэтому в один прекрасный день в русском лагере появилось монгольское посольство.

* * *

Ситуация повторялась как под копирку. Исхитрившись внести разлад между половцами и аланами, монголы разгромили их поодиночке, и теперь решили повторить удачный эксперимент. Необходимо было спровоцировать конфликт между русскими князьями и половецкими ханами, а заодно добыть как можно больше сведений о противнике. Рогожский летописец называет количество послов, прибывших в русский лагерь, – *«прислаша 10 муж с поклоном»* (т. 15. с. 27). Этого вполне достаточно, чтобы одни вели переговоры, а другие всё высматривали и вынюхивали. Летописи, которые описывают это посольство, отмечают его провокационный характер и подчеркивают стремление монгольских уполномоченных внести разлад между союзниками.

Оказавшись перед князьями, посланцы сказали следующее: *«Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их, и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем»* (Из Тверской летописи). Как и в первом случае, монголы упирают на жадность тех, с кем ведут переговоры, однако в этот раз они ошиблись. Русские князья оказались умнее Юрия Кончаковича и Даниила Кобыковича.

С другой стороны, у половцев уже был печальный опыт общения с монгольскими послами, и судя по всему, они этим опытом щедро поделились со своими русскими союзниками. Узнав о том, какие речи посланцы ведут в княжеском шатре, хан Котьян со всех ног бросился к зятю и употребил всё своё красноречие, убеждая Мстислава не совершать ошибку, которую когда-то совершили половецкие ханы. Но Удатного ни в чём убеждать было не надо. Он для себя давно уже всё решил в Галиче, и не для того собрал пол-Руси, чтобы в итоге послушаться неведомых пришельцев и предать союзников. Однако князь не знал о том, как отнесутся к монгольским инициативам остальные князья, и, желая отрезать все пути отступления, приказал выдать монгольскую делегацию своему родственнику Котьяну. Вот тут-то половцы и отвели душу, отыгравшись на послах за всё, что претерпели от их соотечественников.

Байку о том, как монголы трепетно относились к лицам, облеченным посольскими полномочиями, отбросим за ненадобностью, в неё свято верят либо люди некомпетентные, либо сознательно искажающие историю. Монголы сами резали послов с завидной регулярностью, невзирая на их статус и положение. Наиболее вопиющим здесь остается убийство рязанского князя Федора Юрьевича в ставке Батые зимой 1237 года, но подробно об этом будет рассказано в следующей книге. Вся история становления Монгольской империи – это история подлости, обмана и коварства. Степняки практически всегда нарушали данное слово, очень часто прибегая при этом к двойным стандартам, чтобы оправдать своё преступление. Поэтому говорить о том, что именно убийство послов являлось краеугольным камнем их завоевательной политики, не приходится. Это всего лишь предлог и не более того. Не подвернулся бы этот, нашли бы другой.

После того как монгольская делегация была перебита, громадная русская рать снялась с лагеря и двинулась по правому берегу Днепра на юг, в сторону расположенной в низовьях реки крепости Олешье. Но пока полки были на марше прибыло ещё одно монгольское посольство. На этот раз оно передало короткое послание князьям от Джебе и Субудая, по сути это было объявление войны: *«Если вы послушались половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас бог»* (Из Тверской летописи). Новостью это ни для кого не стало, русские и так были решительно настроены на

войну. Посовещавшись, князья решили послов не убивать, а просто отпустили на все четыре стороны. Многие из князей и так были недовольны тем, что Удатный велел расправиться с первым посольством, поскольку не в русских традициях было убивать тех, кто пришёл к тебе с миром. Пусть даже при этом и козни плетёт. Случай в истории Руси беспрецедентный и оправдания не имеющий, но Мстислава Мстиславича это не волновало. Он даже и не подозревал, что в дальнейшем его самоуправство выйдет боком совершенно другим людям.

* * *

Русское войско продолжило движение на юг и вскоре подошло к острову Св. Георгия (Хортица). Туда же, согласно информации В.Н. Татищева, приплыла на ладьях от низовьев Днепра галицкая и волынская пехота, а согласно летописям – изгнанники из Галича, *«выгонци»*. Но сути дела это не меняет. Путь, который они проделали, был не близок – сначала по Днестру до моря, затем вдоль побережья до устья Днепра, а потом против течения на север. Летописцы сохранили имена двух воевод, которые успешно осуществили столь трудный переход – Юрий Домамерич и Держикрай Володиславич.

Теперь все русские полки, участвовавшие в походе, собрались в один кулак, и князьям пришлось время решать, как действовать дальше, поскольку на противоположном берегу Днепра появились первые монгольские разъезды. Когда весть о них достигла русского стана, то Даниил Волынский в окружении гридней и воевод отправился посмотреть, что же это за «народ незнаемый». Следом увязались другие молодые князья, и монголы быстро ретировались, не желая связываться с этой огромной, сверкающей сталью и золотом толпой. Юрий Домамерич, прикрывая рукой глаза от солнца, долго вглядывался в дрожащее степное марево, а затем уверенно сказал: *«Это стрелки»*. Мнение, сложившееся после этой встречи у русских князей о монгольских воинах, было довольно оригинальным: *«Это простые люди, хуже половцев»*. И только опытный воевода Юрий Домамерич высказал самое объективное суждение: *«Это ратники и хорошие воины»* (Галицко-Волынская летопись). Обсудив боевые качества противника, русские развернули коней, и вся кавалькада вернулась в лагерь, где Юрий Домамерич доложил обо всём увиденном Мстиславу Удатному.

Что же касается Даниила Волынского, то он поделился впечатлениями с остальными молодыми князьями и заразил их своей воинственностью. После чего молодёжь всем скопом отправилась к Мстиславу Киевскому и Мстиславу Черниговскому и стала убеждать старших князей перейти Днепр: *«Мстислав и другой Мстислав, не стойте! Поидем против них!»* (Галицко-Волынская летопись). Но воинственный настрой молодых людей не произвёл должного впечатления на представителей старшего поколения. Мстислав Романович и Мстислав Святославич решили сначала всё тщательно обдумать, а уж затем принимать решение. Но пока они судили да рядили, события начали стремительно развиваться, и помимо своей воли киевский и черниговский князья оказались в них вовлечёнными.

Мстислав Галицкий очень внимательно выслушал Юрия Домамерича и сделал из рассказа воеводы далекоидущие выводы. Во-первых, князь узнал, что среди «народа неведомого» очень много конных стрелков, а это ещё больше усиливало роль половецкой конницы. Во-вторых, Мстислав решил, что раз на левом берегу Днепра наблюдается усиленное передвижение монгольских разъездов, то, значит, и главные силы врага где-то рядом. Третий вывод вытекал из предыдущего – переправляться всем скопом через Днепр на виду у вражеских войск просто глупо, для этого необходима тщательно подготовленная и неожиданно для противника проведённая операция. Не откладывая дела в долгий ящик, Мстислав Удатный занялся подготовкой переброски войск на противоположный берег. Но что характерно, кроме своего зятя Даниила и половецких ханов, в известность об этом никого больше не

поставил. И если в этот раз подобная самонадеянность сойдёт Удатному с рук, то в дальнейшем она обернётся трагедией для всего русского войска.

Переправа дружины Мстислава Удатного через Днепр
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Князь Мстислав Мстиславич готовил переправу через Днепр очень тщательно. Из рядов галицкой и волынской дружины, а также среди половецких воинов было отобрано 1000 бойцов – лучших из лучших, обладающих немалым боевым опытом. Понимая всю сложность и важность предстоящего дела, этот отборный отряд возглавил лично Удатный. Галицкий князь не хотел ничего пускать на самотек, а потому решил перестраховаться и отправил к половцам своего верного человека – воеводу Яруна. Того самого, что оборонял Ржев от суздальцев, а затем был наместником в Перемышле. И половцы приняли это назначение как должное, поскольку ставки в предстоящем сражении были велики как никогда. В отличие от русских князей, для ханов эта была битва за выживание.

Ночью половецкие разведчики переплыли на левый берег Днепра, сняли монгольских дозорных и дали знать об этом Мстиславу. Князь незаметно переправил свой отряд, развернул его в боевые порядки и с ходу атаковал монгольский авангард под командованием тысячника Гемябека. Враг был разгромлен наголову, уцелевшие монголы бросились прочь с поля боя, увозя с собой тяжелораненого Гемябека. Но истекающий кровью тысячник не мог держаться в седле, поэтому нукеры закопали его в землю и прикрыли травой, надеясь уберечь таким образом своего начальника от плена. Однако половцы нашли его достаточно быстро и после короткого допроса расправились с Гемябеком. Ночь уходила, над степью поднималось солнце, и Мстислав Удатный велел развернуть стяги. Лавина русских и половецких всадников покатила на восток – преследовать убегающего врага.

* * *

Слух о крупной победе Мстислава Галицкого прокатился по русской рати и словно подстегнул двух других Мстиславов, которые стали поспешно грузить свои полки на ладьи и перевозить через Днепр. Русское воинство сплошным потоком переправлялось на другой берег, строилось в походные колонны и выдвигалось в степь. Десятки тысяч пеших и конных ратников, поднимая тучи пыли, шли на восток, исчезая в знойном мареве, висевшем над степью. Князья гнали вперед свои дружины, надеясь догнать победоносные части Мстислава Удатного и захватить свою долю добычи. Они опасались, что только победитель и его родня воспользуются плодами победы, оставив без трофеев всех остальных.

Бой богатырей с татарами
Худ. Архипов С.

А Мстислав Мстиславич продолжал стремительно двигаться в авангарде русских войск. Впереди главных сил шли половцы Яруна и конные лучники воеводы Ивана Дмитриевича, которые часто вступали в бои с монгольскими разъездами. Через несколько дней после переправы через Днепр произошло ещё одно сражение между русскими и монгольскими передовыми частями. И снова победа была за воинами Удатного, а враг продолжал отступать на восход. В этом бою приняли участие только половецкие и русские конные лучники, что и было отражено в летописях: *«Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом»* (Галицко-Волынская летопись). Умело используя степную конницу половецких родственников и мобильные отряды младшей дружины, Мстислав Мстиславич прочно овладел стратегической инициативой и не собирался её выпускать из рук. Конечно, такого опытного воина не могла не посещать мысль о том, не заманивает ли его противник в ловушку. Но, во-первых, Удатный был очень уверен в себе и своих войсках, а во-вторых,двигающаяся следом громадная русская рать невольно придавала князю ещё больше смелости.

Восемь дней длилось преследование уходящих всё дальше и дальше на восток монголов, восемь дней, изнывая от жажды и жары, шли русские конные дружины и пешие полки за избегающим прямого столкновения врагом. Когда впереди показалась речка Калка, произошла ещё одна стычка русских передовых отрядов с монгольскими дозорными. Во время схватки погиб воевода Иван Дмитриевич и ещё двое воинов, но вражеские разъезды удалось прогнать за реку.

На берегу Калки Удатный остановил стремительное движение своих отрядов. Надо было подождать отставшую пехоту и дать отдохнуть воинам, вымотанным непрерывным восьмидневным преследованием. Галицкие, волынские, луцкие и курские полки располагались станами около брода через Калку. Рядом встала и половецкая орда. Вскоре стала подтягиваться и остальная русская рать. Подошли киевские полки. Мстислав Романович долго и внимательно изучал местность, а затем распорядился, чтобы его войска заняли высокий и

каменистый холм над Калкой. Мало того, он велел окружить стан повозками и в наиболее уязвимых местах укрепить оборонительную линию кольями.

Эта оборонительная тактика и осторожность родственника показали Мстиславу Галицкому настолько странными, что в голове у него моментально созрел план дальнейших действий. Он решил никому из старших князей – конкурентов ничего не говорить, а на рассвете перейти Калку и своими силами разгромить противника. Богатый военный опыт подсказывал князю, что неуловимый враг находится за рекой и вполне возможно, что завтра произойдёт решающий бой. Славой и добычей Удатный делиться ни с кем не хотел, а исходя из практики предыдущих столкновений с монголами, считал, что собственных сил ему будет вполне достаточно. Но всё же решил в очередной раз перестраховаться и привлек к участию в грядущей битве Мстислава Луцкого по прозвищу Немой и молодого Олега Курского. Князья охотно согласились принять участие в аванюре Мстислава, сулившей славу и добычу.

Вскоре на берегах Калки воцарилась тишина, нарушаемая лишь окриками часовых. В лунном свете серебрилась река, медленно несущая свои воды к Сурожскому морю¹⁵. Люди отдыхали после многодневного похода, не ведая о том, что принесёт завтрашний день. Каждый князь расположился отдельным станом, каждый князь самостоятельно планировал свои действия на завтрашний день. И лишь в шатре Мстислава Удатного собрались те князья, которые вместе с ним решили на рассвете перейти Калку. Обсуждали план предстоящего сражения. Мстислав Мстиславич предложил быстро совершить переправу, с ходу атаковать врага и гнать его до самого Лукоморья¹⁶. Против этого никто не возражал, и совещание закончилось быстро. Когда все разошлись, Мстислав откинул полог шатра и долго смотрел на противоположный берег реки, словно надеялся сквозь ночной мрак увидеть вражеское войско. Затем князь по устоявшейся привычке обошел боевой стан, проверил дозоры, отдал последние наказы воеводам и скрылся в шатре.

* * *

Рано утром, когда солнце только начало подниматься над линией горизонта, Мстислав Удатный, строгойше запретив поднимать какой-либо шум, начал переводить свою рать через Калку. Первыми ушли на противоположный берег половцы воеводы Яруна, за ними полк Даниила Волынского, дружины Мстислава Луцкого и Олега Курского. Затем вместе с гриднями переправился сам Мстислав Мстиславич, а последними, кто перешёл через реку, были его пешие ратники. Галицкий князь настолько искусно выполнил этот маневр, что в других русских станах никто даже и не заметил, как половина союзных войск ушла за реку. Мстислав Удатный свой выбор сделал, и Калка стала его Рубиконом, после которого жизнь этого воителя разделится на две половины – до и после 31 мая 1223 года.

¹⁵ Сурожское море – Азовское море.

¹⁶ Лукоморье – излучина Азовского моря

4. Битва с «народом неизвестным». **31 мая – 3 июня 1223 г.**

...и бысть сеча зла и люта...

Новгородская I летопись младшего извода

Быстро переправившись через Калку, половецкая конница начала движение в сторону холмов, где маячили монгольские разъезды. При этом половцы постепенно смещались влево, освобождая место для волынских полков, а также луцкой и курской дружин. Конные лучники воеводы Яруна вырвалась вперед и устремились на врага, который на первый взгляд казался малочисленным. Но постепенно монгольские ряды стали густеть, неприятельских воинов становилось всё больше и больше. Затем они быстро развернулись в боевой порядок, и легкая конница Субудая пошла в атаку. Половецкие наездники натянули луки, и дождь из стрел пролился на вражеский строй. Нукеры на полном скаку открыли ответную стрельбу, и битва началась. С обеих сторон падали на землю убитые и раненые всадники, валились подстреленные кони, но накал сражения не ослабевал, наоборот, он усиливался с каждой минутой.

Мстислав Удатный переходит Калку
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Битва на Калке
Худ. Ивон А.

Воевода Ярун и хан Котян внимательно следили за боем. В какой-то момент им показалось, что половцы стали одолевать, и тогда, чтобы закрепить успех, они решили ввести в битву отборную конницу. В лучах утреннего солнца ярко блестели на солнце доспехи половецких беков и ханов, от пестроты одежд рябило в глазах, порывы ветра развевали бунчуки из конских хвостов. Воевода вытащил из ножен меч, а хан Котян поднял над головой саблю, громко прокричал боевой клич, подхваченный тысячами воинов, и пришпорил коня. Степь содрогнулась от удара о землю тысяч копыт, когда в атаку пошла тяжёлая половецкая конница. Закованные в доспехи воины Котяна стальной лавиной устремились на монголов. Навстречу этой орде – клин клином вышибать – на полном скаку вымахали тяжеловооруженные монгольские тысячи, и два конных потока с оглушительным грохотом столкнулись посреди равнины. Сотни воинов, выбитых из сёдел, были мгновенно затоптаны копытами, остальные рванули из ножен сабли и кривые мечи и принялись яростно сечь друг друга.

Следом за половцами воеводы Яруна в бой вступил Даниил Волынский, за ним последовали курская и луцкая дружины. Взяв копье наперевес и прикрывшись большим красным щитом, молодой князь мчался в атаку впереди своих гридней и первым врезался в боевые порядки монголов. Слаженный удар русских конных копейщиков смял передние ряды нукеров. Степняки поддались назад, попятились, и их строй начал прогибаться под мощным таранным ударом. Даниил продолжал наращивать натиск, в бой вступил пеший волынский полк, монголы дрогнули, а затем начали поспешно отступать. Князя повели свои дружины вперёд, но новые вражеские отряды преградили им путь, движение застопорилось, а потом остановилось вовсе, поскольку русское воинство увязло в лютой рукопашной схватке.

Тем временем в сражение вступали полки и дружина Мстислава Удатного. Чаша весов вновь начала клониться в сторону русских, и под их дружным напором монголы вновь попятлись. Князь Мстислав сам повёл гридней в атаку, яростно рубя нукеров боевым топором.

В какой-то момент князю показалось, что стоит сделать последнее усилие, и неприятель будет сломлен окончательно. Удатный храбро бросался на врагов, личным примером вдохновляя дружинников, и немало монголов полегло от ударов его страшного боевого топора. Но противник по-прежнему сражался крепко и не желал уступать. Тысячи всадников носились по степи и яростно рубили друг друга мечами и саблями, гридни и нукеры сходились в рукопашных схватках и, сраженные, валялись на истоптанную копытами лошадей землю. Монгольская конница волной накатывалась на строй пеших полков, но ратники умело отбивались топорами и рогатинами. Битва явно затягивалась, и у Мстислава Мстиславича появилось нехорошее предчувствие, что его собственных сил может для разгрома неприятеля и не хватить. Но пока Удатный решал, как ему поступить в этом сложном положении, ситуация на поле битвы внезапно изменилась.

Разгром дружины Мстислава Удатного
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

* * *

Когда Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский узнали о том, что Мстислав Галицкий перешел Калку, то возмущение, которое их охватило, было одинаковым, а действия – прямо противоположными. Если черниговский князь велел своим войскам спешно

снаряжаться для битвы и быстро переходить Калку, то киевский князь поступил наоборот. Он приказал киевлянам готовиться к сражению и одновременно распорядился ещё больше укрепить холм, на котором стоял лагерь, а также сделать запасы воды. Мстислава Романовича терзали нехорошие предчувствия. Князь полагал, что перед тем, как идти на другой берег и вступать в бой, надо было тщательно разведать обстановку. А этого сделано не было. Исходя из сложившейся ситуации, Мстислав Старый пришел к выводу, что утренняя авантюра Удатного добром не кончится. Киевский князь старался просчитать возможные варианты дальнейшего развития событий. Глядя с вершины холма на собирающихся переходить Калку черниговцев и прислушиваясь к далёкому гулу сражения, он всё больше убеждался в том, что единственным правильным решением будет оставаться на своих укрепленных позициях. А там как Бог даст!

* * *

Субудай и Джебе-нойон применили тактику, которая была стара как мир, – измотав длительным и яростным боем русско-половецкую рать, они заманили её подальше от Калки, а затем обошли свежими тысячами с флангов и ударили справа и слева. Используя численное преимущество на направлении главного удара, монгольские военачальники тем самым сразу же решили исход великой битвы в степи. Половцы, атакованные во фланг и с фронта, не выдержали этого одновременного натиска и обратились в беспорядочное бегство, всё круша и сминая на своём пути. Пешая волынская рать была опрокинута и рассеяна этим неудержимым потоком обезумевших людей и коней, а княжеские дружины приведены в полное расстройство. Отчаянно сражающиеся гридни не только отражали монгольские атаки, но и уклонялись от лавины убегающих половцев, мчавшихся не разбирая дороги.

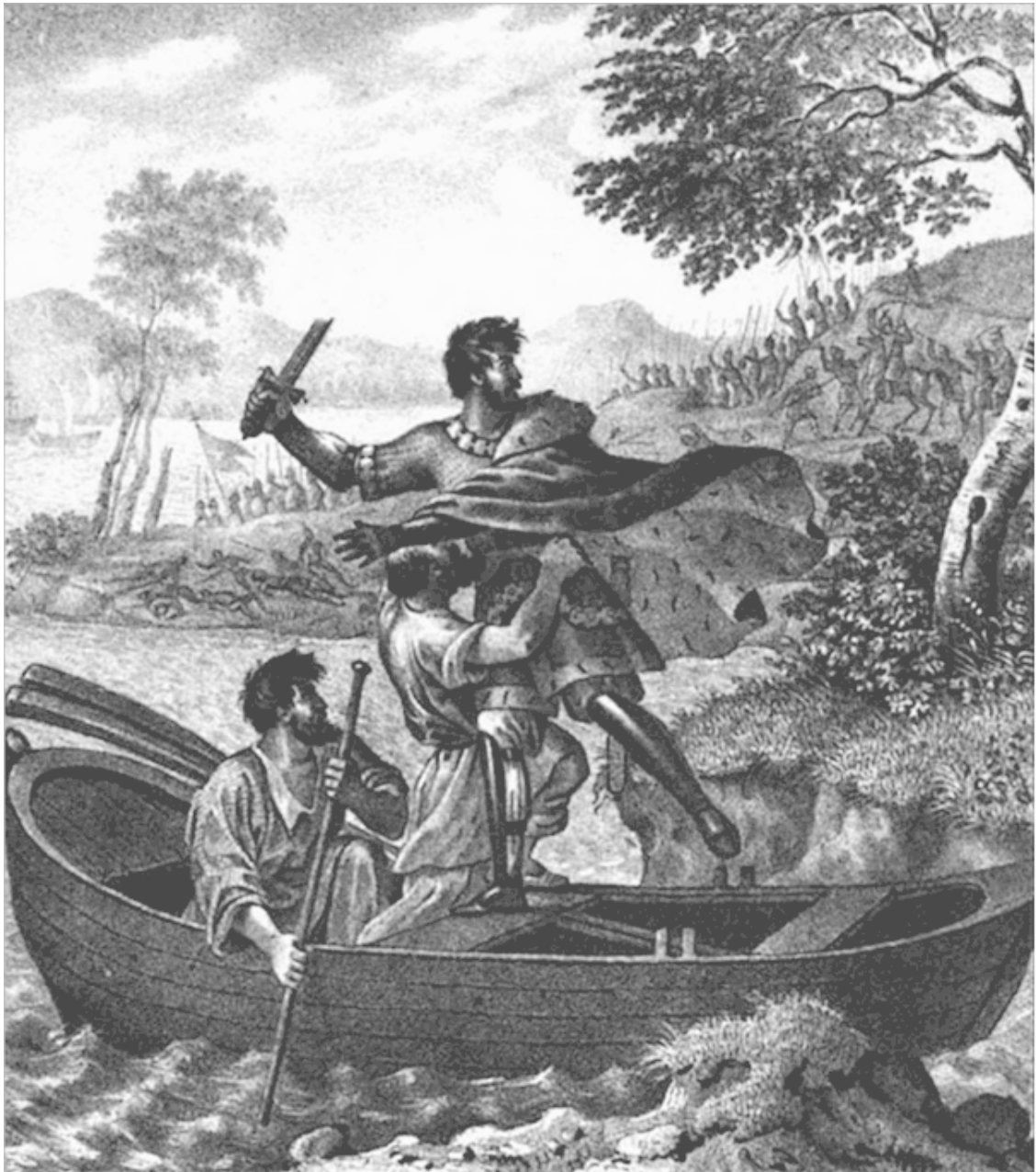
Даниил Волынский был тяжело ранен, вражеское копьё пробило пластины панциря и вонзилось в грудь, но в азарте боя он этого даже не заметил. Теперь же князь изнемогал под ударами нападающих на него со всех сторон врагов, и трудно сказать, чем бы всё это закончилось, если бы на помощь Даниилу не пришёл луцкий князь Мстислав Немой. Прорубившись с гриднями к раненому родственнику, Немой вырвал его из кольца врагов и стал уходить в сторону Калки, стараясь не попасть под копыта убегающей половецкой конницы. Достигнув реки, истомлённый жаждой Даниил захотел пить, и тут ему стало совсем худо. Телохранители подхватили князя, окружили со всех сторон и помчались прочь от Калки, по направлению к Днепру.

Мстислав Удатный так и не понял, откуда у него на флангах появились свежие монгольские тысячи. Некоторые дружинники вовремя заметили новую опасность и успели повернуться к врагу лицом, но не привыкшие к подобным маневрам пешие ратники дрогнули, бросили щиты и стяги и побежали к реке. Мстислав Мстиславич в окружении телохранителей метался вдоль строя, пытаясь удержать своих людей от беспорядочного бегства, но его уже никто не слушал. Князь раз за разом врубался в плотные монгольские ряды, надеясь остановить вражеский натиск, но всё было тщетно. Противник наращивал давление по всему фронту. Когда же Мстислав увидел обезумевшие от страха толпы половецких всадников и истекающего кровью Даниила, то он понял, что битва проиграна и надо уводить своих людей. Галицкие гридни стали пробиваться к Калке, где попали под сокрушительный удар тяжёлой монгольской конницы, которая преследовала половцев и остатки волынской, курской и луцкой дружин. Пешая рать была уничтожена, строй дружины разбит, и Мстислав Удатный понял – настало время спасать свою жизнь.

* * *

Мстислав Черниговский в окружении воевод стоял под стягом на берегу Калки и наблюдал за тем, как его полки и дружина переходят через речку. Часть войск уже переправилась и строилась в боевой порядок на противоположном берегу, другая переходила Калку вброд, а оставшиеся ратники и гридни толпились у переправы, ожидая своей очереди. Где-то вдалеке за холмами гремела битва, её отзвуки то затихали, то нарастали, и Мстислав Святославич переживал, что не успеет принять в ней участие. Шансы остаться без богатой добычи были велики, и черниговский князь поторапливал своих людей.

Внезапно за грядой холмов что-то изменилось, и шум сражения стал стремительно приближаться к берегам Калки. До слуха Мстислава Святославича донёсся дикий рёв обезумевших от страха людей. Приглядевшись, князь увидел волну половецких всадников, которая мчалась прямо на него. Насмерть перепуганные степняки на полном скаку вломились в черниговские ряды, и вся масса людей и коней опрокинулась в Калку. В эту кашу с разгона влетела монгольская конница, и воды реки сразу же окрасились кровью. Нукеры рубили гридней и ратников направо и налево, стремясь как можно скорее выбраться на другой берег. Не успевшие перейти через Калку черниговцы видели, как были уничтожены их главные силы и затоптаны копытами князя. Побросав стяги, копья и щиты, воины обратились в бегство.

Бегство Мстислава Удатного
Худ. Чориков Б.

Монгольские всадники выскочили на берег и продолжили атаку, не давая уцелевшим князьям объединить дружины и оказать врагу организованное сопротивление. Тысячи Субудая и Джебе по телам зарубленных, задавленных и растоптанных врагов, как по мосту, переходили текущую кровью Калку. Мстислав Старый с ужасом смотрел на то, что творилось внизу, но поделать ничего не мог – стоило его дружинникам спуститься с холма, как лавина беглецов и преследователей в самом прямом смысле втоптала бы в землю киевское войско. Поэтому князю оставалось только наблюдать за тем, как монголы безжалостно секли беглецов и мощным, слаженным натиском одну за другой опрокидывали вступающие с ними в бой русские дружины.

У подножия холма, где засели киевляне, монгольские военачальники разделили войска на две части. Одна группа степняков стала преследовать отступающих к Днепру русских,

чтобы не дать им времени перевести дух и снова собраться силами, а другая сплошным кольцом стала окружать укрепленный холм. Мстислав Романович понял, что пробил его час.

* * *

Монгольская конница преследовала русских долго и настойчиво, выстилая их телами степь до Днепра. Пленных не брали – к чему они в этой далекой стране, так далеко от своей земли? Половцы просто разбежались в разные стороны, их теперь днём с огнем не найдешь, а русские бежали к Днепру, где стояли ладьи, на которых можно было спастись. Но, к несчастью для беглецов, одним из первых, кто прискакал к переправе, был Мстислав Удатный. Распорядившись положить в одну из ладей истекающего кровью Даниила, другую князь оставил для своих телохранителей. Остальные же суда Мстислав Мстиславич велел порубить, пожечь или просто оттолкнуть от берега. Удатный пребывал в шоке от сокрушительного поражения и был насмерть перепуган. Князю казалось, что за ним гонятся монголы и вот-вот догонят. Прыгнув в ладью, Мстислав приказал отчаливать.

Битва киевской дружины с монголами
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Галицкий князь слышал проклятия, что посылали ему вдогонку столпившиеся на берегу дружинники и ратники, которых он лишил последней надежды на спасение. Ладья быстро разрешила днепровскую волну, а сидевший на скамье Мстислав Удатный так ни разу и не оглянулся назад, на берег, где он потерял всё – славу, честь и совесть.

* * *

Монголы под командованием тысячников Чегирхана и Тешухана взяли в кольцо холм, на котором засели киевляне. Военачальники решили овладеть укреплением с ходу и дали

сигнал к атаке. Спрыгнув с коней, нукеры начали карабкаться на каменистый холм, посылая стрелы в толпившихся наверху защитников. Но не успели монголы добраться до середины склона, как сверху в них полетели камни и сулицы, а дружный залп из луков и самострелов выкосил передние ряды. Степняки скатились вниз, перестроились и снова пошли в атаку, но град метательных снарядов в очередной раз опрокинул их боевые порядки. С большими потерями нукеры отхлынули от холма.

*Убийство пленных русских князей
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.*

Тогда Чегирхан и Тешухан изменили тактику и решили хорошо подготовиться к штурму. Их войска вступили в яростную перестрелку с киевлянами, а несколько сотен нукеров отправились изготавливать из камыша и тростника большие щиты. Монгольские военачальники хотели свести потери среди своих воинов к минимуму. Тысячи зажжённых стрел полетели в сторону русского укрепления, вонзаясь в частокол и телеги. Кое-где вспыхнул огонь, но киевляне загасили его шкурами и забросали землёй. Тем временем большая часть монгольских отрядов прошла по степи облавой, разгромила поодиночке русские дружины и вернулась к холму. Теперь Джебе и Субудай взялись за дело всерьёз. Нукеры, прикрываясь от стрел и камней большими плетеными щитами, со всех сторон пошли на киевлян, и теперь никакая сила не могла остановить их атаку. Отложив в сторону луки и самострелы, русские воины схватились за мечи и топоры. Княжеские дружинники спешили и встали в первые ряды ратников, готовые принять на себя первый и самый страшный удар врага.

Монголы налетели как ураган. Они пытались вырвать из земли колья, растащить повозки, нукеры запрыгивали на телеги и старались прорваться внутрь кольца обороны. Но этот неистовый натиск был остановлен. Ударами мечей, копий и топоров русские воины погасили воинственный пыл атакующих степняков и отбросили нукеров вниз по склону. Озверевшие багатуры, размахивая кривыми мечами, продолжали карабкаться наверх, но русские бились отчаянно и сотни мёртвых тел степняков катились вниз по склону с разбитыми черепами. Весь день грохотало над Калкой яростное сражение, и лишь когда солнце покатило за линию горизонта, монгольские тысячи отхлынули от покрытого мёртвыми телами неприступного холма. Русские воины буквально повалились от усталости на землю. Ратники перевязывали раны, правили затупившиеся за день мечи, чинили повреждённый частокол. Мёртвых воинов складывали в середине укрепления, а убитых лошадей свеживали на мясо, поскольку никто не знал, как долго продлится осада.

Наутро загремели монгольские барабаны, и тысячи степняков вновь пошли на штурм укрепления. Густо полетели с обеих сторон стрелы, ратники рубили и кололи пытающихся прорваться за кольцо из телег нукеров, и снова монгольская ярость не смогла одолеть русскую доблесть. Словно приливная волна накатывались на холм тысячи Джебе и Субудая, и каждый раз откатывались назад, устилая телами павших крутые склоны. Солнце палило нещадно, всё нестерпимей становилась жажда, и едкий пот заливал сражающимся воинам глаза, но киевляне снова устояли. И когда вечерние сумерки опустились на землю, монголы отступили от горы.

Всю ночь в русском стане жгли костры, опасаясь ночной атаки, а князья и воеводы обсуждали сложившееся положение. Оно было плачевным, поскольку в яростных двухдневных боях киевляне потеряли очень много убитыми, а количество раненых превышало все мыслимые пределы. Заканчивались стрелы и метательные снаряды, но главная беда была в том, что подходили к концу запасы воды. И если проблему с продовольствием можно было решить, забив всех лошадей, то проблему с водой можно было разрешить только одним способом – сделать вылазку. Но это означало новые тяжёлые потери, и главное, пришлось бы покинуть столь надёжное укрепление. Калка – вот она, рядом, прямо под горой, но чтобы добраться до неё, надо пройти сквозь монгольские ряды. Поэтому князья и воеводы решили продолжать бой на холме. Мстислав Романович понимал, что и монголы не могут сидеть под горой до бесконечности, у них свои цели и задачи, а затяжная битва с киевской ратью в их планы не входит. В попытках овладеть укреплением Субудай и Джебе запросто могли положить все свои войска, и тогда им пришлось бы по всей строгости военного времени держать ответ перед Чингисханом. Поэтому была надежда на то, что монголы уйдут.

Третий день битвы ничем не отличался от предыдущих дней. С первыми лучами солнца штурм возобновился и непрерывно продолжался до середины дня. Затем нукеры

отступили, и русские воины увидели карабкавшегося вверх по склону одинокого человека. Многие из дружинников, ходившие до этого походами в степь, знали его, это был старшина бродников по имени Плоскиня. Его пропустили за кольцо телег, где Плоскиня предстал перед Мстиславом Романовичем и двумя другими князьями, которые находились в укреплении – Андреем Туровским, зятем киевского князя, и Андреем Дубровицким.

Бродниками русские летописцы называли смешанное местное население, которое проживало в нижнем течении Дона и Днестра, а также вдоль побережья Азовского моря в XII–XIII веках. В.Н. Татищев полагал, что так назывались русские люди, которые исповедовали христианство и были поселены на Дону «для *показания бродов и переходов*». С.М. Соловьёв считал их просто бродячими шайками, напоминающими казаков. Аналогичного мнения придерживался и Н.М. Карамзин, называя бродников разбойниками, которые иногда нанимались на службу за плату. Одним словом, это были люди, не внушающие доверия. И тем удивительнее было то, что произошло дальше.

Плоскиня сообщил, что монгольские полководцы, Джебе-нойон и Субудай-багатур, не желают больше проливать кровь своих воинов и согласны за выкуп отпустить князей и всю киевскую рать из ловушки. Пусть русские сложат оружие и идут куда хотят, им препятствовать никто не будет, монголы слово держат крепко. В подтверждение искренности своих слов Плоскиня целовал крест на глазах у тысяч киевлян и клялся, что всё так и будет, как он только что поведал.

Трудно сказать, почему Мстислав Романович решил поверить старшине бродников. Скорее всего, он просто сам не знал, что делать дальше. Плоскиня явно не внушал доверия и не был тем человеком, которому можно верить на слово. Бродники пользовались дурной славой, и князь не мог об этом не знать. Возможно, что Мстиславу Старому очень хотелось самому поверить в то, что он услышал, и именно поэтому он стал склоняться к тому, чтобы принять монгольское предложение. Но дело в том, что если бы князь единолично объявил о желании сложить оружие, а войско почуяло подвох и единодушно выступило против этого, то тут уже и Мстислав Романович не смог бы ничего поделать. Значит, дело было не только в киевском князе. Скорее всего, ратникам и дружинникам действительно очень хотелось верить в то, что говорил им Плоскиня. Понимали ли киевляне, что если они выйдут из укрепления и сложат оружие, то окажутся во власти безжалостного врага, разъярённого упорным трёхдневным сопротивлением? Врага, у которого при попустительстве их князя убили послов? Не могли не понимать, и тем не менее...

Дружинники растащили повозки, и в образовавшийся проход сначала прошли князья вместе с Плоскиней, а затем длинной вереницей потянулись вниз по склону русские воины. У подножия холма они кидали в одну общую кучу мечи, боевые топоры, щиты, а сами стремительно бежали к Калке, чтобы скорее напиться. Утолив жажду, воины и гридни направлялись в сторону Днепра. Князей же окружили люди Плоскини, они так и стояли, наблюдая за тем, как последние русские ратники спускаются с холма. Ровными рядами застыли внизу конные монгольские тысячи, никто из степняков не рвался вперёд и не кричал ничего обидного, они просто стояли и равнодушно смотрели на происходящее. И лишь когда последний дружинник бросил в кучу своё оружие, послышались гортанные команды, стена нукеров дрогнула, а затем рванулась вперёд, и монголы принялись яростно рубить безоружное русское воинство.

Князья и опомниться не успели, как их сбили с ног и принялись жестоко избивать, а потом, скрутив верёвками, поволокли и бросили под копыта коней монгольских полководцев. Мстислав Романович видел, как довольно скалился Плоскиня и что-то весело говорил Джебе и Субудая, слышал дикий вой погибающей киевской рати и хотел лишь одного – чтобы всё быстрее закончилось. И только когда последний русский воин упал изрубленным на иссушенную солнцем землю, пришла очередь князей испить смертную чашу. Им при-

помнили всё – и убийство послов, и смерть Гемябека, и отчаянную трехдневную оборону, которую монголы смогли преодолеть лишь с помощью коварства и подлости. Мстислава Киевского, Андрея Туровского и Александра Дубровицкого положили на землю, а сверху на князей ровными рядами уложили доски, на которые бросили ковёр. На этом помосте и пировали монгольские военачальники, празднуя победу, раздражаясь громким хохотом всякий раз, когда слышали, как трещат и ломаются кости у медленно умирающих русских князей.

5. «И был плач и вопль во всех городах и селах...»

Бысть победа на вси князи рускыя.

Такоже не бывало никогдаже...

Галицко-Волынская летопись

На вопрос о том, кто засеял костями русских ратников берега Калки, кажется, ответ ясен – монголы, а то кто же ещё! Но всё не так просто и однозначно. Дело в том, что все шансы на победу изначально были у русских, а шансы монголов на успех были минимальные. Численно войска союзников значительно превосходили тумены Джебе и Субудая, а в том, что касается вооружения, преимущество русских дружин было несомненным. Говорить о том, что князья и воеводы не имели опыта ведения боевых действий в степи, тоже не приходится, поскольку Русь со Степью воевала столетиями, и опыт был накоплен колоссальный. Общеизвестно, что монголы были прекрасными лучниками, но присутствие половцев в рядах союзной рати сводило это минимальное монгольское преимущество к нулю. Да и сами русские были отличными стрелками. Опять получается, что шансов на успех у Джебе и Субудая практически не было.

Сами монгольские военачальники не продемонстрировали ничего нового или гениального, все применённые ими тактические способы борьбы были известны со времён седой древности. Заманивание противника в степь и изматывание его длительными переходами было типичной скифской тактикой, так что ни о каком открытии в области военного искусства здесь речи быть не может. Атаки конных лучников, а затем сокрушительный удар тяжёлой кавалерии по ослабленному противнику тоже придумали не монголы, это так же идёт от скифских времён. Самым ярким примером подобных действий на поле боя является битва при Каррах в 53 году до н. э., когда парфянская кавалерия наголову разгромила римлян, в равной степени используя как конных стрелков, так и панцирную конницу. А затем кто только не пользовался таким приёмом – и гунны, и авары, и печенег, и сельджуки, те же половцы против русских дружин... Список можно продолжать долго, а потому в каком-то новаторстве полководцев Чингисхана заподозрить трудно, всё это хорошо было известно и до них. Да, у монголов была железная дисциплина, но на одной дисциплине далеко не уедешь, особенно при столь очевидном превосходстве противника. Как видим, у союзников преимущество было подавляющее, и, тем не менее, они потерпели сокрушительное поражение. Так почему же это произошло?

Очень чётко на этот вопрос ответил летописец: **«Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей»** (Из Тверской летописи). Учёный книжник ясно увидел главную причину поражения своих соотечественников не в монголах, а именно в тех, кто возглавил борьбу с этими пришельцами. И самая главная вина за позорное поражение лежит на Мстиславе Удатном, чьи действия в итоге и привели к катастрофе. Но парадокс заключается в том, что до определённого момента Мстислав Мстиславич действовал очень грамотно, и только впоследствии, когда амбиции возобладали над остальными чувствами, стал допускать ошибки. Самая главная из них заключалась в том, что когда Удатный решил переходить Калку, он не сказал об этом ни Мстиславу Киевскому, ни Мстиславу Черниговскому. Исключив, таким образом, из битвы практически половину русского войска. Причём летописец конкретно указал мотив, почему так поступил Мстислав Мстиславич: **«А оба Мстислава оставались в стане, не зная об этом: Мстислав Галицкий не сказал им ничего из зависти, ибо между ними была великая распря»** (Из Тверской летописи). Все древнерусские летописи, которые повествуют об этом событии, включая «Повесть о битве на реке Калке», отмечают, что именно это чувство подвигло Мстислава действовать в одино-

честве. Именно зависть одного человека обернулась для всей союзной рати страшной катастрофой, за амбиции Удатного расплатилось всё русско-половецкое войско. И ладно бы, что пошёл воевать один, но он даже не сообщил соратникам о том, что открывает боевые действия, и когда остальные русские князья узнали о том, что происходит, они и полки-то толком не успели изготовить: **«А князья не успели вооружиться против них»** (Из Тверской летописи).

Проблема заключалась и в том, что помимо стратегической ошибки Мстислав Удатный допустил и ряд тактических ошибок, также имевших роковое значение. Во-первых, перед битвой князь не произвел разведку, как дальнюю, так и ближнюю. Не были выявлены места сосредоточения сил противника, и поэтому Мстислав не смог своевременно определить направление главного удара со стороны врага. То, что князь лично съездил в дозор и увидел монгольские разъезды, явно не отвечало потребностям момента. Поэтому русские полки и дружины действовали вслепую, практически наугад, а печальный итог такой непредусмотрительности со стороны русского командования нам известен.

Во-вторых, галицкий князь допустил ещё одну ошибку, которая в миниатюре повторила первую, когда он принял принципиальное решение атаковать врага исключительно своими силами. Дело в том, что Мстислав Мстиславич вводил в бой свою рать по частям. Сначала в битву вступили половцы, потом войска Даниила, затем курская и луцкая дружины, и только после этого пошел в атаку сам Мстислав. И произошло это потому, что войска бросались в бой, как только переходили через реку. Несогласованность налицо. Вполне возможно, что молодые князья и половецкие ханы просто нарушили инструкции Мстислава Удатного. Но поскольку именно он взял командование на себя, то и вся ответственность лежит на нем. Вместо крепкого удара бронированным кулаком русских дружин, получился удар растопыренными пальцами, что для такого опытного военачальника как Мстислав было просто непростительно. Войска, которыми он командовал, численно не уступали силам Субудая и Джебе и при грамотном руководстве были в состоянии разгромить два монгольских тумена. На этот факт обычно не обращают внимания, но, тем не менее, это так.

Попытка Н.И. Костомарова оправдать действия Мстислава выглядит довольно неуклюжей: *«Перейдя через Калку, он встретил татарские полчища неожиданно, ему пришлось сразиться с неприятелем так внезапно и его отряд был так малочислен, что, прежде чем давать знать князьям, нужно было думать о собственном спасении»*¹⁷ (с. 99). Странная какая-то вещь получается – Мстислав Удатный вступает в бой с врагом и долгое время ведёт сражение, но пару минут на то, чтобы отправить гонца за помощью и чтобы предупредить соотечественников, почему-то не находит. Да и о каком малочисленном отряде может идти речь, когда за Удатным пошла добрая половина союзного войска. Так что лукавил Н.И. Костомаров, когда хотел переложить вину Мстислава Мстиславича на других.

Встречается мнение, что Калку Мстислав Удатный перешёл сразу, как только привел на берег реки свои войска. Но это неверно. В летописях чётко указано, что, когда Мстислав Мстиславич переходил утром Калку, остальные князья находились в своих лагерях. Причем киевский князь даже умудрился свой боевой стан укрепить, чего явно не случилось, если бы Удатный атаковал монголов с ходу. Мстислав Старый расположил войска на горе над Калкой, и от него вряд ли бы укрылись все передвижения полков галицкого тёзки, поскольку обзор с возвышенности был прекрасный. Если же Мстислав Удатный переходил речку до рассвета или с первыми лучами солнца, то всё становится понятным и объяснимым. Поэтому и записал летописец: *«Мстислав Романович и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали»* (Галицко-Волынская летопись).

¹⁷ Здесь и далее Костомаров Н.И. по изданию: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Сварог, 1995.

Что же касается поведения Мстислава Галицкого во время бегства, то его можно объяснить только одним: князь перепугался до смерти. Озаботившись спасением собственной персоны, он велел уничтожить все средства переправы через Днепр. Некоторые историки решили оправдать такое недостойное поведение князя. При этом указывали даже на некую закономерность и целесообразность уничтожения ладейного флота, но только не на трусость Мстислава. Вновь обратимся к работе Н.И. Костомарова: «*Мстислав Удалой избежал погони и, достигши Днепра, истребил огнем и пустил по реке стоявшие у берега ладьи, чтобы не дать возможности татарам переправиться через реку, а сам с остатками разбитых вернулся в Галич*» (с. 99). Дело в том, что монголы на правом берегу Днепра всё же оказались, и поэтому уничтожение Удатным ладейного флота было не только подлостью, но и глупостью.

Идея, что отсутствие судов могло остановить монгольскую переправу через Днепр, неверна сама по себе. Если бы в этом возникла необходимость, то степняки переправились бы и без русских ладей и насадов, форсировать реки они умели очень хорошо. Зато если признать, что Мстислав Удатный банально струсил, то никакие заумные теории предлагать не надо. В Софийской I летописи об это написано открытым текстом: «**Бояся по себе погони от татар, а сам едва убежа в Галич**» (т. 5, с. 207). В Тверской летописи сюжет о страхах Мстислава Галицкого звучит прямо противоположно той версии, что предлагает Н.И. Костомаров: «*Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь ладьи, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони; а сам он едва убежал в Галич*». Разница в подходе к одной и той же проблеме налицо.

Есть ещё одно свидетельство, наглядно демонстрирующее трусость и подлость Мстислава Удатного. Польский историк Матвей Меховский (1457–1523), служивший королю Сигизмунду I, написал очень интересный труд – «Трактат о двух Сарматиях». Рассказ пана Матвея о битве на Калке краток, информативен и чужд тех нелепостей, которые присутствуют у Генриха Латвийского. Вот что ученый-поляк сообщает о бегстве с поля боя Мстислава Удатного: «*Князь Галицкий Мстислав Мстиславич, добежав до кораблей, переправился через реку, а затем, боясь татарской погони, велел обрубить причалы кораблей и в ужасном смятении бежал в Галич*»¹⁸. Даже в Польше знали о том, что знаменитого ратоборца охватил панический страх, ставший причиной гибели тысяч русских воинов. Тем временем Меховский развивает тему: «*Вся же остальная масса русских, добежав до кораблей и найдя обрубленные причалы, впадала в уныние и, не имея сил переплыть волны, погибла там от голода, за исключением немногих князей и некоторых их воинов, перебравшихся через реку на челноках*»¹⁹. Интересным является замечание польского историка о том, что немало русских воинов, оставшихся на левом берегу Днепра, погибло от голода. И действительно, спасаясь от монголов, они были вынуждены бежать в степь, где шансов на выживание без еды и воды у них практически не было. Вывод напрашивается один – на совести Удатного тысячи русских жизней, которые князь принес сначала в жертву своему честолюбию, а затем трусости.

Это понимал и сам Мстислав Мстиславич, поскольку удалившись в Галич, он затосковал и впал в глубокую депрессию. Ещё раз обращу внимание на то, что высказывание Н. Костомарова о Мстиславе Удатном, что «*это был лучший человек своего времени*», действительности не соответствует. Деяния этого князя были прямо противоположные.

¹⁸ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л.: АН СССР, 1936. С. 48.

¹⁹ Там же. С. 49.

* * *

Кроме русских летописцев, о битве на Калке сообщают и зарубежные авторы. На востоке это Ибн аль-Асир и Рашид ад-Дин, а на западе Генрих Латвийский. Рассказав историю появления в Половецких степях туменов Джебе и Субудая, а также о реакции на это вторжение русских князей, Ибн аль-Асир излагает ход битвы: *«Услышав об этом, русы и кипчаки, которые были уже готовы сразиться с ними, выступили на дорогу, по которой шли татары, чтобы встретиться с ними до того, как они дойдут до их страны, с тем чтобы помешать им вторгнуться в нее. Узнав об этом, татары повернули назад. Русы и кипчаки почувствовали себя смелыми против татар, вообразив, что те повернули обратно из боязни перед ними и не будучи в силах воевать с ними. И погнались они (русы) за татарами, а те продолжали отступать в течение двенадцати дней, преследуемые ими по пятам.*

Но вдруг татары повернули против русов, которые не успели оглянуться, как столкнулись с ними неожиданно для себя, так как они считали себя в безопасности и чувствовали себя сильнее их. Но не успели собраться, чтобы сразиться, как татары набросились на них с большими силами. Обе стороны выказали стойкость, подобной которой никто доселе не слышал. Сражение между ними продолжалось несколько дней, но затем татары одолели, а кипчаки и русы обратились в ужасное бегство после того, как татары нанесли им сильное поражение. Из бежавших многие были перебиты и лишь немногие спаслись. Все, что было с ними (русами), было разграблено» (с. 143).

Татары, пирующие после битвы на Калке. 1224 г.

Ученый муж с Востока довольно верно излагает ход событий, разве что расходится с русскими летописцами в некоторых деталях. Например, в летописях говорится о том, что

русско-половецкая рать преследовала монголов восемь дней, а Ибн аль-Асир утверждает, что двенадцать. Но это непринципиально. Главное, что историк очень точно показал как тактику Субудая и Джебе, так и невероятную самоуверенность русских князей. Два фактора, которые оказали решающее влияние на исход битвы. Ибн аль-Асир отметил, что сражение продолжалось несколько дней, а эта информация также совпадает со свидетельствами русских источников.

Рассказ Рашид ад-Дина более лаконичен. Персидский историк главное внимание уделяет действиям монгольского корпуса в Закавказье, а о битве на Калке сообщает кратко: *«Затем они напали на страну урусов [Русь] и на находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдели большинство их местностей. Оттуда монголы ушли и присоединились к Чингиз-хану по той дороге, по которой он возвращался из страны тазиков. И все!»* (с. 229).

Обратим внимание на двенадцать дней похода, что перекликаются с информацией Ибн аль-Асира, а также на то, что Рашид ад-Дин несколько преувеличил последствия вражеского вторжения в русские земли. Монголы прошли лишь по самому краю Руси и вновь ушли в степь, не разорив ни одного крупного города. Но в целом ход событий изложен верно.

Рассказ о битве на Калке в исполнении Генриха Латвийского выглядит довольно своеобразно. Дело в том, что достаточно правдиво обрисовав ситуацию в общих чертах, автор углубился в частности, где и дал волю своей фантазии. Судите сами: *«В тот год в земле вальвов²⁰ язычников были татары. Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева (Mistoslawe de Kywa) с сорока тысячами воинов, что были при нем. Другой же король, Мстислав Галицкий (rex Galatie Mysteslawe), спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один бог), прочие же бежали»²¹* (с. 222).

Здесь без комментариев.

* * *

Потери русских войск в битве на Калке были страшные. Причем не только среди простых ратников, но и среди командного состава. Кроме Мстислава Киевского, Андрея Туровского и Александра Дубровицкого было убито ещё шесть князей и великое множество бояр и воевод. Летописи фиксируют весь масштаб невиданной на Руси катастрофы: *«А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой»* (Из Тверской летописи). *«Говорят, что только одних киевлян в этой битве погибло десять тысяч»* (Из Лаврентьев-

²⁰ Вальвы – печенеги.

²¹ Здесь и далее Генрих Латвийский по изданию: Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. М.—Л.: АН СССР, 1938.

ской летописи). Впрочем, в Тверской летописи приводятся иная цифра – 30 000 киевских воинов, что явно не соответствует действительности.

Разберем наиболее спорный момент битвы – добровольную сдачу киевлян врагу под честное слово. Как его держали монголы, мы уже знаем. Но из текста источников следует, что Мстислав Киевский и бывшие с ним князья сдались не монголам – они сдались бродникам, которые от имени Субудая и Джебе обещали им неприкосновенность. *«Ту же и бродники с Татары быша, и воевода Плоскына, и оканьный воевода цловав крест честный к Мьстиславу и к обема князема, око их не избити и пустити их на искуп, и сълга оканьный: преда их, извязав»* (Новгородская I летопись старшего извода). Практически слово в слово данную информацию сообщают и другие летописцы: *«Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоския. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам»* (Из Тверской летописи). Во всех русских летописях и летописных сводах, повествующих о битве на Калке, красной нитью проходит мысль – обманули русских не монголы, а бродники во главе с Плоскиней. Именно они вели переговоры с киевлянами, а затем схватили и передали князей в руки монгольских полководцев. Другое дело, что воевода бродников не городил отсебятину, а выполнял чёткие инструкции своих монгольских хозяев, которые рассчитывали на то, что русские князья скорее поверят единоверцам, чем представителям «народа незнаемого».

Если бы русские действительно знали нравы и обычаи монголов, они бы никогда не сдались им на милость. Спустя два десятка лет францисканский монах Плато Карпини напишет книгу «История монголов», где расскажет о своём путешествии в столицу Монгольской империи Каракорум в 1244–1247 годах. И одна из глав этого труда так и будет называться: **«О вероломстве Татар и о жестокости против пленных»**. Если бы киевский князь знал то, что знал ученый-монах, то он никогда бы не сложил оружия, а сражался до конца. Вот что рассказал Карпини о монгольском коварстве: *«Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те сдались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: „Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю“. А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов»²².*

Сложил свою голову на Калке и Александр Попович, тот самый богатырь, что ушёл в Киев, спасаясь от мести князя Георгия: *«И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьюдесятью богатырями»* (Из Тверской летописи). Впрочем, в Софийской I летописи говорится о том, что вместе с Александром было убито *«10 храбров»* (с. 206). Погибли они во время разгрома монголами киевской дружины, поскольку по долгу своей службы были вынуждены находиться возле Мстислава Романовича. В этом случае, как и большинство киевлян, богатыри были убиты без оружия в руках.

Ростовскому князю Василько Константиновичу, шедшему со своей дружиной из Суздальской земли, в этот раз повезло. К тому моменту, когда русские полки сошлись на Калке с монголами, ростовская дружина дошла только до Чернигова. Однозначно, что присутствие ростовских гридней в рядах союзной рати не изменило бы стратегическую ситуацию

²² Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. Государственное издательство географической литературы. М., 1957. С. 54.

в пользу русских. Дело было не в количестве воинов. А так и князь остался жив и дружину сохранил. Что и было зафиксировано: *«Услышав о том, что случилось на Руси, Василько повернул назад от Чернигова, сохраненный богом, и силой креста честного, и молитвой отца своего Константина, и дяди своего Георгия. И вернулся он в город Ростов, славя бога и святую богородицу»* (Из Лаврентьевской летописи). Бога было за что славить, поскольку все вернулись домой живы и здоровы. Но, как говорят, от судьбы не уйдёшь. В страшном 1238 году Василько сойдется с монгольской ордой в битве на реке Сить, и эта встреча окажется для ростовского князя роковой.

Монгольские военачальники очень грамотно организовали преследование разбитого противника. Мало того что степняки гнали русских до Днепра, они затем переправились через реку и продолжили преследование на правом берегу. Об этом свидетельствует тот факт, что степняки достигли Новгорода-Святополча, где население, напуганное страшными слухами о неведомых пришельцах, вышло им навстречу с крестами и иконами. А зря: *«Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты»* (Тверская летопись). Но дело даже не в этом, а в том, что Новгород-Святополч находился на правом берегу Днепра, в 56 верстах от Киева. Это значит, что, невзирая на все ухищрения Мстислава Удатного, монголы без проблем преодолели водную преграду и продолжили преследование. Только не нужен им был Мстислав Мстиславич, они просто добивали разбитого противника.

С самой отвратительной стороны показали себя половцы. После сокрушительного разгрома они разбежались по степи и стали грабить тех русских союзников, кому посчастливилось избежать встречи с монголами: *«А у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду»* (Из Тверской летописи). Об этом же свидетельствует и Матвей Меховский. О судьбе русских беглецов он поведал следующее: *«Остальных во время бегства (и сказать отвратительно!) убивали союзники-половцы, через землю которых спасались беглецы: убивали всадников ради коней, убивали и топили в воде пеших ради одежды»*²³. Как говорится, друзья познаются в беде.

Чем для Руси обернулось поражение на Калке? Тех глобальных последствий, о которых говорят некоторые исследователи, эта битва, конечно же, не имела. Даже если бы русские на Калке одержали победу, то это ровным счетом ничего бы не изменило, и осенью 1237 года орда Батые всё равно подошла бы к границам Рязанского княжества. Это наглядно продемонстрирует пример Волжской Болгарии. С другой стороны, говорить о том, что Джебей и Субудай специально провели на границах Руси разведку боем, а затем помчались к Чингисхану докладывать о том, что среди князей на Руси нет единства, глупо. В приднепровских степях монголы оказались в какой-то степени случайно, преследуя убегающих половцев. Мы помним, что **идти на Запад Чингисхан своим полководцам приказа не давал**. Но конкретно для Южной и Юго-Западной Руси побоище на Калке имело самые негативные последствия.

Прямым следствием битвы стали бесконечные междоусобицы, которые вспыхнули после гибели такого количества князей. Начался передел княжеских столов, к власти пришли другие люди, возникли новые союзы и коалиции. Период относительной стабильности и спокойствия закончился. Южная и Юго-Западная Русь начали медленно погружаться в пучину смут и братоубийственных войн, которые будут продолжаться вплоть до нашествия Батые. Калка южнорусских князей ничему не научила.

²³ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л.: АН СССР, 1936. С. 48.

* * *

В наши дни, в 1998 году, на месте битвы был установлен поклонный крест. А в те далекие времена на Руси всё происшедшее воспринималось как кара за грехи, не даром летописцы свой рассказ о битве на Калке предваряли словами: *«По грехом нашим»*. Как «народ незнаемый» внезапно пришел, так внезапно и ушел, оставив за собой кровавый след: *«И был плач и вопль во всех городах и селах. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли»* (Из Тверской летописи).

6. Ловушка для Субудая. Лето 1224 г.

Жители Болгара устроили им в нескольких местах засады и выступили против них.

Ибн аль-Асир

Субудай-багатур и Джебе-нойон вели тумены на восток. После великой победы над русскими и половцами на Калке оба военачальника считали, что теперь Чингисхан не спросит с них строго за то, что они не совсем точно выполнили его приказ и вместо быстрого движения на восток совершили вынужденный рейд на запад. Побежденного врага следовало добить, что полководцы и сделали, окончательно разгромив половцев. А заодно и русских, которые имели неосторожность выступить на стороне хана Котьяна. Победа была одержана действительно выдающаяся, над сильнейшим противником, и Джебе с Субудаем надеялись заслужить похвалу своего грозного повелителя.

Монголы двигались к Волге. Справа лежали рязанские земли, однако Субудай и Джебе знали, что полки местных князей в битве на Калке не участвовали, сохранили боеспособность и могут дать достойный отпор захватчикам. Силу и ратное мастерство русских воинов монголы имели возможность оценить, и поэтому им не хотелось в данной ситуации снова встречаться с ними на поле боя. К тому же верные люди говорили, что если монголы нападут на Рязань, то на помощь ей придут князья Суздальской земли, чьи дружины просто втопчут в землю поредевшие в боях тумены. Двух подряд чудес не бывает, и полководцы Чингисхана это прекрасно понимали. И если им в битве на Калке крупно повезло, то это не значит, что повезет и во второй раз, если они снова вздумают сразиться с русскими. Поэтому степняки обходили рязанские рубежи стороной.

Конные лучники серебряных болгар
Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.

Впереди монголов поджидало новое искушение, поскольку прямо на их пути лежали земли Волжской Болгарии. Страна купцов и торговцев, искусных ремесленников и мастеровых не могла не привлечь алчного взора степных хищников. Трудно сказать, располагали ли монгольские полководцы подробной информацией о вооруженных силах серебряных болгар, скорее всего что нет. Приказа Чингисхана нападать на эту страну у них не было, поэтому и сбором сведений о Волжской Болгарии его военачальники не занимались. Когда же оказалось, что есть возможность совершить вторжение на болгарские земли, то пришлось довольствоваться той скудной информацией, которую монголы могли получить как от половцев, так и от захваченных в плен русских. Но это было очень мало и не проясняло ситуацию. Тем не менее Джебе и Субудай решили напасть на Волжскую Болгарию. Почему они пошли на этот шаг?

Предположить можно следующее. Во-первых, это жадность. Банальная человеческая жадность. У монголов она принимала поистине патологические формы, достаточно просто почитать источники, чтобы понять, что творили степняки в захваченных городах и других населенных пунктах. Захват добычи на войне – вот в чем смысл жизни истинного монгола. А Волжская Болгария славилась своим богатством на весь Восток! И если есть шанс это богатство отобрать, то почему бы им не воспользоваться?

Во-вторых, полководцы Чингисхана могли быть невысокого мнения о серебряных болгарях как воинах, считая их не способными оказать серьезное сопротивление на поле боя. Разве торговцы и мастера сумеют отразить удар монгольского меча? Это могло ещё больше подогревать аппетит не только Субудая, Джебе и остального командного состава корпуса, но и рядовых нукеров.

В-третьих, с монгольскими полководцами могло произойти то, что впоследствии назовут головокружением от успехов. Неудивительно, что после битвы на Калке эта парочка возомнила себя непобедимой! Безнаказанность порождает самоуверенность, а она, как известно, до добра не доводит. Что наглядно продемонстрировал Мстислав Удатный. И неожиданно оказалось, что данный урок Субудая и Джебе впрок не пошел. Решив нанести удар по Волжской Болгарии, военачальники подошли к организации вторжения настолько безответственно, что провалили всё дело. Хотя изначально ничего не предвещало столь печального исхода...

* * *

Когда Субудая доложили о том, что нукеры из передовых частей видели впереди конные разъезды серебряных болгар, старый вояка крепко задумался. Многолетний опыт подсказывал ему, что раз противник позволил себя обнаружить, то он готов к бою, и вполне возможно, болгары где-то рядом. Субудай стал вспоминать, что он знает о болгарской армии, и с удивлением обнаружил, что не так уж и много. Что кто-то, когда-то ему говорил о том, что серебряные болгары бывшие кочевники и что они до сих пор сильны своей конницей. Больше ничего дельного Субудай вспомнить не смог. Покряхтев, полководец отправился к Джебе.

Нойон знал о волжских болгарях ещё меньше, чем Субудай. Посоветовавшись, военачальники решили идти прямо на Великий Булгар, о богатствах которого были наслышаны, и брать город штурмом. А если болгарское войско преградит путь, то противника уничтожить и продолжить движение. В том, что победа будет на их стороне, монгольские полководцы не сомневались. Ведь совсем недавно они уничтожили объединённое русско-половецкое вой-

ско, которое в разы превосходило их тумены числом, а здесь! Решение было принято, и монгольский корпус в очередной раз отклонившись от главного маршрута, выступил на город Великий Булгар.

Изначально всё пошло не так, как планировали Субудай и Джебе. Едва монголы изменили направление движения и стали смещаться к северу, как сразу завязались ожесточенные бои между идущими в авангарде нукерами и отрядами легкой болгарской конницы. Серебряные болгары внезапно налетали на монгольские разъезды, осыпали врагов стрелами, а затем разворачивали коней и быстро отступали. Степняки бросались в погоню, и когда казалось, что они вот-вот настигнут беглецов, болгарские наездники разворачивались в седлах и меткими выстрелами поражали нукеров. Монголы кувырком летели в дорожную пыль, под копыта бешено мчавшихся коней. Погоня отставала, и болгары уходили безнаказанно.

Это было настолько неожиданно, что командиры сотен немедленно доложили о сложившейся обстановке тысячникам, а те в свою очередь поспешили к Субудаю и Джебе. Военачальники тоже не ожидали от волжских болгар такой прыти, но решение идти на Великий Булгар отменять не стали и продолжили поход. Между тем ожесточенные бои вспыхивали регулярно, болгары теперь атаковали крупными силами, и монгольские потери стали резко расти. На руку болгарам играло и то, что их военачальники очень хорошо знали местность, поэтому полководцы Чингисхана сразу же оказались в очень невыгодном положении. Конные лучники серебряных болгар появлялись словно из ниоткуда и начинали осыпать противника стрелами. Передовые отряды Джебе и Субудая бросались в погоню за неуловимым врагом, но болгары уклонялись от ближнего боя, и сразу же обращались в бегство. Их преследовали, но безрезультатно. Ситуация зеркально отражала ту, которая сложилась в битве на Калке, только теперь на крючке оказались монголы. Потому что незаметно для них самих тумены Джебе и Субудая направились туда, куда их завлекали болгары.

Старый степной волк Субудай недоволено хмурился и говорил своему боевому товарищу о том, что ему всё это не нравится и надо что-то делать, чтобы изменить ситуацию. Но Джебе только весело ухмылялся и указывал на то, что болгары не смогут отступить до бесконечности, поскольку рано или поздно они окажутся прижаты к Волге, на противоположном берегу которой стоит Великий Булгар. И в этом случае вражеские полководцы либо переправятся на левый берег и дадут бой под стенами города, либо будут драться на правом берегу. Субудай с этими доводами соглашался и даже склонялся к тому, что битва с серебряными болгарами произойдет на левом берегу. Ему было очевидно, что противник все силы сосредоточил у Великого Булгара и атакует монголов во время переправы через реку. По крайней мере, сам Субудай так бы и поступил.

Всё произошло очень быстро и неожиданно. Тысячник, командующий передовыми сотнями, прислал к Субудаю и Джебе гонца, который сообщил о том, что впереди стоит готовое к бою болгарское войско. Это было настолько неожиданно, что старый полководец растерялся. Однако быстро взял себя в руки и распорядился произвести тщательную разведку. Но уже следующий гонец доложил, что враг перешел в наступление и что Джебе-нойон взял командование авангардом на себя. Субудай велел развернуть тысячи в боевой порядок, а сам проехал вперед, чтобы оценить ситуацию.

Поднявшись на небольшой холм, полководец увидел, что монголы одолевают, а болгары медленно отступают к темневшей вдали кромке леса. Субудай решил закрепить успех и бросил в битву несколько тысяч воинов. Степняки дружно навалились на болгар, и противник обратился в бегство. Монголы погнались врага с поля боя, болгары уходили отстреливаясь. И когда казалось, что нукеры вот-вот настигнут беглецов, из леса повалили темные массы вражеской конницы и пехоты. Убегавшие болгары разъехались в разные стороны, и монголы налетели на густые ряды вражеских пехотинцев, накрепко в них увязнув. В это время пошла в атаку болгарская кавалерия и опрокинула передовые части Джебе.

Один тумен Субудай оставил у себя под рукой, а все остальные войска бросил в бой, который разгорелся с новой силой. И невдомек было старому полководцу, что в нескольких верстах от места сражения тяжелая кавалерия серебряных болгар по лесным тропам заходит ему в тыл. А битва продолжала бушевать среди перелесков и у кромки леса, тысячи всадников съезжались в рукопашных схватках, рубились на саблях, били друг друга булавами, кололи копьями. Ни одна из сторон не могла добиться перевеса, и Субудай уже стал подумывать о том, что пора ввести в бой резерв, когда ситуация резко изменилась. С севера надвигалась огромная туча пыли, и Субудай сразу понял, что это такое.

В атаку шла болгарская конница, от грохота копыт стонала земля, развевались на ветру знамена, ярко блестели на солнце доспехи всадников. Это кавалерия была красой и гордостью Серебряной Болгарии, её основу составляли дружинники и телохранители местных феодалов. Они свято чтит боевые традиции далеких предков-кочевников, и теперь, в этот грозный час, все как один встали на защиту своей страны.

Навстречу болгарам ринулся тумен Субудая. Соратник Чингисхана понимал, что для привычной тактики изматывания врага наскоками лучников у него нет ни времени, ни пространства. И если он отведет свои войска, то враг ударит Джебе в тыл и тогда все, кто сейчас сражается у леса, будут уничтожены. Поэтому Субудай велел своим тысячникам идти в контратаку и слаженным ударом разгромить врага. Загрохотали барабаны сотников, и ряды монгольской конницы понеслись навстречу серебряным болгарам.

Сблизившись на расстояние выстрела, противники осыпали друг друга стрелами, после чего убрали луки в колчаны, выхватили мечи и сабли и сошлись в рукопашной схватке. Два конных потока схлестнулись друг с другом, сотни поверженных всадников полетели через головы коней на землю, сотни раненых лошадей забились в смертельной агонии. Некоторое время сражение бушевало с переменным успехом, а затем из гущи боя стали вырываться отдельные всадники и уноситься прочь. И это были монголы.

Субудай глазам своим не поверил, когда побежал сначала один десяток, потом второй, третий... Наконец, нукеры побежали сотнями, а когда рухнул весь строй, бегство стало всеобщим. Старый полководец ринулся в толпу, пытаясь остановить беглецов, но было уже поздно. Болгары рубили степняков направо и налево, один за другим падали монгольские бунчуки, и некогда непобедимая армия превратилась в объятую паникой толпу. Из близлежащих лесов выплеснулись отряды легкой болгарской кавалерии и, как свора охотничьих псов по следу раненого зверя, помчались за разбегавшимися в разные стороны нукерами. Тумен Джебе был окружен и вырезан, а сам нойон потерялся в гуще боя.

Бежал Субудай, бежали тысячники, бежали сотники, десятники и простые нукеры. Бежали, не думая о том, что за это по закону Чингисхана их ждет смерть. Бросали награбленное добро и уносились с поля боя сломя голову, подгоняемые страхом перед серебряными болгарками. Это был разгром.

...Вечером следующего дня Джебе и Субудай сидели у костра и спорили о том, как доложить Чингисхану об этом сокрушительном поражении. Смерти полководцы не боялись, боялись позора. Когда же Джебе предложил согласно «Ясе» Чингисхана казнить беглецов, Субудай отрицательно покачал головой. В живых осталось всего 4000 нукеров, и если их наказать согласно закону, то кого они с Джебе приведут к шатру своего повелителя?

* * *

В русских летописях сведений о войне между Серебряной Болгарией и монголами в 1223 году нет. Лишь В.Н. Татищев сообщает, что *«татары пришли на Волгу в Нижние Болгары в великом множестве и воевали с оными, а к Великому граду не доходили»* (с. 713).

Единственный вывод, какой можно сделать на основании данной информации, заключается в том, что полководцы Чингисхана так и не сумели прорваться к Биляру.

Снаряжение немецкого рыцаря XIII в. Миннезингер Вольфрам фон Эшенбах. Манесский кодекс

Подробный рассказ о победе волжских болгар над туменами Субудая и Джебе сохранился у Ибн аль-Асир. У историка всё изложено предельно четко и недвусмысленно, иных толкований быть просто не может. Судите сами: *«После того, что сделали татары с русами, и после того, как ограбили их страну, как мы выше говорили, они ушли от них и отправились в конце 620 [1223] года к Болгару. Услышав об их приближении, жители Болгара устроили им в нескольких местах засады и выступили против них. Встретившись с ними, они (болгары) повлекли их за собой, пока не прошли места, где были засады, после чего сидевшие там выступили против них сзади, так что татары очутились в середине, и их начали рубить со всех сторон. Большинство их было перебито, и лишь немногие из них спаслись. Говорят, что их было всего четыре тысячи человек, которые и направились в Саксин к своему царю Чингизхану»* (с. 144).

Назад в Монголию вернулась только пятая часть от первоначального состава экспедиционного корпуса. Такой рейд трудно назвать удачным. Как следует из текста Ибн Аль Асира, серебряные болгары применили против монголов их же тактику и нанесли им сильнейшее поражение. И вина за этот разгром лежит прежде всего на монгольских командующих, которые вовремя не разглядели ловушки. Так что не был Субудай-багатур непобедимым полководцем, как это часто любят у нас преподносить в исторической литературе. Был соратник Чингисхана бит, и бит нещадно. Хотя победа волжских болгар, в отличие от поражения на Калке, где нам гордиться совершенно нечем, не на слуху. А жаль.

Чингисхан оставил без последствий это поражение. Возможно, что чувствовал в нём и свою долю вины, поскольку после смерти хорезмшаха Мухаммеда отправил своих полководцев неизвестно куда и неизвестно зачем. А может быть, всё было гораздо проще. Джебе и Субудай были талантливыми военачальниками, а каган ценил людей за их качества и теми из них, кто был ему полезен, не разбрасывался. Наглядным примером здесь служит случай с Шики-Кутуку-нойоном, которого в битве при Перване разбил последний хорезмшах Джелал ад-Дин. Узнав о разгроме своего военачальника, Чингисхан изрек следующие мудрые слова: *«Кутуку привык быть всегда победоносным и побеждающим и ещё никогда не испытал жестокости судьбы, теперь, когда он испытал её, он будет осторожнее, у него приобретется опытность и он получит [надлежащее] знание о [военных] положениях»* (Рашид ад-Дин, с. 222). Вполне возможно, что нечто подобное было сказано в адрес Субудая и Джебе. Ведь, по большому счёту, повеление кагана военачальники выполнили. И даже раньше оговоренного срока: *«Они с Чингизханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, [а в действительности] в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу»* (Рашид ад-Дин, с. 195).

* * *

Победа волжских болгар самым положительным образом сказалась на развитии торговых отношений в регионе. Монголы действительно несли с собой лишь разрушение и смерть, и говорить о том, что их нашествие где-то и кому-то принесло пользу, просто неумно. Когда серебряные болгары выбили монголов из Поволжья, торговые люди вздохнули свободно: *«Таким образом, земля кипчаков освободилась от них, и те из них, которые спаслись, вернулись в свою страну. До этого, т. е. со времени вступления татар в страну кипчаков и русов, пути сообщения были прерваны, и от них ничего не доходило до нас, ни буртасы, ни соболя, ни других товаров, вывозимых из тех стран. По уходе татар из тех стран, бежавшие жители вернулись в них, пути были восстановлены и снова стали привозить товары»* (Ибн аль-Асир, с. 144).

То, что не удалось русским и половцам, блестяще проделали серебряные болгары. Волжская Болгария продемонстрировала свою военную мощь, и монголы этот урок запомнили. Когда они вновь пойдут войной на эту страну, ни о какой недооценке противника даже речи не будет. Но обратим внимание на такой принципиальный факт. Русские на Калке были разбиты Субудаем и Джебе, а волжские болгары одержали над монголами победу. Тем не менее через полтора десятка лет наследники Чингисхана нападут как на Русь, так и на Серебряную Болгарию. Поэтому ещё раз отмечу, что независимо от того, победили бы русские на Калке или нет, нашествие Батые всё равно бы состоялось.

II. На западных и восточных рубежах

1. Война в Прибалтике. 1221–1224 гг.

*Край же ливонский от войн тишины, как и прежде, не видел.
Генрих Латвийский*

В январе 1223 года в Эстонии вспыхнуло грандиозное восстание против немецких и датских феодалов. Повстанцы жгли и разрушали до основания рыцарские замки, резали дворян как простых, так и «божьих», убивали католических священников. Восставшие обратились за помощью к русским соседям. Первоначально на стороне эстов сражались немногочисленные отряды наемников и добровольцев из Новгорода и Пскова. Постепенно их количество увеличивалось, поскольку желающих повоевать с крестоносцами и поправить свои дела за их счет было хоть отбавляй. Сами новгородцы и псковичи официально пока в открытую конфронтацию с католиками не вступали, они просто ждали, как будут дальше развиваться события. А они сначала складывались в пользу эстов и их союзников: *«По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей. Русских же и из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили – некоторых в Дорпате, некоторых в Вилиендэ, а других в других замках, чтобы сражаться против тевтонов, латинян и вообще христиан; разделили с ними коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили. Выстроили по всем замкам патерэлы и, поделив между собою много баллист, захваченных у братьев-рыцарей, учили друг друга пользоваться ими»* (Генрих Латвийский, с. 226).

Из данного сообщения следует, что русские действуют как наемники и становятся военными специалистами в эстонских отрядах, поскольку только им было под силу выстоять против хорошо обученных и вооружённых рыцарей. Но когда орден меченосцев при поддержке войск рижского епископа перешёл в наступление, ситуация в Эстонии стала критической. Разгромив эстонские войска, крестоносцы осадили замок Вилиендэ, который вместе с эстонцами защищали и русские воины. Героическая оборона замка наглядно показала, что с крестоносцами можно успешно бороться, только для этого требуется желание и единение. Именно эти факторы среди защитников и отсутствовали.

Осада Вилиендэ продолжалась 15 дней. «Божьи дворяне» соорудили баллисты и начали бомбардировать крепостные стены, но неожиданно сами угодили под сильнейший обстрел с городских укреплений. Дело в том, что осажденные воспользовались метательными машинами, которые рыцари в своё время установили в замке. Меткими выстрелами эсты и русские разносили в щепки осадную технику меченосцев, и тогда орденское командование решило изменить тактику и овладеть замком с помощью лобового штурма.

По приставным лестницам сотни крестоносцев карабкались на крепостные стены. Эсты метали сверху короткие копья, расстреливали атакующих из луков и арбалетов, но не могли остановить вражеский натиск. Братья-рыцари добрались до гребня стены и стали протискиваться в бойницы. Но там их уже ждали. Русские ратники встретили «божьих дворян» ударами боевых топоров и палиц, мечей и шестоперов. Один за другим полетели рыцари вниз с разбитыми головами и переломанными конечностями, под стенами замка выросли кучи из мертвых тел. Яростный бой гремел по всему периметру городских укреплений, однако крестоносцы так и не сумели достичь какого либо успеха. Все атаки крестоносцев разбивались об упорство осажденных.

Вскоре братьям-рыцарям удалось поджечь участок стены, и по ночам на много верст окрест можно было видеть, как огромное зарево бушевало над замком. Но, несмотря на удушающий летний зной, на дым и пламя, русские и эсты продолжали сражаться. Перелом наступил лишь тогда, когда из-за большой скученности людей и страшной жары, на которой быстро разлагались трупы, в Вилиендэ начался мор. От болезни люди едва стояли на ногах и вскоре начали умирать. Сил сопротивляться больше не было, и ослабевшие защитники были вынуждены сдаться. Крестоносцы ворвались в замок.

Дальше «божьи дворяне» действовали проверенными и отработанными методами. Эстов крестили, в замок ввели гарнизон и начали строить новые каменные укрепления, а Вилиендэ переименовали в Феллин. Что же касается русских, то с ними обошлись очень жестоко, поскольку братья-рыцари считали их своими главными врагами: **«Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским»** (Генрих Латвийский, с. 231). Можно предположить, что эсты договорились с немцами за спиной своих союзников и их головами выкупили свои жизни. Иначе какой смысл был псковичам и новгородцам сдаваться, уж лучше умереть с мечом в руке, чем быть повешенным крестоносцами! В этом случае вполне естественно выглядит жестокость князя Ярослава Всеволодовича по отношению к эстам в Вилиендэ, когда его полки в августе этого же года вторгнутся в Эстонию. Если бы защитники замка знали о том, что помощь близка, они бы никогда не открыли ворота братьям-рыцарям.

* * *

Осознав, что в одиночку им не выстоять, в Новгород прибыли эстонские старейшины с просьбой о полноценной военной помощи. Господа новгородцы очень этому обрадовались, поскольку появился прекрасный шанс при помощи эстов потеснить католиков в Прибалтике. Понимая всю сложность предстоящей кампании, новгородцы в свою очередь запросили помощи у князя Георгия. Великий князь рассудил, что дела в Прибалтике напрямую затрагивают интересы Суздальской земли, и велел брату Ярославу собирать полки. Именно в это время в Половецких степях появился «народ незнаемый», однако ресурсы князей Северо-Восточной Руси были уже направлены на другое стратегическое направление. Причем гораздо более важное.

Поход был поистине общерусский – шли новгородцы и псковичи, суздальские полки и рать из Переславля-Залесского. Если же учесть что Ярослав рассчитывал и на поддержку эстонцев, то сила получалась воистину грозная: **«Между тем старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский своего брата, а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек»** (Генрих Латвийский, с. 231). Для такого большого войска и цель была выбрана соответствующая – главный удар планировался в самое сердце врага, на Ригу.

Едва русские полки вступили в Эстонию, князю Ярославу неожиданно улыбнулась удача. Причем так широко, что этот первоначальный успех компенсировал конечную неудачу всего мероприятия в целом. Жители Юрьева решили порвать с католиками, повязали гарнизон и прислали к Ярославу посольство с богатыми дарами. А заодно выдали всех пленных немцев. Юрьев был ключом не только к Эстонии, но и к Прибалтике в целом. Обладая этим городом и превратив его в базу для дальнейшего наступления, Ярослав мог держать под ударом не только Ригу, но и владения датского короля. Что же касается эстов, то им было гораздо выгоднее иметь дело с русскими, которых, в отличие от немцев, интересо-

вала исключительно материальная сторона проблемы. Мы уже убедились, что суздальские и псковские князья не утруждали себя вопросом, в кого верит местное население Прибалтики. А новгородским купцам да боярам до этого вообще не было никакого дела.

Эсты из Юрьева понимали, что против мощи ордена им не устоять, и попросили у Ярослава защиты. Князь отреагировал моментально и прислал две сотни своих дружинников, которыми командовал не кто иной, как князь Вячко. Тот самый, который изрубил людей рижского епископа и сжег Кукейнос. На роль наместника в Юрьеве Вячко подходил идеально, как по свойствам характера, так и в силу особенностей своей биографии. Вряд ли из русских князей в этот момент нашёлся бы человек, ненавидевший католиков больше, чем бывший князь Кукейноса. Благодаря крестоносцам он потерял всё, что имел, и после того как сжёг свой город, вёл жизнь обычного князя-изгоя, нанимаясь на службу к тем, кто хорошо заплатит. Получив от Ярослава в удел Юрьев, Вячко собирался драться за город до самого конца, одновременно при этом отстаивая интересы своего сюзерена в Прибалтике. Будучи великолепным бойцом и опытным военачальником, он оказался на передовой великого противостояния Запада и Руси. Теперь очень многое зависело от него лично.

Что же касается эстов, то их такой исход дела вполне устроил. Хотя и был Вячко человеком православным, но ему было глубоко наплевать, в кого веруют его эстонские подданные, лишь бы дань платили исправно да с немцами сражались хорошо. Ярослав получил в Прибалтике подконтрольные земли, где поставил наместником лично преданного себе человека, и теперь у князя был плацдарм для наступления на владения католиков. Новгородцы и псковичи получили буфер между своими землями и владениями ордена и с этого момента могли спать спокойно. Эсты же обрели могущественного союзника и покровителя, на поддержку которого могли рассчитывать в борьбе с крестоносцами. Что же касается Вячко, то он после долгих лет скитаний обрел удел, пусть беспокойный и порубежный, но всё же удел. Как видим, довольны оказались все – за исключением крестоносцев.

Итоги этих печальных для немцев событий подвел Генрих Латвийский: **«И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавнии и во всей Эстонии... После того новгородцы послали короля Вячко, некогда перебившего людей епископа рижского в Кукенойсе, дали ему денег и двести человек с собой, поручив господство в Дорпате (Юрьеве) и других областях, какие он сумеет подчинить себе. И явился этот король с людьми своими в Дорпат, и приняли его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей. Против тех, кто не платил податей, он посылал свое войско, опустошил все непокорные ему области от Вайги до Виронии и от Виронии вплоть до Гервена и Саккалы, делая христианам зло, какое мог»** (с. 232).

* * *

Ярослав Всеволодович, создав подвластное себе княжество в Юрьеве, сделал отличный задел на будущее. Но, с другой стороны, его планы по захвату Прибалтики имели весьма серьезный изъян, поскольку в сложившейся ситуации князь очень сильно зависел от Новгорода. Переславль-Залесский находился далеко, и в случае опасности перебрасывать оттуда полки в Юрьев было крайне сложно. От Новгорода же до Юрьева рукой подать, но как поведёт себя в случае осложнения ситуации в Прибалтике новгородская вольница, предсказать не мог никто. Сам ход событий говорил в пользу того, что Ярославу надо продолжить поход на Ригу. Располагая такими громадными силами, князь просто обязан был ударить по главному центру немецкого владычества в Прибалтике. Но этого не произошло.

Снаряжение немецкого рыцаря XIII в.
Миннезингер Ваксмут фон Кунзинген. Манесский кодекс

Неожиданно в дело вмешались эстонские старейшины. Исходя из своих местных интересов, они обратили внимание князя на то, что, двигаясь на Ригу, он оставляет у себя в

тылу мощнейшую датскую крепость – замок Линданиэ (Ревель), который русские называли Колыванью. Если князь его захватит, то под властью Ярослава окажется практически вся Эстония. Имея такой надёжный тыл, он всегда сможет свернуть шею рижскому епископу. Ярослав подумал и согласился. Почему он так поступил? Скорее всего, здесь интересы князя совпали с интересами Великого Новгорода. В случае успеха под Линданиэ господа новгородцы получали прекрасную перевалочную базу на торговом пути Новгород – Ладога – Нева – Линданиэ (Ревель) – Балтика. А Ярослав Всеволодович помимо Юрьева ещё один опорный пункт в Эстонии.

По большому счёту, эстонские старейшины сбили князя с пути истинного: *«И послушался их король, и вернулся с войском другой дорогой в Саккалу и увидел, что вся область уже покорена тевтонами, два замка взято, а его русские повешены в Вилиендэ. Он сильно разгневался и, срывая гнев свой на жителей Саккалы, поразил область тяжким ударом, решил истребить всех, кто уцелел от руки тевтонов и от бывшего в стране большого мора; некоторые, однако, спаслись бегством в леса»* (Генрих Латвийский, с. 232). Ярослав Всеволодович не просто так обрушился с репрессиями на обитателей замка и местное население. Скорее всего, эсты действительно выкупили свои жизни головами русских ратников. Удивляет другое.

Как следует из текста, Ярослав только в Прибалтике узнал о взятии крестоносцами Вилиендэ. Это в свою очередь свидетельствует только об одном – ни Ярослав Всеволодович, ни новгородцы в полной мере не владели информацией о том, что происходит в регионе. И если Ярославу это простительно, поскольку он княжил в далеком Переславле-Залесском, то новгородцам нет. Если бы князь своевременно узнал о том, что Вилиендэ штурмуют крестоносцы, то он бы поспешил на помощь осажденному гарнизону. А так он узнал о падении замка только в Саккале.

Тем временем к русскому войску присоединились отряды эстонских союзников, и объединенная рать подступила к датскому замку Линданиэ. Ярослав был полон самых радужных надежд, однако всё закончилось очень плохо. Дадим слово Генриху Латвийскому, подробно рассказавшему о злоключениях русского князя, который **«четыре недели бился с датчанами, но не мог ни одолеть их, ни взять их замок, потому что в замке было много балистариев, убивавших немало русских и эстов. Поэтому в конце концов король суздальский в смущении возвратился со всем своим войском в Руссию. А было то большое, сильное войско и пыталось оно взять датский замок тевтонским способом, но не хватило сил. Разорив и разграбив всю область кругом, они вернулись в свою землю»** (с. 232).

Всё повторялось с завидной регулярностью. Неумение штурмовать замки и крепости в очередной раз сыграло с русскими злую шутку. Обладая колоссальным преимуществом, Ярослав под стенами Линданиэ не достиг вообще никаких успехов, и бесплодные атаки, в которых погибло немало русских ратников, ни к чему не привели. Возможно, не сумев овладеть замком с помощью штурма, Ярослав изменил бы тактику. Русские любили брать города с помощью блокады – «обложения», и не исключено, что князю удалось бы под угрозой голода заставить капитулировать защитников. Но и здесь не задалось, поскольку Ярослав Всеволодович неожиданно вдрызг разругался с новгородцами. Почему эта ссора произошла и что послужило причиной, неизвестно, но она имела продолжение, когда Ярослав вернулся в Великий Новгород. Сразу по прибытии на берега Волхова князь забрал семью и ушёл в Переславль-Залесский, уводя вместе с собой суздальские полки: *«Поиде князь Ярослав с княгынею и с детьми Переяслалю; новгородци же кланяхутся ему: „не ходи, княже“; он же поиде по своей воли»* (Новгородская I летопись старшего извода).

Если бы эстонцы не сдали русским Юрьев, то этот поход был бы совершенно провальным и бесполезным мероприятием, а громадные ресурсы оказались потрачены впустую. И немалая вина за это лежит на Ярославе, который отказался от четкого плана кампании,

послушался эстонских старейшин и пошел на Линданизэ, который так и не сумел взять. Такие метания Ярослава Всеволодовича ни к чему хорошему не привели, а ссора с новгородцами только усугубила и без того непростую ситуацию. В итоге князь махнул на все рукой и ушел в Переславль-Залесский, бросив на произвол судьбы князя Вячко в Юрьеве. Это был серьезный стратегический просчет, который очень дорого обойдется не только Ярославу и Новгороду, но и Руси в целом. Расплачиваться за него придется несколько столетий.

Впрочем, господа новгородцы поход неудачным не считали, о чем свидетельствует запись в Новгородской I летописи старшего извода: *«Приде князь Ярослав от брата, и иде с всею областью к Колываню, и повоева всю землю Чюдскую, а полона приведе бещисла, но города не взяша, злата много взяша, и придоша вси сдрави»*. У новгородской вольницы были свои критерии успеха, которые несколько отличались от общепринятых. Да и конфликт с Ярославом возник не на пустом месте. И пусть князь ушёл от новгородцев по своей воле, легче от этого никому не стало, потому что вскоре орден начал новое наступление. В Новгороде же в это время на княжении оказался старший сын великого князя Георгия, Всеволод. Однако в сложившейся ситуации толку от него было мало, поскольку парню исполнилось лишь 12 лет.

* * *

Осознав, к каким катастрофическим последствиям может привести потеря Юрьева, крестоносцы серьезно взялись за дело. Для решающего похода на город, который олицетворял сопротивление католикам в Прибалтике и как магнит притягивал к себе все антигерманские силы в регионе, епископ Альберт поднял всю Ливонию. Две попытки по захвату Юрьева, предпринятые до этого братьями-рыцарями, закончились полным провалом, и епископ отдавал себе отчет, к каким последствиям может привести третья неудача. Но сначала немцы решили попробовать решить дело миром и отправили к Вячко посольство. Князю предлагали оставить Юрьев и эстонцев на произвол судьбы, а самому удалиться на Русь.

Осада Тарту

Гравюра Фридриха фон Майделя

Генрих Латвийский очень точно передал смысл переговоров: *«И отправили епископы послов к королю в Дорпат, прося отступить от тех мятежников, что были в замке, так как они оскорбили таинство крещения; бросив веру христову, вернулись к язычеству; братьев-рыцарей, собратьев и господ своих, одних перебили, других взяли в плен и таким образом вовсе извели в своих пределах, а все соседние области, перешедшие в веру христову, ежедневно грабили и опустошали. И не захотел король отступить от них, так как, давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские короли обещали избавить его от нападений тевтонов»* (с. 236).

В себе и своих людях Вячко был уверен, а также имел крепкую надежду на помощь из Руси. Поэтому он ответил немцам отказом и бросил клич по стране, чтобы все, кто хочет сражаться против католиков, шли в Юрьев: *«И собрались в тот замок к королю все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской»* (с. 236). Вот такие, по мнению Генриха Латвийского, были защитники города. Понятно, что на их фоне крестоносцы выглядели благородными людьми.

Вячко ничего не пускал на самотек и основательно подготовил Юрьев к обороне: *«Да и на самом деле замок этот был крепче всех замков Эстонии: братья-рыцари ещё ранее с большими усилиями и затратами укрепили его, наполнив оружием и балистами, которые были все захвачены вероломными. Сверх того, у короля было там множество его русских лучников, строились там еще и патерэллы, по примеру эзельцев, и прочие военные орудия»* (Генрих Латвийский, с. 236). Князь понимал всё значение грядущей битвы и был готов оказать «божьем дворянам» достойное сопротивление.

Но и епископ Альберт двинул в поход огромные силы. В полном составе выступил орден меченосцев, прибыли отряды крестоносцев из Германии, в Риге и её окрестностях было собрано большое ополчение из немецких колонистов. Так же к войску присоединились отряды подвластных епископу племен ливов. Вскоре эта громада выступила в поход, огнём и мечом прошла по эстонским землям, и 15 августа 1224 года подошла к стенам непокорного города. Легендарная осада Юрьева²⁴ началась.

* * *

Князь Вячко стоял на крепостной стене и смотрел на громадный лагерь крестоносцев, раскинувшийся у городских укреплений. Поля, окружающие город, были покрыты шатрами, тысячи людей суетились между ними, и всё это скопище напоминало князю большой муравейник. Столпившиеся на башнях и боевых площадках защитники Юрьева с высоты городских стен наблюдали за тем, что происходит в округе. Они видели, как немцы тащат брёвна и доски, сколачивают из них навесы и громадные щиты, чтобы укрываться от стрел, сооружают тараны и метательные машины. Русские и эсты понимали, что вскоре последует приступ, который будет жестоким и кровопролитным, потому что враг силен и искусен в ратном деле, отлично вооружён и полон лютой злобы. Но и у немцев вызывали тревогу многочисленные дымы, поднимающиеся над валами осаждённого города, а мощнейшие укрепления Юрьева вгоняли в трепет даже ветеранов-крестоносцев. Поэтому братья-рыцари готовились к штурму так тщательно и основательно, как никогда до этого. Когда же подготовка закончилась, крестоносцы без страха пошли на приступ.

²⁴ Немцы переименовывают Юрьев в Дерпт, в наши дни это эстонский город Тарту.

Рыцарь эпохи Крестовых походов

Миниатюра XIII в. из собрания Британской королевской библиотеки

Рёв боевых рогов меченосцев разорвал предрассветную тишину, и спящий город моментально ожил, тысячи людей поспешно вооружались и спешили на стены. Мчались на боевых конях к городским воротам княжеские дружинники, а женщины и дети накрепко запирались в своих домах. С высокой башни князь Вячко видел, как на город наползает армия крестоносцев. Воины Христовы несли штурмовые лестницы, катили перед собой большие щиты, тащили хворост и брёвна заваливать ров. Над Юрьевым гремел набат, ярко горели на стенах костры, где кипятили смолу и воду, лучники и арбалетчики разбирали стрелы, а ратники складывали рядом с бойницами кучи камней. У баллист замерли готовые к бою воины, ожидая лишь команды, чтобы начать обстреливать наступающую вражескую рать. С башни, где стоял Вячко, пропела боевая труба, и град метательных снарядов обрушился на идущих в атаку немцев. Крестоносцы как снопы повалились на землю.

Меченосцы добежали до подножия стен, десятки лестниц взметнулись вверх, рыцари и оруженосцы стремительно полезли на укрепления. Стоящие на стенах ратники швыряли во врагов дротики и короткие копья. С боевых площадок «божьих дворян» жгли смолой и шпарили кипятком, сбивали камнями и стрелами, а лестницы отталкивали длинными рогатками. Десятки обожженных и искалеченных германцев падали со стен, но новые воины Креста в отчаянном порыве становились на место погибших и с остервенением продолжали карабкаться наверх. Достигнув гребня стены, крестоносцы вступили в схватку с защитниками, но эсты сражались отчаянно, они рубили врагов топорами, гвоздили тяжелыми дубинами, кололи копьями и пиками. От страшных ударов эстонских палиц плющились железные рыцарские шлемы, трещали и раскалывались белые щиты, с намалёванными на них красными крестами и мечами.

К воротам меченосцы подтащили таран и, прикрываясь навесом, начали ломать дубовые створы. Сверху бросали камни и брёвна, лили смолу, швыряли факелы, пытаясь поджечь навес, но покрытый мокрыми шкурами он не желал загораться. Удары тарана становились всё сильнее и сильнее. Наконец у воротной башни появился князь Вячко. Здесь его уже ждала дружина и суздальские гридни князя Ярослава, воины сошли с коней и разминались перед предстоящей схваткой. Князь спешил, опустил личину шлема, вытащил из ножен тяжёлый меч и велел открывать ворота – дружинники за его спиной строились в глубокую колонну. Немцы не ожидали беды, когда тяжёлые створы распахнулись и из арки потоком хлынули русские воины. Всех крестоносцев, что были у ворот, быстро порубили и посекли, навес и таран спалили. После чего гридни ринулись вдоль стены, опрокидывая лестницы и рубя врагов направо и налево. Меченосцы не выдержали этой атаки и бросились прочь от стен, к лагерю. Дружинники их не преследовали, поскольку опасались конных братьев-рыцарей. Сражение постепенно затихало, и штурмующие, оставив под стенами сотни мёртвых и искалеченных тел, отступили. Победа в этот день осталась за Вячко, но он понимал, что это только начало и самые страшные испытания ещё впереди.

* * *

Не сумев быстро захватить Юрьев, крестоносцы перешли к планомерной блокаде, и теперь их осадные машины гремели день и ночь, швыряя в город камни и зажигательные снаряды. Защитники отвечали им не менее меткими выстрелами из баллист, от их точных попаданий разлеталась на куски немецкая осадная техника и яркими кострами пылали осадные сооружения крестоносцев. Артиллерийская дуэль не затихала ни на час, грохот стенобитных машин заглушал человеческий голос, а боевые площадки содрогались от многочис-

ленных залпов. Эсты прекрасно управлялись с немецкими баллистами, поскольку не раз видели, как из них стреляли баллистиарии крестоносцев. Германцы в полной мере пожинали плоды приобщения бывших подданных к военному искусству Западной Европы. Длинные чёрные шлейфы, которые чертили в ясном небе зажигательные снаряды противоборствующих сторон, и густые клубы дыма от мест их попадания были видны издали и словно говорили всем – Юрьев не побеждён, Юрьев сражается!

Одной перестрелкой дело не ограничивалось. Как только рыцари начинали подкатывать свои метательные машины ближе к крепостным стенам, то распахивались городские ворота и конные гридни во главе с князем Вячко бросались на врага. На полном скаку они налетали на крестоносцев, рубили их мечами, поджигали баллисты и мчались обратно в крепость. Несколько раз навстречу русским кидались конные братья-рыцари, и тогда под стенами Юрьева разыгрывались настоящие кавалерийские бои, где перевес склонялся то на одну, а то на другую сторону. Но пока происходили эти артиллерийские и кавалерийские сражения, немцы капитально взялись за подготовку к решающему штурму. Они, как кроты, вгрызались в землю, ведя подкоп в сторону городского вала, а также сооружали громадную осадную башню. По ночам крестоносцы собирались в лагере и начинали колотить мечами о щиты, оглашая окрестности боевым кличем. Громко пели боевые рога братьев-рыцарей, а в ответ с городских стен ревели боевые трубы русских и гремели барабаны эстов.

Параллельно с военными приготовлениями немцы не оставляли попыток овладеть Юрьевым мирным путём, и к Вячко явилось посольство, в состав которого входили священники, ливонские дворяне и рыцари-меченосцы. Понимая, что именно русский князь со своей дружиной является тем стержнем, на котором держится оборона, крестоносцы предложили ему свободно покинуть город. Беспрепятственно вывести всех своих людей, коней, а также казну и прочее добро. Но Вячко помнил пламя над Кукейносом и своё бегство из родового удела. Он ответил немцам отказом, пояснив, что Юрьев – это его город и он отсюда никуда не уйдёт, будет биться против немцев, сколько сил хватит, а там как Бог даст. Князь был твёрдо уверен в том, что из Новгорода к нему придёт помощь, и не собирался снова становиться изгоем по милости латинян. Да и князь Ярослав не бросит в беде своего наместника.

Крестоносцы очень боялись именно такого развития событий. И когда по их лагерю разносилось весть о том, что русская рать подходит к Юрьеву, половина немецкого войска выступила в сторону предполагаемого противника. Но у страха глаза велики и слухи оказались ложными, зато они в полной мере продемонстрировали всю уязвимость позиций крестоносцев. Это было ясно и командованию ордена, и рижскому епископу, и прочим высшим командирам Христова воинства. Поэтому было решено ускорить подготовку к генеральному штурму.

К этому моменту осадная башня, которую строили из высоких и крепких деревьев, достигла высоты стен, и немцы стали постепенно подтаскивать её к валу, предварительно завалив на этом участке ров. Ускорили и работы в подкопе, где часть воинов постоянно копала землю, а другая часть быстро вытаскивала её в корзинах наружу. Часть вала, под которую подкопались немцы, обрушилась, и появилась возможность подтащить башню прямо к городской стене и по мосткам перебраться на боевые площадки. Штурм назначили на утро, и всю ночь крестоносное воинство готовилось к решающей битве. Епископы служили торжественную мессу, «божьи дворяне» молились и произносили обеты, и наутро боевой дух братьев-рыцарей был высок, как никогда. Получив благословение на битву с еретиками и язычниками от своих духовных наставников, воины Христа на рассвете пошло на приступ.

Под градом метательных снарядов, которые дождём сыпались со стен, меченосцы приблизились к валу и стали карабкаться вверх по лестницам, в то время как их товарищи покатали к городским укреплениям осадную башню. Но как только она опасно приблизилась, через отверстие, которое было заранее проделано в городской стене, выбежали эсты с

факелами в руках и стали выкатывать большие деревянные колёса. Поджигая эти сооружения, они сталкивали их вниз, и огненный вал покатился по склону, прямо на осадную башню крестоносцев. Она вспыхнула моментально. Толкающие башню немцы бросились врассыпную, а сверху продолжали бросать дрова, факелы и зажжённые вязанки хвороста, стараясь как можно скорее сжечь этого деревянного монстра.

Братья-рыцари бросились вверх по склону вала. Невзирая на летевшие со стен стрелы и камни, они попытались остановить катившиеся одно за другим огненные колёса. Сражение закипело, но Бог в этот день отвернулся от латинских воинов, терпя повсюду большой урон, они начали отходить. Башню от огня удалось отстоять, только толку от неё теперь было немного – почерневшая и покосившаяся, она одиноко стояла между городом и лагерем. Самое главное заключалось в том, что крестоносцы снова потерпели поражение и понесли при этом большие потери. Их боевой дух упал. Страх, что в любой момент на помощь осажденному гарнизону может подойти новгородская рать, распространился по лагерю. Но там, где бессильна грубая сила, на помощь приходит коварство, и очередное посольство от епископа Рижского снова отправилось в Юрьев.

* * *

На этот раз послы крестоносцев встречались не только с Вячко. Они настояли на встрече с эстонскими старейшинами и представителями города, предложив обсудить вопрос о заключении перемирия. Через своих агентов в Юрьеве немцам удалось убедить некоторых представителей городской верхушки в необходимости его заключения. И теперь братья-рыцари надеялись, что они, в свою очередь, повлияют на решение Вячко. Но князь тоже не собирался единолично решать такой ответственный вопрос, а потому долго советовался со своими боярами и воеводами. Положение в городе было тяжёлое, но не критическое, и можно было продолжать держать оборону. С другой стороны, люди смертельно устали, поскольку были вымотаны непрерывными боями. Вячко понимал, что и у немцев ситуация тоже не самая лучшая, к тому же над ними как дамоклов меч висит угроза похода новгородцев на помощь Юрьеву. Тем не менее на перемирие согласился. Условия согласовали следующие: крестоносцы уходят от города и не подступают к нему в течение 14 дней, а если за это время помощь осаждённому не придёт, то они сдают Юрьев. Сами же уходят куда хотят, со всем своим добром.

Почему князь принял такое решение? Да потому, что Вячко знал то, о чём не знали немецкие агенты: после долгих препирательств между собой новгородцы выступили в поход и скоро их рать будет под Юрьевым. Заключая перемирие сроком на две недели, князь мог спокойно дожидаться помощи, а затем, соединившись с полками из Новгорода, ударить по немцам.

Армия рижского епископа отползла от Юрьева, а защитники, пользуясь временным затишьем, устроили себе небольшой отдых и расслабились. Как оказалось, зря. Немецкие шпионы тщательно отслеживали ситуацию в городе и, когда заметили, что бдительность гарнизона Юрьева ослабла, подали весть своим. Уже на третий день, после того, как было заключено перемирие, войска крестоносцев в сгущавшихся вечерних сумерках подступили к городу и стали выдвигаться на рубежи для атаки. Ночь стояла тёмная, со стен ничего не было видно, и редкие факелы, которые швыряли вниз немногочисленные стражники, лишь бесполезно прорезали ночную тьму и гасли под бешеными порывами ветра. Караульным не могло прийти в голову, что коварный враг нарушил перемирие и уже подкрадывается к городским валам, готовясь атаковать ничего не подозревающий Юрьев. И когда в городе внезапно вспыхнуло несколько домов, а ветер стал разгонять огонь, никто и не подумал, что с этого момента начался отсчёт последних часов героической обороны.

Пока ратники и жители тушили пожар, который раздували сильные порывы ветра, а стража на стенах отвлеклась на это зрелище, крестоносцы пошли на приступ. Атаковали сразу по всему периметру городских стен, быстро смяли немногочисленные дозоры, переваляли через вал и ворвались в город. Сражения не было, а было избиение безоружных людей, совершенно не готовых к отражению вражеской атаки. Вячко собрал вокруг себя верных гридней и прорубился к воротам, надеясь вырваться из обречённого города, но крестоносцы, не желая никого выпускать из Юрьева, подожгли мост через ров и отрезали русским путь к отступлению. Вслед за братьями-рыцарями и пилигримами в поверженную крепость ворвались воины из подчинённых крестоносцам племен ливов, и бойня вспыхнула с новой силой. Завоеватели рубили всех подряд, улицы Юрьева были залиты кровью, а сам город охвачен громадным пожаром. Весь гарнизон был перебит, в живых оставили лишь одного суздальского дружинника, которому дали коня, еду и отправили на Русь. Пусть расскажет там о силе крестоносцев. К утру на всех башнях Юрьева развевались знамёна ордена – красный крест и меч на белом поле.

* * *

О событиях, которые произошли в Юрьеве в конце лета – начале осени 1224 года, нам известно из сообщений Генриха Латвийского и Василия Татищева. В русских летописях об этом судьбоносном моменте истории говорится крайне скупо: *«Того же лета убиша князя Вячка Немьци в Гюргеве, а город взяша»* (Новгородская I летопись старшего извода). Что же касается свидетельств Генриха Латвийского и Татищева, то они прекрасно дополняют друг друга. Хотя более связным и логичным выглядит повествование Василия Никитича, и сейчас постараюсь объяснить почему.

Дело в том, что немецкому хронисту, помимо изложения самого хода событий, надо было ещё описывать подвиги своих единоверцев и соотечественников. Подвиги, которые должны были потрясать воображение современников. Но той подлостью, при помощи которой был захвачен Юрьев, гордиться было нечего, а потому Генрих о перемирии не упоминает вообще, сводя всё к одному удачному штурму. Но при описании этого штурма у него возникает масса всяческих нестыковок, которые сразу же бросаются в глаза. Наиболее наглядным здесь является эпизод с мостом, которому Генрих Латвийский отводит решающую роль. Историк говорит о том, что крестоносцы *«нанесли дров и подожгли мост, а русские все бежали к воротам для отпора»* (с. 239). Возникает закономерный вопрос – зачем тем, кто штурмует город, поджигать мост, который ведёт к воротам? Обычно, наоборот, такой мост стараются построить, а если он есть, то использовать для захвата вражеских укреплений! И вопрос второй – зачем русским гридням собираться у ворот для их защиты, если единственный мост, который к ним ведёт, объят пламенем? Логика в действиях, как немцев, так и русских, нет никакой, но если всё это рассматривать в том контексте, как это изложено у Татищева, всё встаёт на свои места: *«Князь же, учинив совет с боярами, заключил перемирие с немцами. И положили немцем отступить от града далее и войны не иметь, в Новгород послать с тем известием, и если в 14 дней не будет отповеди, то город отдать и людям дать волю, кто хочет останется или выйдет в иное место со всеми их пожитками, куда захотят. И так договорясь, клятвою утвердили. И немцы немного отступили, а юривцы, веря немецкой клятве, в стражах ослабели. Немцы, рассудив, что новгородцы города отдать не повелят и вскоре могут на помощь прийти, усмотрев же, что стражи ослабели, не так хранят, как прежде было, на третий день после договора, ночью подкравшись к городу, зажгли. Тогда был ветер великий и ночь темная, от оного загорелось во граде несколько домов. Люди, не ожидая от немцев клятвопреступления, оставив стражи, унимали огонь, ломая строение, чтоб далее не пустить. А немцы, вооружась, учинили приступ»*

и, скоро войдя во град, взяли князя Вячка и бояр, которые слезно их просили, чтоб как пленных не губили. Но они, несмотря ни на что, словно беззаконные рабы дьявола, а не Божии, князя и бояр побили» (с. 687–688).

Из текста однозначно следует, что Вячко попал в плен и был убит крестоносцами. Генрих Латвийский просто скромно упоминает, что «*перебили всего вместе с королем около двухсот человек*» (с. 239). Эти 200 человек – личная дружина князя и суздальские гридни, и потому нет ничего удивительного в том, что немцы их не пощадили, забыв про все рыцарские обычаи.

Существует ещё одна версия гибели легендарного князя, её приводит монахиня Таисия в своей книге «Русские святые»: «*В начале XIII в. город Юрьев, воздвигнутый вел. князем Ярославом Мудрым на реке Омовже, на запад от Пскова, был взят немецкими рыцарями-меченосцами. Князь же юрьевский, Вячко, видя гибель своего города, бросился с конем с городских стен прямо в пламень, объявшив город, – и погиб. С тех пор Юрьев стал называться по-немецки – Дерптом*»²⁵. Что и говорить, легенда красивая, другое дело, насколько она правдива.

Судьба Вячко и его людей была определена задолго до падения Юрьева, в «Хронике» на этот счёт есть конкретное указание. Генрих Латвийский приводит рассуждения братьев-рыцарей по данному вопросу: «*Надо взять этот замок приступом, с бою и отомстить злодеям на страх другим. Ведь во всех замках, донныне взятых ливонским войском, осажденные всегда получали жизнь и свободу: оттого другие и вовсе перестали бояться. Так теперь мы всякого, кто из наших первый взберется на вал и вступит в замок, превознесем великими почестями, дадим ему лучших коней и лучшего пленника из взятых в замке, за исключением короля, которого вознесем надо всеми, повесив на самом высоком дереве*» (с. 239). Участь Вячко была решена, и та кровавая баня, которую устроили крестоносцы в поверженном городе, удивления не вызывает.

Новгородцы действительно выступили к Юрьеву, весть о падении города застала их в походе: «*Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город*» (Генрих Латвийский, с. 240). Помощь была близка, но лишь Татищев даёт чёткое указание на то, почему полки выступили с опозданием: «**Но поскольку у новгородцев с князем было несогласие и между собою распри великие, не могли о помощи Юрьеву согласиться и оказать, как того требовалось**». Вот и всё, как говорится, ничего не добавь, ничего не прибавить.

Падение Юрьева имело самые трагические последствия для дальнейшей судьбы северо-западных русских земель. Исчез буфер между Русью и орденом, и теперь немецкая агрессия могла обрушиться уже непосредственно на новгородские и псковские земли. Рухнул грандиозный план князя Ярослава по созданию плацдарма для похода на Ригу. Меченосцы почувствовали вкус победы над русскими, и теперь их взоры устремились на Восток. Всё это прекрасно осознали на Руси, особенно в Великом Новгороде, чья правящая верхушка не сумела своевременно справиться с кризисом в Прибалтике. Весть о падении Юрьева спровоцировала беспорядки в городе: «*Когда же пришло сие известие в Новгород, учинило все-народную печаль, и было споров множество, один другого обвинял*» (В.Н. Татищев, с. 688). Новгородский летописец взятию Юрьева, имевшему глобальное значение для всей Северо-Западной Руси, уделил всего одну строчку: «*Того же лета убиша князя Вячка Немьци в Гюргеве, а город взяша*» (Новгородская I летопись старшего извода). Наверное, это было связано с тем, что он прекрасно понимал – его землякам гордиться нечем. Правду писать было неудобно, а врать не хотелось.

²⁵ Монахиня Таисия. Русские святые. СПб.: Азбука-классика, 2001.

Падение Юрьева подвело черту под завоеванием крестоносцами Восточной Прибалтики. Эта страница была перевернута, и борьба вступала в новую фазу, где главными противниками братьев-рыцарей будут Русь и Литва.

* * *

Удивительно сложится судьба дочери князя Вячко – Софии. Она выйдет замуж за Дитриха фон Кокенгаузена, германского рыцаря, который будет владеть замком, построенным на месте Кукейноса. Таким образом, Софии достанется половина бывшего княжества её отца. Что же касается Юрьева, то немцы переименуют его в Дерпт, заселят новыми людьми и образуют Дерптское епископство, которое станет источником головной боли для многих поколений русских князей. Промедление и нерасторопность новгородцев, которые своевременно не оказали помощь осаждённому Юрьеву, и безответственность Ярослава, бросившего своих людей на произвол судьбы, дорого обойдутся всей Руси.

2. Битва под Усвятом. 1 марта 1226 г.

*Тои же зиме приидоша Литва, и повоева около Торжьску
бецисла.*

Новгородская I летопись старшего извода

Не только крестоносцы и монголы представляли для Русской земли угрозу. Именно в эти годы обозначился ещё один злейший враг Руси, враг, который со временем станет гораздо более опасным, чем братья-рыцари. Речь идет о Литве. Угроза, которая изначально исходила от литовцев, была незначительной, но со временем она станет главной проблемой Руси. Но Литва никогда бы не превратилась в Великое княжество Литовское, если бы не монгольское нашествие, капитально подорвавшее военный потенциал Суздальской земли. В противном случае княжеские дружины загнали бы этот хищный народец обратно в болота, и сидел бы он там до скончания веков, на радость русским людям. И многих проблем в этом случае удалось бы избежать.

Наглядным примером того, как успешно русские князья боролись с литовцами до нашествия Батыея, стала битва под Усвятом. Предыстория битвы такова.

В 1224 году, после того, как Ярослав ушел из Новгорода, князь Георгий прислал туда на княжение своего старшего сына Всеволода. Однако выбор оказался очень неудачным, поскольку ситуация на северо-западных рубежах была критическая, и в Новгороде требовался военачальник, а не представительское лицо. Падение Юрьева наглядно продемонстрировало всю бессмысленность нахождения Всеволода в Новгороде. Но тут разразилась новая напасть.

Литовцы решили совершить очередной набег на Русь и вторглись в новгородские земли. В это время в Старой Русе был посадником некий Федор, решивший, что своими силами сумеет отразить вражеское вторжение. Не запросив помощи из Новгорода, Федор повел на врага местное ополчение. Из этой затеи ничего хорошего не вышло, поскольку литовцев оказалось гораздо больше, чем предполагал воинственный посадник. Согласно Новгородской I летописи старшего извода произошло сражение, во время которого литовцы побивали русских с коней, а затем весь захваченный конский состав отвели к себе в тыл. Погибло много ратников из Старой Русы, а те, кто уцелел, разбежались по лесам.

О том, чем закончился этот набег, информация в летописях отсутствует, хотя кое-что предположить можно. В Лаврентьевской летописи под этим же годом содержится следующая информация: «Того же лета посла великий князь Гюрги брата своего Владимира и сыновца своего Всеволода Костянтиновича с полкы» (с. 425). Куда и против кого великий князь отправил войска, неизвестно, поскольку дальше текст испорчен. Вполне возможно, что как раз против литовцев, поскольку в Новгороде княжил его малолетний сын.

Битва под Усвятом
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Трудно сказать, насколько поражение под Старой Руссой повлияло на дальнейшее развитие событий. Но судя по всему, до новгородцев дошло, что в данной ситуации им нужен не малолетний князь, а опытный ратоборец, способный навести страх на агрессивных соседей. В городе началась смута, и Всеволод со своими людьми ночью убежал из Новгорода в Торжок. Наводить порядок на берега Волхова отправился сам великий князь. Вместе с ним выступили в поход брат Ярослав, племянник Василько и шурин Михаил Черниговский.

Схема, по которой действовал Георгий Всеволодович в борьбе с Новгородом, была отработана и проверена его дедом, дядей и отцом.

Обосновавшись в Торжке, великий князь стал перехватывать хлебные обозы, и господа новгородцы, не на шутку перепугавшись, отправили к нему посольство с мирными инициативами. Для начала Георгий Всеволодович потребовал выдать главных зачинщиков смуты, а напоследок пригрозил: *«Не выдадите ли, а я поил есмь коне Тъхверью, а еще Волховом напою»* (Новгородская I летопись старшего извода).

Тогда новгородцы собрали войско со всей волости, около города поставили острог и приготовились держать оборону. Ни о какой выдаче они слышать не хотели, но, не желая доводить дело до кровопролития, продолжали слать посольства к великому князю. Поразмыслив, Георгий предложил новгородцам в князья своего шурина Михаила Всеволодовича. Великий князь очень хорошо знал этого родственника со стороны жены и понимал, что Михаил долго в Новгороде не усидит. И в этом случае новгородская вольница опять пришлет посольство в Суздальскую землю и будет просить себе нового князя. Вот тогда и отправится на берега Волхова кто-либо из младших братьев Всеволодовичей. Новгородцы на все эти тонкости внимания не обратили и с радостью приняли у себя Михаила. Что же касается великого князя, то он увел полки из Новгородской земли *«много им пакостив»* (Новгородская I летопись старшего извода).

Очень скоро прогнозы Георгия Всеволодовича начали сбываться. В один прекрасный день князь Михаил собрал новгородцев и заявил следующее: *«Не хоцю у вас княжити, иду к Чернигову»* (Новгородская I летопись младшего извода). И ушел. Несмотря на все мольбы и уговоры новгородцев, которым во время княжения Михаила жилось очень и очень неплохо. О том, что враг в это время тревожил новгородские рубежи, информации в летописях нет, и данный период был относительно спокойным для северо-запада Руси. Но теперь всё могло резко измениться. Поэтому отправилось посольство из Великого Новгорода в город Переяславль-Залесский бить челом князю Ярославу. И как оказалось, сделано это было очень вовремя.

* * *

В начале 1226 года литовцы собрали 7000 воинов и вторглись в земли Торопецкого княжества. Волость подверглась тотальному разгрому, поскольку местный князь Давыд не имел достаточно сил, чтобы в одиночку справиться с этой напастью. Согласно Новгородской I летописи старшего извода литовцы *«Торопцьскую волость всю поимаша»*. Мало того, враг прорвался к Торжке. Новгородский летописец особо отметил тот факт, что литовцы не дошли до города всего три версты и за время вторжения перебили множество купцов, а их обозы разграбили.

Ещё более апокалипсическую картину рисует Лаврентьевская летопись: *«Тое же зимы воеваша Литва Новгородскую волость, и поимаша множество много зело хрестьян, и много зла створиша воюя около Новагорода, и около Торопча и Смолинська, и до Полтеска; бе бо рать велика зело, ака же не была от начала миру»* (с. 425). Это принципиальный момент, на который указывает летописец. Все литовские набеги, которые были раньше, не носили столь масштабного характера, как этот. Обычно под удар попадал какой-либо отдельный регион, чаще всего это оказывались земли Полоцкого княжества. В начале XIII века грабительские рейды литовцев участились настолько, что автор «Слова о погибели Русской земли», вспоминая время правления Владимира Мономаха, с горечью написал, что тогда *«литовцы из болот своих на свет не показывались»*. Явно подразумевая, что в настоящий момент ситуация изменилась радикально. Тем не менее по-настоящему серьёзной угрозы для Руси до поры до времени эти набеги не представляли. Поскольку были хоть и частыми,

но несогласованными. Да и на русские земли литовцы тогда не претендовали, ограничиваясь банальным грабежом. В 1226 году всё было иначе.

Сама география вторжения показывает, что оно было в достаточной степени организованным. Под ударом оказались княжества Полоцкое, Смоленское и Торопецкое, а также Новгородская земля. И дело явно не ограничилось отрядом в 7000 человек, скорее всего, здесь указано то войско, которое действовало непосредственно в Новгородской волости. Не исключено, что на других направлениях действовали примерно такие же по численности отряды. Недаром потрясенный летописец отметил, что **«бе бо рать велика зело, ака же не была от начала миру»**. Это действительно было первое полномасштабное вторжение литовцев на Русь.

Князь Ярослав оценил весь масштаб угрозы. Очень большой удачей, как для Новгорода, так и для Руси в целом, стало то, что именно в это время в Переславле-Залесском находилось новгородское посольство. Господа новгородцы оказались в нужное время и в нужном месте. Князя не надо было убеждать в том, что промедление может привести к катастрофическим последствиям, Ярослав всё и сам понимал, а потому действовал очень быстро. Бить врага он решил своими силами, не дожидаясь сбора новгородских полков. Князь сослался гонцами с ржевским князем Владимиром Мстиславичем, братом Мстислава Удатного, Давыдом Торопецким и новгородским посадником в Торжке. Поднял на борьбу с Литвой всех, кого только было можно в данной ситуации.

Бой дружины посадника Володислава с тавастами
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

В Новгородской I летописи старшего извода содержится информация о том, кто из русских князей принял участие в битве под Усвятом: «Ярослав и Володимир с сыном и с новотржъци, князь двор, новгородцев мало, торопцяне с князьм своимь Давыдом». На основании этого известия можно сделать вывод о том, что главной ударной силой русской рати были княжеские дружины. Поэтому собранное Ярославом войско было, скорее всего, кон-

ным. Это относится и к воинам из Торжка, на примере Старой Русы, мы видели, что городское ополчение может воевать в конном строю. Под княжеским стягом сражались и новгородцы, но их было немного. Вполне возможно, эти люди оказались в Торжке по делам и, когда местные жители стали собирать ополчение, решили присоединиться к воинству. Также в битве могли принять участие и члены посольства. Летописец не случайно акцентировал внимание на том, что новгородцев было мало, подчеркивая тем самым, что главная роль в победе принадлежит именно Ярославу.

Как ни быстро собиралась русская рать, на это всё равно требовалось время. Между тем вражеские отряды появились не только в окрестностях Торжка, они добрались и до Старой Русы. Дальше не пошли, поскольку обозы и так ломились от добычи, а пленных было захвачено великое множество. Литовские военачальники приняли решение возвращаться, и обремененное огромными трофеями войско, увязая в снегу, медленно поползло назад. И здесь решающую роль сыграл тот факт, что войско Ярослава было быстрым и мобильным. Пока русская рать собиралась в один кулак, разведчики отслеживали передвижение литовцев. Поэтому князья могли предположить дальнейший маршрут движения противника и обозначить то место, где они его перехватят. Как только дружины были собраны, Ярослав повел их в погоню за отступающими литовцами. На льду Усвяцкого озера князья настигли врага.

Для литовцев появление русских дружин стало полной неожиданностью. Однако их военачальники не растерялись, а стали быстро сбивать в единый строй растянувшуюся по льду озера толпу. Обоз и пленных под небольшой охраной отправили вперед, а остальное воинство двинулось навстречу противнику. Ярослав тоже не стал медлить, а построил всадников в ударный клин и атаковал литовцев. Русская конница вступила на озерный лед и, постепенно набирая ход, пошла на литовские ряды. Реяли на ветру стяги, трубили боевые трубы, яркие плащи развевались за плечами гридней. Кони перешли на галоп, дружинники взяли копья наперевес, и плотный строй дружинной конницы врезался во вражеские шеренги.

Лед окрасился кровью, сотни литовцев были убиты в самом начале сражения. Изломав в первом натиске копья, гридни схватились за мечи и палицы. Под их слаженным натиском противник дрогнул, а затем обратился в бегство. Дружинники прищпорили коней и стали преследовать разбегающихся врагов. Пешим воинам было трудно убежать по гладкой поверхности озера от всадников, и немало литовцев было изрублено мечами гридней и растоптано копытами коней во время бегства. Русские воины гнали разбитое вражеское воинство по льду озера до противоположного берега, и многие литовцы, не в силах убежать от преследователей, бросали оружие и сдавались в плен. Победителям достался весь обоз, а полон, который гнали литовцы, был освобожден.

Летописи определяют литовские потери в 2000 человек, причем в Московском летописном своде XV века отмечается, что в плен попал некий литовский князь. Победа была полная, но далась она дорогой ценой: *«Ту же убиша князя Торопьчскаго Давыда и Василя, меченошу Ярославля»* (Новгородская I летопись младшего извода). И тем не менее эти потери не были напрасны. О битве под Усвятом летописец оставит восторженную запись: *«Слышав же то благоверный и христоробивый князь Ярослав, сын великаго князя Всеволода, внук Гюргева, сжалиси зело о хрестьянех, поеха по них ис Переяславля и постиже я у Всъсвята; видевши же Литва, исполчишася противу им озере, князь же Ярослав помолвися Богу, и поеха на нь. Сступишим же ся полком, побегоша поганиши, и князь же Ярослав, силою креста честнаго и молитвою святое Богородице и архангела Михаила и Гавриила, гна по них, овых изби, а иных изъима, а полон весь отья; и бысть радость велика по всем землям тем, освобоженным им от поганых, **бысть мир потом на многа лета.** А сам князь Ярослав, ехав, седе в Новегороде, на столе, беша бо Новгородци в то время приехали по Ярослава*

князя, молящися, абы ехал к ним. Бысть же тогда неделя сыропустная, егда победи Ярослав Литву» (Лаврентьевская летопись, с. 426).

Обратим внимание на следующую фразу летописца: «**Бысть мир потом на многа лета**». Пограничные стычки и набеги между русскими и литовцами как происходили, так и будут происходить, но мир с Литвой, завоеванный князем Ярославом в битве под Усвятом, продержится целых 12 лет! Следующее масштабное литовское нашествие на Северо-Западную Русь состоится после нашествия Батые, когда полки Суздальской земли полягут в боях с монголами. И уже сын Ярослава, князь Александр, преподаст литовцам кровавый урок в этих же краях. Что же касается Ярослава Всеволодовича, то он прямо с поля боя отправился в Новгород на княжение.

3. Война с тавастами²⁶. 1227–1228 гг.

Новгородъци же князю рекоша: «Мы бе своя братья беспльсковиць не имаемъся на Ригу; а тебе ся, княже, кланяем».
Новгородская I летопись старшего извода

В очередной раз Ярослав Всеволодович оказался на княжении в Новгороде. Как обычно, оно окажется недолгим, но очень богатым на события. Понимая, что Прибалтика теперь для русских потеряна, Ярослав обращает своё внимание на Финляндию (Емь), где активизировались шведы. Связано это было с тем, что шведские правители стали предпринимать активные попытки обратить местное население (тавастов) в католичество. От земель тавастов до Карелии, которая входила в новгородскую сферу влияния, было рукой подать. И никто не мог поручиться за то, что не повторится та же ситуация, что и в Прибалтике, которая когда-то тоже входила в сферу новгородского влияния.

²⁶ Тавасты – финские племена, проживающие на территории Фенноскандии.

Князь Ярослав Всеволодович
Фрагмент фрески церкви Спаса на Нередице

Одним из главных достоинств Ярослава Всеволодовича как правителя было то, что он умел делать выводы не только из своих ошибок, но и из чужих. В Переславле-Залесском у князя было время, чтобы обдумать причины неудач в Прибалтике и понять, почему русские в итоге потерпели там поражение. Проанализировав ситуацию, Ярослав пришел к выводу, что главной причиной неудачи стала бессистемная политика русских в регионе и полная пассивность новгородцев перед лицом встающих перед ними вызовов. Князь понял, что многочисленные походы в Прибалтику русских князей были не что иное, как набеги за добычей, которые не решали проблемы. А бестолковая попытка его тестя Мстислава Удатного крестить местное население закончилась полным крахом из-за той же лени и непоследовательности. Иное дело крестоносцы, которые одновременно несли меч и слово Божие. У них было чему

поучиться. Поэтому, когда Ярослав снова стал княжить на берегах Волхова, он уже знал, что и как делать, чтобы остановить шведских католиков на севере.

В 1227 году князь совершит во главе новгородских полков поход в Финляндию, разграбит земли тавастов (еми) и вернется оттуда с богатой добычей и новой славой: *«Иде князь Ярослав с новгородци на Емь и повоева всю землю, и полон приведе беицисла»* (Новгородская I летопись старшего извода). Новгородский летописец краток, поскольку для него земли еми не были чем-то далеким и экзотическим. Иное дело летописец из Суздальской земли, в словах которого звучит неподдельное восхищение подвигом русских ратников: *«Тое же зимы Ярослав, сын Всеволожь, ходи из Новгорода за море на Емь, где же ни един от князь Руских не возможе бывати, и всю землю их плени; и взратися Новугороду, слава и хваля Бога, ведый множество полона, якоже сущи с ним не возмогша всего полона, отнести, но овых сечаху, а иных множество пуцахуть опять всвояси»* (Лаврентьевская летопись, с. 426). Количество захваченных в плен тавастов перешагнуло все разумные пределы, и Ярослав, смотревший на вещи просто, одних пленных велел порубить, а других отпустил на все четыре стороны.

На первый взгляд перед нами очередной поход новгородских полков за данью и добычей, но это далеко не так. Об этом свидетельствуют дальнейшие действия Ярослава: *«Того же лета князь Ярослав Всеволодич послал крести множество Корел, мало не все люди»* (Лаврентьевская летопись, с. 427). Новгородский князь взял на вооружение методы западных товарищей и умело применил их на практике. Сначала прошелся огнём и мечом по землям тавастов (емь), которые были соседями карелов, а затем отправил священников крестить непосредственно карелов. Теперь у шведов пропал официальный повод проповедовать слово Божие на землях, которые входили в сферу новгородских интересов. Правда, земли тавастов так и остались под влиянием католиков и постепенно подверглись шведской колонизации. Но тем не менее это был крупный успех князя Ярослава.

Поход на емь едва не вышел боком самим новгородцам. Тавасты решили отомстить и на следующий год вторглись в новгородские пределы: *«Того же лета придоша Емь воевать в Ладозское озеро в лодках»* (Новгородская I летопись старшего извода). Крепость Ладогу, где засел с небольшой дружиной посадник Володислав, они штурмовать не рискнули, а занялись безопасным и доходным делом – стали грабить окрестные села и погосты.

Однако время для сведения счетов тавасты выбрали неудачное. Потому что как раз в это время в городе находился князь с дружиной. Поднять своих людей по тревоге и повести их на врага для Ярослава было делом привычным. В Новгороде о вторжении узнали 1 августа 1228 года. В тот же день князь погрузил на насады гридней и новгородских ратников и отплыл к Ладоге. Спешили изо всех сил, но не успели.

Посадник Володислав оказался человеком решительным, воевать предпочитал не числом, а умением. Посадив в ладьи свой небольшой гарнизон и оставив в крепости ровно столько воинов, сколько было необходимо для охраны стен, он кинулся в погоню за тавастами. Русские настигли вражескую флотилию и атаковали сходу. Бились до самой ночи, и посадник, видя, что противника не удалось разбить одним лихим ударом, велел отступить на небольшой островок. Ладожане высадились на берег, вытащили из воды ладьи и крепко засели на острове, ожидая атаку противника. Вместо вражеских воинов пришли послы и запросили мира. Длительное сражение с небольшим отрядом русских надломило боевой дух тавастов.

Володислав быстро смекнул, что раз враг не хочет воевать, значит, у него не всё ладно, и в мире отказал, решив поутру сам атаковать неприятеля. Но этот отказ вызвал среди тавастов самую настоящую панику, они перебили всех пленных, бросили лодки и стали лесами уходить из новгородских пределов. Наутро посадник сообразил, что к чему, и продолжил погоню. Его люди спалили все вражеские лодки, окончательно лишив противника возмож-

ности вернуться домой водным путем, а тех тавастов, которых изловили в окрестностях, без жалости посекали мечами. На этом беды горе-мстителей не закончились, поскольку ижоряне и карелы устроили на беглецов самую настоящую облаву и в буквальном смысле слова вылавливали их по лесам. Пойманных тавастов резали без жалости. Карелы решили преподать им кровавый урок и навсегда отбить охоту у этого народа вторгаться в чужие земли. Подводя итоги набега, новгородский летописец сделал следующую запись: *«Бе бо их пришло творяху 2000 или боле, бог вестъ, а то все мертво»* (Новгородская I летопись старшего извода).

Новгородцев и Ярослава весть о разгроме тавастов застала во время движения по Неве. Узнав о победе Володислава, господа новгородцы высадились на берег и в лучших традициях устроили вече, выискивая виновников своего опоздания. С большим трудом Ярославу удалось предотвратить кровопролитие. В итоге все оказались довольны – новгородцы князем, а князь своими подданными. Но так не могло продолжаться до бесконечности.

* * *

Идиллия закончилась быстро. Ещё до того, как емя напала на новгородскую волость, произошел конфликт между Ярославом с одной стороны и псковичами с другой. Однажды князь вместе с тысяцким Вячеславом направился в Псков, но, не добравшись до города, с удивлением узнал, что горожане закрыли перед ним ворота и приготовились к осаде. Дело в том, что по городу прокатился неизвестно кем пущенный слух, будто Ярослав хочет арестовать лучших людей Пскова: *«Яко везеть оковы, хотя ковати вяцьшее мужи»* (Новгородская I летопись старшего извода). С одной стороны, сам по себе слух был достаточно нелеп, но, с другой стороны, зная характер Ярослава, от него можно было всего ожидать. И получил князь от ворот поворот. Вернувшись в Новгород, Ярослав собрал вече, на котором жаловался новгородцам на несправедливо нанесенную обиду, заверяя вольницу, что вёз он в коробах не оковы, а *«паволокы и овоць»*. О реакции горожан на эти жалобы информации не сохранилось. Затем напали тавасты и на какое-то время о Пскове забыли.

О нём вспомнили, когда в начале зимы 1228 года Ярослав собрался в большой поход на Ригу. По большому счёту, в сложившейся ситуации такой рейд выглядел авантюрой, поскольку гораздо логичнее было бы сначала захватить Дерпт, превратить этот город в свою опорную базу и уже из него развивать наступление в Ливонии. Сделать так, как это делал Ярослав в 1223 году. Князь все эти соображения проигнорировал и заявил новгородцам: *«хочю ити на Ригу»* (Новгородская I летопись старшего извода). После чего вызвал полки из Переславля-Залесского.

Когда пришла рать из Суздальской земли и расположилась в окрестностях Новгорода, в городе резко подскочили цены на продукты, что вызвало неудовольствие горожан: *«Купляху хлебъ по 2 куне, а кадь ржи по 3 гривне, а пшеицю по 5 гривен, а пшена по 7 гривен»* (Новгородская I летопись старшего извода). Слухи о том, что Ярослав собрал под Новгородом большую рать, достигли Пскова и произвели неожиданный эффект – псковичи решили, что это войско собрано против них. Насмерть перепуганные горожане заключили мир с рижским епископом и братьями-рыцарями. Мало того, крестоносцы отправили на помощь псковичам значительный отряд, в состав которого входили не только представители подвластных рижскому епископу местных племен, но и германские воины.

Воины Пургаса сжигают монастырь Святой Богородицы
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

После этого по Новгороду поползли слухи: *«Князь нас зовет на Ригу, а хотя ити на Пльсков»* (Новгородская I летопись старшего извода). Тогда Ярослав отправил в Псков доверенного человека, который должен был убедить псковичей не только отправиться вместе с ним в поход на Ригу, но и выдать тех, кто клеветал на князя. Но жители Пскова наотрез отказались принимать участие в походе Ярослава и твердо держались своих мирных договоренностей с крестоносцами. Пока шли эти переговоры, началось брожение умов и в Нов-

городе. Новгородцы заявили Ярославу о том, что без псковичей в поход не пойдут, а если у князя есть идеи по поводу наказания строптивного Пскова, то здесь ему Господин Великий не помощник. Подобный демарш грозил крахом всему масштабно задуманному предприятию. Ярослав Всеволодович рвал и метал, пытаясь доказать новгородцам всю пагубность их действий, но тщетно!

С грустью запишет новгородский летописец: **«Много же князь нудив, и не яшася по путь. Тогда же князь Ярослав плкы своя домовь посла»** (Новгородская I летопись старшего извода). Как только суздальские полки ушли из новгородской волости, из Пскова ушел и отряд крестоносцев. Тем не менее грандиозно задуманный поход, так и не начавшись, закончился крахом. Мало того, псковичи изгнали из города всех сторонников Ярослава. Это переполнило чашу терпения князя, и он вместе с женой уехал в Переяславль-Залесский, оставив вместо себя в Новгороде двух сыновей – Федора и Александра. Понятно, что они лишь олицетворяли персону отца в Новгороде, а всеми делами заправляли совсем другие люди, умные и знающие. Как показали дальнейшие события, Ярослав допустил ошибку.

Вскоре в городе начались волнения, которые переросли в открытый мятеж. С должности был смещен тысяцкий Вячеслав, а вместо него избран злейший враг переяславского князя Борис Негочевич. Началась охота на сторонников Ярослава, которые были вынуждены бежать в Переяславль-Залесский. Вскоре к князю явились послы от Новгорода и передали дерзкие слова: *«Поеди к нам, забожницеь отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашеи и на въсех грамотах Ярославлих ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе»* (Новгородская I летопись старшего извода). Смысл ультиматума был таков – либо ты ходишь по всей нашей воле и не перечишь новгородской вольнице, либо путь тебе княже чист. Ярослав стал затягивать переговоры и дотянул до того, что из Новгорода убежали его доверенные люди, вывезя при этом княжичей Федора и Александра. Значит, ситуация в городе действительно накалилась до предела.

Бегство княжичей новгородцы восприняли как отказ Ярослава от новгородского княжения, но свято место, как известно, пусто не бывает. Было решено отправить посольство в Чернигов и пригласить в Новгород князя Михаила, шурина Георгия Всеволодовича. Расчет новгородцев был прост – Михаил приходится родственником великому князю, поэтому, невзирая на конфликт новгородцев с Ярославом, Георгий не будет возражать против его кандидатуры. Князь Георгий и не возражал. В марте 1229 года Михаил Всеволодович снова приехал в Великий Новгород: *«И целова крест на всеи воли новгородъстеи и на всех грамотах Ярославлих»* (Новгородская I летопись старшего извода). Пусть и ненадолго, но новгородцы добились того, чего хотели.

4. Походы на мордву. 1226–1232 гг.

...и пожгоша села их, а Мордвы избиха много...
Московский летописный свод XV века

Походы русских войск на мордву в годы правления Георгия Всеволодовича представляют отдельную страницу в истории Владимиро-Суздальского княжества. Они не имели того судьбоносного значения для Северо-Восточной Руси, как войны с Волжской Болгарией и католиками в Прибалтике, но эта часть нашей истории и мы должны о ней знать. В основном именно русские вели наступательные действия на мордовские земли, но иногда в атаку переходили и их противники. Например, в Пискаревском летописце содержится информация о том, как в 1103 году князь Ярослав Святославич Муромский был разбит мордовскими воинами: «В лето 6611. Того же лета бися Ярослав с Мордовою и побежен бысть от них». Всё было не столь однозначно, как кажется на первый взгляд.

Западная и северная границы расселения мордвы проходили по реке Оке и Волге, на востоке по реке Суре, а на юге по рубежу леса и степи²⁷. В первой трети XIII века русские летописцы четко разделяют два центра объединения мордвы, которые условно называли по имени лидеров – «Пургасову волость» и «Пурешеву волость». «На Руси того времени под „волостью“ понималась территория определенного княжеского удела, верховным собственником которого был возглавлявший его правитель – князь. Права князя как верховного собственника простирались и на население „волости“, находившееся в феодальной зависимости того или иного характера. Обозначение летописцем владений Пургаса „волостью“ едва ли было случайным. Её правопорядки, видимо известные на Руси, давали для этого определенные основания»²⁸. Примечательно, что «Пургасову волость» иногда называли «Пургасовой Русью». По мнению Ю.А. Лимонова, это произошло потому, что там происходило «заселение свободных земель русскими земледельцами, что и приводило к этнической чересполосице поселений»²⁹.

Князь Пуреш в Лаврентьевской летописи (с. 429) назван «ротником», т. е. вассалом Георгия Всеволодовича, и поэтому мог рассчитывать на его помощь в борьбе с Пургасом за влияние в мордовских землях.

* * *

В 1226 году великий князь Георгий по просьбе шурина Михаила Черниговского со своими племянниками Васильком Ростовским и Всеволодом Ярославским выступил в поход против Олега Курского. В борьбе с такой коалицией шансы Олега на успех были ничтожно малы, но в дело вмешался киевский князь Владимир Рюрикович. Причем ставку сделал не на силу, которая была бессильна против черниговских и суздальских полков, а на дипломатию. Князь Владимир просто направил в район боевых действий митрополита Кирилла и тот пастырским словом вразумлял князей. Противники замирились, и князь Георгий, так и не снискав воинской славы, отправился в стольный Владимир, прихватив заодно с собой и митрополита. Племянников великий князь отправил в их родовые уделы, а остальные войска распустил.

²⁷ Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1995. С. 39.

²⁸ Там же. С. 42.

²⁹ Лимонов Ю. Владимиро-Суздальская Русь. Л.: Наука, 1987. С. 110.

Мы не знаем, какой промежуток времени последовал между походом на Курск и походом на мордву, возможно, был он небольшим. Да и сама причина, почему Георгий Всеволодович столь быстро начал новую войну, в летописях не указывается. Лаврентьевская летопись этому походу посвятила буквально несколько строк: *«Того же лета посла великий князь Гюрги Святослава, Ивана, брату свою, на Мордву, и победиста Мордву, и взяста неколико сел, и взвртистася с победою»* (с. 429). Все русские летописи, рассказывающие об этом походе, отмечают факт разорения большого числа мордовских сел. Например, в Никоновском летописном своде конкретно указано, что русские *«взяша множество сел»* (т. 10, с. 94). Об этом же свидетельствует и Московский летописный свод XV века: *«Посыла князь велики Юрьи братью свою, Святослава и Иоана, на мордву. Они же шедше многа сел взяста и полона безчислено, и взратистася с победою великою»* (т. 25, с. 122).

Это мог быть обычный карательный рейд, совершенный в отместку за мордовский набег на Суздальскую землю. Или банальный поход за добычей, поскольку сведений о том, что мордва в данный период времени вторгалась на территорию Владимирского княжества, в летописях нет.

Следующий, 1227 год прошел для Георгия Всеволодовича относительно спокойно. Великого князя насторожила обстановка, которая складывалась в Южной Руси, и он отправил в Переяславль-Южный племянника Всеволода Константиновича. Всеволод недолго там прокняжит, вернется в Ярославль и примет участие в походе на мордву. Впрочем, князь Георгий продолжал уделять большое внимание южнорусским делам. Желая упрочить своё положение и влияние на юге, он женил другого племянника, Василька Константиновича, на дочери Михаила Черниговского, Марии. Таким образом, князь ещё крепче связал себя родственными узами с черниговскими Ольговичами, на которых делал ставку в своей политике на юге. В том же 1227 году скончается брат великого князя Владимир.

Болгары посредством богатых даров склоняют князя Георгия к миру. 1219 г.
Худ. Чориков Б.

На следующий год был объявлен новый поход на мордву. Поскольку о мордовских набегах на Русь информации нет, то, скорее всего, как и поход 1226 года, это был банальный рейд за добычей. Возглавили поход Василько Ростовский и владимирский воевода Еремей Глебович. Время для начала военных действий выбрали неудачно, на дворе стояла осень, и вскоре зарядили дожди. Об этом сообщает Лаврентьевская летопись: *«Того же лета, месяца сентября, великий князь Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиновича, и своего мужа Еремея Глебовича воеводьством с полком; и бывшим им за Новымгородом на передлах Мордовьских, послав Гюрги взрати их не дасть им воевати, зане погодьа им не бысть, бяхуть бо дождове велми мнози день и ноць»* (с. 428).

Эта неудача только ещё сильнее раззадорила князя Георгия, и в конце 1228 года он собрал действительно крупные силы. В поход на мордву отправился Ярослав Всеволодович, Василько и Всеволод Константиновичи, а также Юрий Давыдович Муромский. Мало того,

во главе рати встал сам великий князь, тем самым придав предприятию ещё больше веса. Главный удар наносили по владениям князя Пургаса. *«И шедше в землю Мордовскую в Пургасову волость, и жита пожгоша и потравиша, а скоты избиша, а села пожгоша, живущих же в волости Пургасове посекоша мечем нещадно, а прочих в плен поимаша и послаша во свояси»* (Никоновская летопись, т. 10, с. 95).

Тех, кто не успел убежать в леса, посекали мечами суздальские дружинники. После этого воины великого князя разъехались по мордовским селам и взяли богатую добычу. Увидев их трофеи, жадность одолела гридней Ярослава, Василька и Всеволода. Ростовская, ярославская и переяславская дружина вошли в мордовские леса и стали прочесывать их в поисках беглецов. Как оказалось, со стороны князей и воевод это был только отвлекающий маневр. Но местные жители не разобрались, что к чему, в бой с противником не вступали, а сознательно пропускали его в глубь лесов. В это время главные силы русских окружили районы сосредоточения мордовских беглецов и атаковали со всех сторон. Все, кто не сумел укрыться в чащобе, были либо убиты, либо пленены. Как записал летописец, *«князем нашим не бысть кого воевати»* (Лаврентьевская летопись, с. 429).

Поход суздальцев на мордву в 1232 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Пока русские громили земли Пургаса, во владения ротника Георгия Всеволодовича князя Пуреша вторглись войска серебряных болгар. То ли болгарские военачальники не знали о том, что войско великого князя в это же время воюет в землях Пургаса, то ли они просто не имели представления о масштабах вторжения. Потому что, как только обстановка прояснилась, отряды волжских болгар спешно покинули регион, *«бежа прочь ночи»*, как ехидно отметил летописец. Русские князья посчитали, что стоявшие перед ними задачи выполнены,

после чего повели полки и дружины в Суздальскую землю. По возвращении из похода Георгий Всеволодович отправил в Переяславль-Южный брата Святослава, поскольку в данный момент там не было князя.

Рейд русских в Мордовскую землю необычайно озлобил Пургаса, и тот подготовил ответный удар. В апреле 1229 года мордва попыталась захватить Нижний Новгород. Но горожане сумели отразить все атаки, нанесли штурмующим большие потери, и тогда Пургас распорядился сжечь монастырь Святой Богородицы, находившийся за чертой городских стен. После этого мордовский князь приказал своим людям отступить. Возмездие за этот набег настигло его с неожиданной стороны. Сын князя Пуреша нанял половцев (возможно, что на суздальские деньги) и напал на владения Пургаса: *«и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургас едва в мале утече»* (Лаврентьевская летопись, с. 429). После этого удара Пургас долго не мог оправиться, и вплоть до 1232 года русские не ходили походами в мордовские земли.

* * *

В 1229 году произошло событие, которое едва не привело к новой кровопролитной усобице в Суздальской земле. Зачинщиком смуты в этот раз стал не кто иной, как младший брат великого князя Ярослав Всеволодович. Летописные свидетельства об этом инциденте крайне скупы и передают лишь внешнюю сторону дела. О том же, что послужило истинной причиной раздора, летописцы молчат. По большому счёту, их рассказы мало чем отличаются один от другого. Вот что сообщает Никоновский летописный свод: *«Ярослав же Всеволодичь слушая неких льсти, и отлучи от Юрья Костянтиновичи три: Василка, Всеволода, Володимера, и мысляшет противитися Юрью, брату своему, но не попусти Бог злу быти. Слышав бо то князь Юрьи, и призва их на снем, и исправивша нелюбие межю собою, и поклонившася Юрью вси, и целоваша к нему крест на всей любви, и имати его якоже и отца себе. И прздноваша Рождество святыя Богородица вкупе у еписупа Митрофана в Суждали»* (т. 10, с. 98).

На основании этих скудных данных попробуем разобраться в подлинной причине конфликта, а также в том, почему его удалось разрешить мирным путем. Начнем прежде всего с личности человека, который выступил в роли провокатора и едва не вверг Суздальскую землю в пучину смут и междоусобиц. Согласно летописным свидетельствам это был князь Переяславля-Залесского Ярослав. По большому счёту, личностью Ярослав Всеволодович был малосимпатичной, поскольку всегда и везде для него на первом месте было собственное Я. Характер у князя был склочный и неуживчивый, а любое сопротивление его воле приводило Ярослава в самое настоящее бешенство. Достаточно вспомнить, как после разгрома на Липице он расправился с пленными новгородцами. О том, что такое порядочность, князь имел довольно смутное представление, и единственное, что уважал, так это грубую силу. Считался только с мнением того, кто сильнее его самого. В политике не брезговал никакими средствами для достижения целей и ради удовлетворения собственных амбиций был готов на любую низость. Так продолжалось вплоть до нашествия Батые, которое крепко вправило мозги этому неистовому и эгоистичному человеку. После 1240 года перед нами предстаёт совсем другой правитель, думающий прежде всего о благе Суздальской земли и готовый ради неё отдать жизнь *«за други своя»*. Ярослава как будто подменяют. Но произойдет это не скоро, пока же князь занялся тем, что умел делать очень хорошо – плести интриги и стравливать между собою близких людей.

В летописях отмечено, что перед тем, как интриговать против брата Георгия, Ярослав послушался *«неких льсти»*. Получается, что некто просто подбил князя на конфликт с Георгием Всеволодовичем. Ярослав мало кого слушал вообще, а раз так, то слова тайных «доброжелателей» явно упали на подготовленную почву. Возможно, что непрошенные совет-

ники догадывались о тайных думах князя и именно поэтому рискнули начать с ним опасный разговор. Но зерна упали на благодатную почву, и Ярослав решил выступить против старшего брата. Совершенно забыв, что именно Георгий заступился за него в конфликте с Мстиславом Удатным и пришел в трудный час на помощь. На благородство брата Ярослав ответил подлостью.

Попробуем понять причины, которые могли побудить Ярослава Всеволодовича так некрасиво поступить. Говорить о том, что князь возмечтал согнать брата с великого княжения глупо, поскольку в этом случае Георгий поднял бы на смутьяна всех родственников, действуя при этом по закону и праву. Значит, проблема заключалась в другом. Как пишет В.Н. Татищев, «*Ярослав Всеволодич по смущению клеветников злобствовал тайно на брата Юрия, якобы Михаил Всеволодич в Новгороде посажен, а он изгнан по промышлу Юриеву*» (с. 709). Можно предположить, что у Ярослава могли возникнуть претензии к Георгию по поводу того, что старший брат не оказал ему поддержку во время конфликта с новгородцами, а посодействовал вокняжению на берегах Волхова другого родственника, Михаила Черниговского.

Второй причиной, из-за которой обычно разгорался похожий сыр-бор, было желание увеличить свой удел и требование новых волостей. Ярослав мог посчитать, что старший брат его недостаточно ценит, и на этом основании предъявить новый счет к оплате. Но оговорюсь ещё раз, наверняка утверждать ничего нельзя, подлинные причины конфликта нам не известны.

Ярослав понимал, что без союзников у него нет никаких шансов устоять против Георгия. Прозондировав почву, князь понял, что младшие братья Святослав и Иван его не поддержат. И тогда он решил попробовать перетянуть на свою сторону племянников Константиновичей. По большому счёту, Ярослав мог сыграть на том, что их отец Константин отрекся за своих сыновей от великого княжения. Или опять разыграть карту с требованием увеличения удела. Князь мог говорить своим молодым родичам всё, что угодно, благо они не были настолько искушены в интригах и политике, как их дядюшка. Раскрыв рот, Константиновичи слушали, о чем вещает знаменитый ратоборец Ярослав, и вполне возможно, что им льстило внимание знаменитого родственника. Но как бы там ни было, старый интриган сумел перетянуть на свою сторону Василька, Всеволода и Владимира. Теперь против великого князя образовалась мощная коалиция, куда входил Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль и Углич. Разделенный удел Константина Всеволодовича вновь собрался под одним стягом против стольного Владимира. В воздухе запахло большой войной.

Кровопролития не произошло благодаря политической мудрости Георгия Всеволодовича. Он всегда предпочитал решать дело миром и за меч брался только в крайнем случае. Тем более против родственников. Вот и в этот раз, князь обратился к младшему брату и племянникам с просьбой собраться в Суздаль и на съезде обсудить все возникшие проблемы. Очень интересно трактуются эти события в Лаврентьевской летописи: «*но Бог не попусти лиху быти, **благоразумный князь Юрги** призва их на снем в Суздаль*» (с. 429). Обратим внимание на то, что летописец называет Георгия «**благоразумным**», тем самым подразумевая, что у остальных участников конфликта это качество совершенно отсутствует.

Ярослава такой ход событий не устраивал, но великий князь мог обратиться непосредственно к племянникам, которые от своего дяди ничего кроме добра не видели. Его посланцы могли убедить молодых людей попробовать решить дело миром, не прибегая к кровопролитию, и в качестве примера привести жизнь их отца. Как ни поверни, а пролитая на Липице кровь была на руках Константина. А убедив племянников в своей правоте, Георгий тем самым резко ослаблял позиции Ярослава. Без помощи Константиновичей в данной ситуации Ярослав становился никто и звали его никак. Один Переяславль-Залесский против всей мощи Суздальской земли не устоял бы.

Даниил Галицкий

Ярослав как был человеком увлекающимся и азартным, не всегда просчитывающим последствия своих решений, так им и остался. Затевая столь опасную интригу, он даже не удосужился сопоставить соотношение сил. А надо было бы. Даже объединившись с племянниками, Ярослав Всеволодович не мог на равных противостоять Георгию. За великим князем была вся Суздальская земля, в том числе и младшие братья Святослав и Иван. И если сам князь Георгий нечасто водил полки в походы, то его брат Святослав как военачальник нисколько не уступал Ярославу. Мало того, Георгий Всеволодович однозначно получил бы поддержку от рязанских и муромских князей. Достаточно вспомнить битву на Липице, когда они пришли на помощь именно Георгию, но никак не Ярославу. Но самый главный просчет Ярослав Всеволодович сделал тогда, когда не учел позицию Новгорода. Там теперь сидел Михаил Черниговский, шурина Георгия, и рассчитывать на поддержку новгородцев Ярослав не мог. Наоборот, была очень большая вероятность того, что в грядущем конфликте они возьмут сторону великого князя. И наконец, Георгий Всеволодович как союзник и родственник мог рассчитывать на мощнейшую поддержку черниговских Ольговичей. Всё это должен

был учитывать Ярослав, вступая на скользкий путь противостояния со старшим братом. В противном случае, даже несмотря на поддержку племянников, ему грозил разгром на поле боя, и вся авантюра изначально обрекалась на неудачу. В очередной раз за амбиции одного человека своими жизнями расплатились бы русские люди.

На съезде в Суздале Георгий сумел всё это объяснить младшему брату, а у того хватило ума прислушаться к словам старшего. Конфликт был исчерпан, ни о каких уступках со стороны великого князя летописи не сообщают. В канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, 7 сентября, в присутствии епископа Митрофана князья целовали друг другу крест. Смута во Владимиро-Суздальском княжестве закончилась.

* * *

Время показало, что политика Георгия Всеволодовича на востоке была разумной и дальновидной. Недаром великий князь стремился урегулировать отношения с Волжской Болгарией, время показало, насколько он был прав. В Никоновском летописном своде под 1229 годом содержится следующая запись: *«Того же лета глад бысть по всей земле, и протресея по три лета, и купляху хлеб по две куны, а кадь ржы по четыре гривны Новгородцкия, а пшевица по пяти гривен Новгородцких, а пшеена по семи гривен Новгородцких, и попре множество людей»* (т. 10, с. 98).

В Суздальской земле долгое время свирепствовал голод, и тем ценнее оказалась помощь, которую оказали своему западному соседу серебряные болгары. Это было прямым следствием заключенного мирного договора: *«болгары, учинив мир, возили жита по Волге и Оке во все грады Русские и продавали, и тем великую помощь оказали. Князь же болгарский прислал в дар к великому князю Юрию 30 насадов с житами. Это князь великий принял с благодарением, а к нему послал сукна, парчи с золотом и серебром, кости рыбы и другие изящные вещи»* (В.Н. Татищев, с. 710). Трудно сказать, как в дальнейшем развивались бы отношения между двумя державами, поскольку естественный процесс развития как Северо-Восточной Руси, так и Серебряной Болгарии был прерван монгольским нашествием.

Последний раз в Мордовскую землю войска Георгия Всеволодовича ходили в 1232 году. Рать номинально возглавили сын великого князя Всеволод и сын Ярослава Всеволодовича Федор. К княжичам были приставлены умудренные боевым опытом воеводы, в чьи обязанности входило не только руководить войсками, но и обучать молодых людей искусству вожделения полков. Этот поход ничем не отличался от предыдущих рейдов суздальских дружин, что и было зафиксировано в Лаврентьевской летописи: *«Тое же зимы посла великий князь Георги сына своего Всеволода на Мордву, а с ним Феодор Ярославичь и Рязаньскыи князи и Муромскыи; и пожгоша села их, а Мордвы избиша много»* (с. 437). Ничего нового. Либо мстили за набег, либо в очередной раз ходили за добычей.

Но над Северо-Восточной Русью уже сгущались тучи. Сидя в монастырской келье, при свете лучины запишет летописец следующие слова: *«Того же лета придоша Татарове, и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьскаго»* (Лаврентьевская летопись, с. 437).

5. Смерть Мстислава Удатного и её последствия. 1225–1232 гг.

Того же лета преставися Мстислав Мстиславичь, в черньцих и в скиме.

Лаврентьевская летопись

После битвы на Калке между Даниилом Волынским и Мстиславом Удатным словно черная кошка пробежала. Вероятно, это было связано с неадекватными действиями Мстислава Мстиславича как во время битвы на Калке, так и после неё. Даниил должен был понимать, кто является главным виновником страшного разгрома русских и половецких войск. И кто несёт персональную ответственность за гибель тысяч ратников на берегах Днепра, поскольку после уничтожения ладей и насадов мало кому из русских удалось переправиться на правый берег реки.

Трудно сказать, состоялся ли между зятем и тестем разговор на эту тему, но даже если его и не было, Мстислав ни минуты не сомневался в том, что думает по данному поводу Даниил. И это выводило из себя Удатного. Недаром летописец отметил, что *«Мьстислав не имеет любви к зятю своему князю Данилови»* (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 165). Но никто не думал, что этот конфликт перерастет в вооруженное столкновение.

В роли провокатора выступил Александр Белзский. Будучи прекрасно осведомлен о том, что отношения между зятем и тестем разладились, князь стал подстрекать Мстислава к войне. И даже пообещал помощь войсками. По большому счёту, Удатному было всё равно против кого и с кем воевать, лишь бы вокруг реяли стяги, пели трубы и мчались на битву дружинники. Не исключено, что князь хотел реабилитироваться в собственных глазах за разгром на Калке. Быстро собрав рать, он пошел на Даниила. Волынский князь моментально сориентировался в обстановке и заключил союз с польским князем Лешком Белым. Даниил решил не дожидаться врагов под стенами Владимира-Волынского, а идти им навстречу и бить поодиночке. И когда дружина Александра выступила на помощь Удатному, волынские ратники атаковали её на марше, разбили наголову и загнали обратно в Белз. После этого Даниил повел войска против зарвавшегося тестя. Оценив соотношение сил, Мстислав Мстиславич решил боя избежать и поспешно отступил в Галич.

Даниил вместе с польскими отрядами проследовал по следам старшего родича и подверг его владения тотальному разгрому. Были опустошены окрестности города Любачева, Червенская земля, а также вотчина Александра Белзского. Даниил и его брат Василько действовали с размахом и захватили столько добычи, что их польских союзников одолела зависть. Но Мстислав и не думал сдаваться. Осознав, что против натиска войск братьев Романовичей и Лешка Белого ему не устоять, Удатный обратился за помощью к хану Котяну. Старик оказался в сложном положении. С одной стороны, он не мог отказать зятю, поскольку чувствовал перед ним вину за Калку, а с другой стороны, ему очень не хотелось вести орду против мужа внучки. На помощь Мстиславу он всё-таки пришел, но от активных действий до поры до времени воздерживался.

Также Мстислав Мстиславич обратился за поддержкой и к киевскому князю Владимиру Рюриковичу. Казалось, что вот-вот на Юго-Западной Руси заполыхает большая междоусобная война, когда ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Дело в том, что Александр Белзский в своей клевете на Даниила явно перегнул палку, когда заявил Мстиславу следующее: *«Зять твой убить тебя хочет»* (Галицко-Волынская летопись). Это был явный перебор, и здесь даже до Удатного дошло, что дело нечисто. Поэтому князь назначил разбирательство и велел Александру Белзскому доказать правдивость своих слов. Но

клеветник не на шутку перепугался и вместо себя прислал боярина Яня. Здесь уже всем всё стало ясно. Удатный вспыхнул праведным гневом и бросил в лицо поверенному тайных дел Александра: *«Твоих рук это дело, Янь, что Даниил второй раз напускает на меня ляхов»* (Галицко-Волынская летопись). Обвинение против Даниила Романовича рассыпалось словно карточный домик, и Мстислав, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, отправил к зятю гонца со словами: *«Возьми всю волость его за свой позор»* (Галицко-Волынская летопись). Однако Даниил от вотчины Александра Белзского отказался, и дело здесь не в его любви к родственнику, как об этом говорит летописец. Когда придет время, Даниил уничтожит Александра и ни о какой любви не вспомнит. Просто в данный момент он посчитал, что подходящий момент ещё не наступил, поскольку ситуация в Юго-Западной Руси оставалась достаточно тревожной.

Мстислав и Даниил помирились, или, по крайней мере, сделали вид, что между ними отношения наладились. Тесть почтил зятя и дочь богатыми дарами, после чего в городе Перемиле между родственниками был заключён мир.

Тем временем вновь стало поднимать голову боярство Галича. Теперь им даже и Мстислав Мстиславич был нехорош. Смуту начал сеять некий Жирослав, говоривший остальным боярам: *«Мстислав идет в степь и хочет предать вас тестю своему Котяну на убийство»* (Галицко-Волынская летопись). Трудно сказать, чем обманщик подтвердил свои слова, но в Галиче началась паника и многие бояре побежали кто в Венгрию, кто в Перемышль, а кто укрылся в горных крепостях. Понимая, к чему может привести такой конфликт, Удатный отправил к беглецам своего духовника Тимофея, сумевшего с большим трудом убедить бояр в невинности Мстислава. Утеkleцы вернулись, но неприятный осадок от всей этой истории остался. Что же касается главного виновника крамолы, Жирослава, то он сравнительно легко отделался, отправившись в изгнание. На прощание Мстислав Удатный сказал ему примечательные слова: *«Проклят ты! Стони и трясись на земле, ибо земля разверзла уста свои, чтобы принять кровь брата твоего»* (Галицко-Волынская летопись).

Но боярские козни на этом не закончились. Всем уже было очевидно, что Мстислав сильно сдал и утратил былую хватку. В том же 1225 году бояре в Галиче повели новую интригу: *«Мстислав же, по совете льстивых бояр галичских, вда дочь свою меньшую за королевича Андрея»* (Никоновская летопись, т. 10, с. 166). Если называть вещи своими именами, то это свидетельствует о том, что уже началась борьба за то, кому сидеть на столе в Галиче после смерти Мстислава Удатного. Бояре были за то, чтобы власть в княжестве досталась венгерскому королевичу, который бы целиком и полностью от них зависел, а не Даниилу, злейшему врагу боярских вольностей. В итоге Мстислав обручил дочь с принцем Андрашем, а в качестве приданого дал ему Перемышль.

Вот теперь и началось. По наущению галицких бояр будущий зять убежал в Венгрию, где начал собирать войска для борьбы за Галицкое княжество. Вскоре огромное войско во главе с венгерским королем вторглось на Русь, захватило Перемышль и выступило на Галич. Ситуацию спасло то, что разлился Днестр и переправа через него на какое-то время стала невозможной. Этого оказалось достаточно, чтобы Мстислав Мстиславич собрал полки и вышел навстречу врагу. Венгры в открытый бой вступать не стали, а прошли по стране и захватили ряд городов. Ситуация была настолько серьезной, что Мстислав отправил к Даниилу посла со словами: *«Не отступай от меня!»* И получил ответ: *«Имею правду в сердце своем!»* (Галицко-Волынская летопись).

Заручившись поддержкой зятя, Мстислав Мстиславич успокоился. Опытный ратоборец, он решил потряхнуть стариной и вступить в битву с венграми. В сражении русские наголову разбили противника, королевский воевода Мартиниш был убит, а остатки вражеских войск укрылись в лагере. Король запаниковал и поспешно отступил в Венгрию. В это время братья Романовичи отразили Лешка Белого, спешившего на помощь венграм. Внеш-

ние враги потерпели поражение, но, как оказалось, это была только завязка длительной и кровопролитной борьбы за власть.

Даниил недаром люто ненавидел галицкое боярство, продажное племя, ради своей выгоды торговавшее Русской землей. Все эти Арбузовичи, Молибоговичи и иже с ними в лучшем случае заслуживали пожизненного заточения в каменном мешке, а в худшем топора и плахи. До поры до времени у Даниила Романовича просто не было сил, чтобы переломать хребты этой своре. Но это понимали и бояре. Поэтому они решили любой ценой не допустить Даниила в Галич и дружно надели на Мстислава Удатного: *«Князь, отдай свою обрученную дочь за королевича и дай ему Галич. Ты сам не можешь в нем княжить, бояре тебя не хотят»* (Галицко-Волынская летопись). Как видим, в Галиче уже дошло до того, что бояре стали указывать князю может он у них княжить или нет. Всегда надо помнить о том, что Галич – это не Великий Новгород с его вечевыми традициями и вольницей, это обыкновенное русское княжество, где определенные элементы воспользовались ситуацией и забрали в руки слишком большую власть. После чего только тем и занимались, что всячески дестабилизировали обстановку в стране. Поэтому многое из того, что в Новгороде воспринималось в порядке вещей, в Галиче выглядело дико.

В Ипатьевском летописном своде говорится о том, что Мстислав Мстиславич вопреки всем наветам хотел передать Галич Даниилу: *«Мстислав не хотел отдавать Галич королевичу, он больше всего хотел отдать его Даниилу»* (Галицко-Волынская летопись). Но для бояр это было смерти подобно, и они продолжали наседать на старого князя: *«Если отдашь королевичу, то, когда захочешь, сможешь взять у него. Если отдашь Даниилу, не будет вовек твоим Галич»* (Галицко-Волынская летопись). Что касается жителей Галича, то им настолько надоело своевольное боярство и их иноземные покровители, что они отправили к Даниилу послов прозондировать почву на предмет для его призвания: *«Галичане хотели Даниила, и оттуда послали для переговоров»* (Галицко-Волынская летопись). Но всё испортил Мстислав Удатный.

«Мстислав отдал Галич королевичу Андрею, а себе взял Понизье», сообщает об этих роковых событиях Галицко-Волынская летопись. Старого князя до смерти утомили интриги и мышиная возня галицких бояр, и он, не думая о последствиях, отдал Галич Андрашу, а сам практически бежал из города. Впрочем, Мстислав Мстиславич действовал как всегда – сначала делал, а потом думал. Так венгры в очередной раз оказались в Галиче.

Единственным утешением для Даниила в данной ситуации служило то, что луцкий князь Мстислав Немой перед смертью завещал ему свой удел. Но Луцк захватил брат покойного Ярослав, а город Чарторыйск пинские князья. Даниил не стал разбираться, что к чему, а собрал полки, подошел к Луцку, разбил Ярослава в чистом поле и захватил в плен. Город сдался братьям Романовичам на следующий день. Луцк и Пересопницу Даниил отдал Васильку, а Ярославу со временем выделил Перемиль и Межибожье, не желая, чтобы бывший враг становился князем-изгоем.

Следующие на очереди оказались пинские князья. Здесь Даниил действовал очень осторожно и решил согласовать свои действия с тестем: *«Не подобает пинянам держать Чарторыйск, я не могу этого терпеть»*. Ответ получил достаточно неожиданный: *«Сын, согрешил я, что не дал тебе Галич, а отдал иноплеменнику по совету лживого Судислава; обманул он меня. Но если Бог захочет, пойдём на него. Я приведу половцев, а ты – со своими. Если Бог даст его нам, ты возьми Галич, а я – Понизье, а Бог тебе поможет. А о Черторыйске – ты прав»* (Галицко-Волынская летопись).

Даниил не ожидал таких откровений от тестя. Мало того, что Мстислав Удатный давал добро на захват Чарторыйска, он ещё обещал и помощь в борьбе за Галич с венграми. А это дорогого стоило. В конце весны 1228 года полки Даниила и Василька подошли к Чарторыйску и штурмом овладели городом, захватив в плен местного князя. Казалось, что дела у

братьев пошли на лад, но вскоре они получили весть о том, что в Торческе умер Мстислав Удатный.

* * *

«Мстислав, великий удатный князь, умре» (Ипатьевская летопись, т.2, с. 167), записет в своей келье летописец. Смерть Мстислава Мстиславича полностью меняла расклад сил в Юго-Западной Руси. Теперь ни о каком совместном походе против венгров речи не было, вся тяжесть борьбы с интервентами ложилась на плечи Даниила и Василька. Что же касается Мстислава Мстиславича, то можно говорить о том, что именно его ошибки на целый десяток лет ввергли Юго-Западную Русь в кровавую междоусобицу. Кашу, которую заварил Удатный, будут расхлебывать совсем другие люди, и только в 1238 году Даниил Романович окончательно возьмет Галич под свою руку.

Русское вооружение с XII до XIII столетия. Шлем с полумаской
Худ. Висковатов А.В.

Оценивая деятельность Мстислава Удатного в целом, можно говорить о том, что она нанесла Русской земле огромный вред. И дело не только в порубленных на Липице суздальских мужиках, хотя и одного этого было бы достаточно для того, чтобы заклеить позором этого человека. В «Повести о битве на Липице» четко прописано, что преступный приказ избивать убегающих с поля боя суздальцев отдал именно Удатный: «*Братья новгородцы, не обращайтесь к добыче, продолжайте бой: если они вернуться, то сомнут нас*» (Галицко-Волынская летопись).

Битва на Калке. Именно Мстислав Мстиславич и никто другой является главным виновником сокрушительного разгрома русских войск, и именно на нем кровь тех русских ратников, которые не смогли переправиться через Днепр. Насмерть перепуганный князь приказал уничтожить все ладьи и насады, чем подписал смертный приговор тысячам соотечественников на левом берегу Днепра. Все эти вопросы мы уже подробно разбирали.

И ещё один момент. Войны князя с венграми за Галич были продиктованы не заботой Мстислава о Русской земле, а желанием отвоевать для себя богатый удел. Именно за этим он и пришел в Юго-Западную Русь, воспользовавшись предложением польского князя. Но никакой пользы это не принесло, поскольку Мстислав даже перед смертью умудрился посетить на Руси смуту.

* * *

О том, что происходило на Юго-Западной Руси после кончины Мстислава Удатного, очень ярко написал летописец из Галича: *«Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, и о великих деяниях, и о частых войнах, и о многих крамолах, и о частых восстаниях, и о многих мятежах; смолоду не было покоя Даниилу и Васильку»*. Как говорится, не в бровь, а в глаз. Приведем краткий перечень наиболее знаковых событий с 1228 по 1233 год, поскольку если разбирать их подробно, то пришлось бы написать целую книгу. Итак.

В 1229 году в Польше погибает Лешек Белый и к власти приходит его брат Конрад Мазовецкий, у которого были неплохие отношения с Даниилом. О чем и прописано в Ипатьевском летописном своде: *«По смерти брата своего Кондрат прия Данила и Василка в великую любовь»* (т. 2, с. 168). Мало того, польский князь попросил братьев о помощи в борьбе с родственниками и получил её. Соответственно, стабилизация обстановки на порубежье с ляхами развязывала Даниилу руки в борьбе за Галич.

В следующем году к Даниилу Романовичу прибыли представители городской общины Галича и позвали на княжение. Момент был наивыгоднейший, поскольку главный враг Романовичей и ярый сторонник венгров боярин Судислав покинул город и ушел в Понизье. Даниил решил бить врагов по одному, быстро собрал полки и выступил в поход. Княжеский тысяцкий Демьян разбил Судислава, а Даниил Романович при помощи горожан вступил в Галич. Венгерский королевич был захвачен в плен, но Даниил, не желая вступать в конфликт с его отцом, отпустил Андраша в Венгрию. Вместе с ним ушел в изгнание и Судислав. Народ наглядно продемонстрировал своё отношение к этому деятелю и проводимой им политике, забрасывая камнями Судислава и крича вслед боярину: *«Уходи из города, мятежник земли!»* (Галицко-Волынская летопись).

Трудно сказать, почему Даниил не распорядился сразу же прикончить смутьяна, а позволил ему удалиться в Венгрию. Возможно, что просто не хотел портить отношения с остальным галицким боярством. Но как оказалось, отпустив Судислава, князь допустил серьёзную ошибку, поскольку изгнанный боярин стал подбивать венгров к новой войне. *«Идите на Галич и захватите землю Русскую. Если не пойдете, они станут сильнее нас»* – говорил предатель венгерскому королю. Наконец король Андраш решился и повел своих баронов в поход на Русь. Но неожиданно испортилась погода, зарядили проливные дожди, и королевское войско увязло в грязи. В бурных потоках тонули кони, а рыцари и оруженосцы спасались от наводнений на возвышенных местах. Осознав, что поход провалился, король развернул войска и ушел в Венгрию.

Кольчуга
Худ. Солнцев Ф.

Избавившись от внешней угрозы, Даниил столкнулся с угрозой внутренней. Бояре составили против него очередной заговор, и в этот раз сумели привлечь на свою сторону Александра Белзского. Этот беспринципный и подлый человек был готов заключить союз с кем угодно, лишь бы избавиться от братьев Романовичей. Сколько раз Даниил щадил своего недостойного родственника, столько раз тот его и предавал. В этот раз белзский князь дей-

ствовал с особым цинизмом, поскольку целью заговорщиков было физическое устранение Даниила.

Покушение не удалось, и заговорщики были избиты. Схватили 28 человек, но Александру Белзскому удалось убежать в Перемышль. Все ожидали жестокой расправы над крамольниками, но Даниил снова воздержался от репрессий: *«Но не смерть они приняли, а милость получили; а ведь некогда, когда князь веселился на пиру, один из тех безбожных бояр плеснул в лицо ему чашей вина, и то он стерпел. Да воздаст им Бог отмщение»* (Галицко-Волынская летопись). Вне всякого сомнения, Даниил ещё не чувствовал себя в Галиче достаточно уверенно, иначе бы скрутил всю эту боярскую шайку в бараний рог. Просто время для этого ещё не пришло. Хотя ближайшее окружение Даниила выступало за карательные меры в отношении бояр-изменников. Недаром летописец передает слова сотника Микулы, сказанные князю Даниилу: *«Господине, не погнетиши пчел, меду не едать»* (Ипатьевская летопись, с. 171).

После того как были нейтрализованы бояре-заговорщики, Даниил Романович выступил в поход на Перемышль, где укрылся Александр Белзский. Предатель не на шутку перепугался и отправился в Венгрию, где нашел приют у Судислава, продолжавшего плести интриги против Даниила Романовича при венгерском дворе. Таким образом, под прямым покровительством Андраша II сформировалась заграничная оппозиция Даниилу. Оставалось только выбрать удобный момент, чтобы все эти отступники хлынули на земли Юго-Западной Руси. И это время пришло, когда Судислав сумел-таки убедить короля в необходимости военной интервенции против Галича.

В очередной раз венгерская армия перевалила через Карпаты и вторглась на Русь. В городе Ярослав, стоявшем на пути вражеской армии, был сильный гарнизон, которому было вполне по силам удержать город, и после целого дня яростных боев русские отразили все атаки венгров. А затем, несмотря на возможность дальнейшего сопротивления, воеводы сдали Ярослав. Это предательство имело решающее значение для дальнейшей кампании, поскольку резко изменило стратегическую обстановку и открыло противнику путь в глубь страны. Королевская армия пошла на Галич.

Галицкие бояре всем скопом перебежали к королю и сдали город. И тогда Андраш II решил окончательно сокрушить братьев Романовичей, объявив поход на Владимир-Волынский. Ситуация усугублялась тем, что Даниил и Василько в это время воевали у Бужска и князя в городе не было. Владимир-Волынский обладал мощнейшими укреплениями, а в городе находился преданный братьям воевода Мирослав, располагавший многочисленным и хорошо вооруженным гарнизоном. Однако во время этой войны с воеводами действительно творилось что-то неладное. Даже в летописях нет ответа на вопрос, почему Мирослав струсил и без ведома князей заключил с венграми позорный мир. *«Бог знает почему»* – так пишет об этом летописец.

Владимир-Волынский был способен выдержать длительную осаду, недаром король Андраш, когда увидел его в первый раз, восторженно воскликнул: *«Такого города я не встречал даже в немецких странах»* (Галицко-Волынская летопись). Тем не менее Мирослав праздновал труса, хотя, по словам летописца, *«когда-то он был храбр»* (Галицко-Волынская летопись). Согласно договору, Мирослав отдал города Белз и Нервен князю Александру и дал согласие на то, что в Галиче опять будет править королевич Андраш. Галицкое боярство могло только приветствовать такое соглашение, поскольку именно этого и добивалось. После этого король увел свои войска в Венгрию.

Когда Даниил и Василько вернулись во Владимир-Волынский, Мирослав за свою самостоятельность получил от братьев страшную выволочку. *«И было ему большое порицание от обоих братьев: „Зачем ты заключил мир, имея большое войско?“* – так политкорректно

и сдержанно напишет летописец. Даниилу вновь приходилось начинать борьбу за Галич. Семена войны и раздора, посеянные Мстиславом Удатным, давали обильные всходы.

6. Сражение у Торчева. 2 апреля 1233 г.

*Был бой Торцевский в Субботу великую.
Галицко-Волынская летопись*

Пока Даниил сражался за Галич с венграми и боролся с мятежными боярами, резко обострилась обстановка в Южной Руси. Там вспыхнула распря между киевским князем Владимиром Рюриковичем и Михаилом Черниговским. Владимир опасался, что у него не хватит сил устоять против клана Ольговичей, и поэтому решил обратиться за помощью к Даниилу Волынскому: *«Идет против меня Михаил, помоги мне, брат!»* (Галицко-Волынская летопись). Взвесив все за и против, Даниил решил откликнуться на просьбу киевского князя. В летописях нет подробностей того, как развивались события, там лишь отмечен факт того, что Даниил пришел сотворить мир между князьями. За свои услуги Даниил Романович тоже взял немало, забрав у Владимира город Торческ. Но себе его не оставил, а передал детям Мстислава Удатного: *«За добрые дела вашего отца примите город Торческ и владейте им»* (Галицко-Волынская летопись). На первый взгляд глупо было именно Даниилу рассуждать о «добрых делах» покойного тестя. Но волынский князь схитрил, поскольку понимал, что сил удержать далекий от Волыни город у него нет. Зато посадив в Торческе на княжение родственников, он приобретал надежных союзников в регионе.

Пока Даниил Романович решал проблемы на юге, правивший в Галиче королевич Андраш выступил против него в поход. Под знаменем королевича шел Александр Белзкий с дружиной, болоховские князья, а также бояре-перебежчики Глеб Зеремеевич и Судислав. У реки Случи сторожевой волынский отряд под командованием воеводы Володислава столкнулся с передовыми частями венгров и после упорного боя опрокинул их. Согласно летописному свидетельству, русские гнали разбитого противника до реки Деревное, у Чертова леса.

Когда об этом стало известно Даниилу, он быстро сообразил, что у него есть шанс втянуть в противостояние с Андрашем и Владимира Рюриковича: *«Брат, я знаю, что они идут на нас обоих.пусти меня, я зайду к ним в тыл»* (Галицко-Волынская летопись). Киевский князь в ситуации не разобрался и вместе с Даниилом выступил против мадьяр. Когда королевич Андраш узнал о совместном походе князей, то быстро развернул войска и пошел в Галич.

Даниил решил рискнуть. У князя созрел план догнать Андраша на марше и дать бой противнику, пока он находится достаточно далеко от своей главной базы – Галича. Конечно, князь понимал, что Владимир Рюрикович не примет участия в этом рейде, поскольку венгры спешно отходили от рубежей Киевской земли и непосредственной опасности Киеву уже не было. Но соблазн навязать свою волю противнику и дать бой там, где это будет выгодно русским, был для Даниила Романовича слишком велик. Князь велел трубить поход и выступил в погоню за венграми.

В пути к войскам Даниила присоединились полки брата Василька, и теперь князь чувствовал себя достаточно уверенно. Венгров нагнали у реки Вельи, и здесь Даниил наконец встретился с Андрашем. Соперники перекликались через реку, и как написал летописец, волынский князь *«сказал ему некое хвастливое слово, которого Бог не любит»* (Галицко-Волынская летопись). Вполне вероятно, Даниил Романович сознательно провоцировал королевича на атаку, надеясь дать бой тогда, когда венгры будут переправляться через Велью. Андраш на происки Даниила не поддался и продолжил отступление. Увидев, что враг отходит от реки, князь в районе Шумска быстро переправил рать на противоположный берег и продолжил преследование. Узнав, что венгры расположились около города Торчева (не путать с Торческом), Даниил развернул полки в боевые порядки и двинулся к расположению

противника. Когда весть о вражеском наступлении достигла Андраша, он также подготовил войско к битве и пошел навстречу неприятелю.

Получилось так, что русские полки занимали позиции на холмах, а венгры шли по плоской равнине. Некоторые бояре и воеводы советовали князю оставаться на месте и занять оборону на склонах возвышенности. Но Даниил боялся, что враг, которого он так долго преследовал и наконец сумел выманить на бой, испугается неприступных русских позиций и опять уклонится от сражения. Братья Романовичи долго убеждали своих воевод в необходимости спуститься с холмов. *«Как говорит Писание: „Кто медлит идти в битву, у того робкая душа“*», – заявил Даниил своим людям и велел полкам и дружинам спускаться на равнину. Венгерским военачальникам показалось, что русский князь сошел с ума, поскольку бросает выгодные позиции, и они сразу же преисполнились уверенностью в победе.

Тем временем русские спустились на равнину. На левом крыле построения вел полки тысяцкий Демьян, на правом Василько, а в центре наступал Даниил с дружиной. Это были отборные воины, прекрасно вооруженные и обученные. Дальше произошло удивительное. То ли у венгров был очень хитрый план сражения, то ли они действительно испугались элитных волынских гридней, но их части, занимавшие центр позиций, вместо того, чтобы атаковать дружину Даниила, пошли на полки Демьяна и Василька. Даниил Романович с удивлением увидел, как венгерские войска разошлись вправо и влево, ударив по крыльям русской рати, а против его дружины выдвинулись только конные лучники. Но едва полетели первые стрелы, как князь взял копьё наперевес, пришпорил коня и повел гридней в атаку. Волна закованных в броню всадников накатила на стрелков и втоптала их в землю.

Тем временем воевода Демьян крепко бился с мадьярами и людьми боярина Судислава. Врагов было больше, и они одолевали. Тысяцкому приходилось отражать не только наступление правого венгерского крыла, но и атаку тех вражеских частей, которые ушли из центра боевых порядков. Всё это видел Даниил, а потому развернул дружину, зашел в тыл наступающим войскам Андраша и бросил гридней в новую атаку. Тяжелая конница врезалась в венгерские ряды и разбила боевые порядки противника. Даниил пронзил копьём рыцаря, и мадьяр вместе с конем грохнулся на землю, изломав княжеское копьё. Русские рассеяли венгров и отряд Судислава, противник обратился в повальное бегство.

Отбросив в сторону обломок копьё, Даниил схватился за меч. Окинув взглядом поле боя, он увидел стяг Василька, вокруг которого кипел жестокий бой. Сам Василько отчаянно отбивался копьём от наседавших со всех сторон венгров, которые пытались достать князя длинными мечами. Даниил велел трубить атаку и повел гридней на помощь брату. Волынский князь первым ворвался во вражеские шеренги и стал рубить мадьяр направо и налево. Венгры снова не выдержали слаженного удара русской конницы и бросились прочь с поля боя. Выбравшись из рукопашной схватки, князь подъехал к воеводе Мирославу, чтобы решить, что же делать дальше. Даниил даже дух не успел перевести, поскольку старый ратоборец обратил его внимание на то, что венгры прекратили бегство и снова строятся в боевые порядки. Сняв шлем, князь отер с лица пот, после чего велел гридням собираться под стягом для очередной атаки. Под пение труб дружинная конница снова пошла вперед и вновь разбила венгерские войска.

Но битва и не думала заканчиваться. Глеб Зеремеевич оказался не трусливого десятка, он собрал под своим знаменем отступивших мадьяр и возглавил контратаку на полк Василька. Даниил вновь повел дружину на выручку брату. Кони еле передвигали ноги от усталости, а гридни были страшно вымотаны многочисленными атаками и продолжительным боем. Поэтому мощного удара не получилось, лишь Даниил сумел прорваться сквозь вражеский строй. Волынский князь врезался в ряды боярских отроков, которые стали мечами колоть его коня. Даниил еле-еле сумел вырваться из кольца и стал побуждать гридней продолжить атаку, но дружинники отказывались идти в бой, поскольку выдохлись окон-

чительно. Тем не менее князь всё-таки заставил их пойти вперед и продолжить бой с ратниками Глеба Зеремеевича.

Сражение продолжалось. Войска Василька наконец-то смяли венгров, подрубили стяг королевича и погнали противника в сторону лагеря. Половина войска Андраша просто разбежалась, многие мадьярские воины бежали до самого Галича. Иначе этот бой сложился для Даниила. Его изнуренные гридни просто не выдержали безумного накала битвы и обратились в бегство. Впрочем, их никто не преследовал, поскольку венгры понесли тяжелейшие потери и сами мечтали поскорей покинуть поле боя. Сражение постепенно затихло.

Даниил увел свою потрепанную дружину на холмы, где и провел ночь, тревожась за судьбу Василька, поскольку о брате не было ни слуху ни духу. Андраш тоже не стал оставаться на поле битвы, а с остатками войска поспешно ушел в Галич. Но Даниил пока об этом не знал и велел подсчитать потери. Среди убитых оказалось пятеро знатных бояр и немало простых гридней. Многие были изранены. Вскоре князю принесли весть о том, что брат его жив и здоров, полки Василька приведены в порядок и готовы к новому бою, а противник отступил. Такой исход битвы совершенно менял общую стратегическую ситуацию, и Даниил это осознал.

* * *

Сражение при Торчеве было достаточно сумбурным и проходило без какого-либо четкого плана как с той, так и с другой стороны, поскольку Даниил и Андраш действовали исходя из сложившегося положения дел. Больше всего внесли сумятицы оставление венграми позиций в центре и их удар по флангам русской рати. Почему так случилось? Летописец считает, что произошло это из-за страха, который мадьяры испытали перед отборными частями Даниила: *«Велику же полку бывшую его, устроен бо бе храбрыми людми и светлым оружьемь. Онеме же видяцим, не хотяхуть сразитися с ним, но клоняхуться на Дьмьяна и на иные полкы»* (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 172). Насколько это утверждение соответствует истине, сказать трудно, а строить различные версии возможным не представляется. Ход битвы не дает ответа на этот вопрос.

О том, что сражение было жесточайшим, четко прописано в Ипатьевском летописном своде: *«И бысть брань велика во день т»* (с. 172). Из текста летописи следует, что главная тяжесть боя со стороны русских легла на дружину Даниила. Волынский князь использовал её как подвижной резерв, постоянно бросая на самые опасные участки битвы, туда, где обозначался успех венгров. В этих многочисленных атаках князь совершенно измотал свои элитные войска, и поэтому нет ничего удивительного в том, что к концу битвы они практически утратили боеспособность. Однако именно действия дружины Даниила позволили в конце битвы полкам Василька опрокинуть венгров и гнать их до самого лагеря. Братья Романовичи лично принимали участие в сражении, за спины подчинённых не прятались, и всё это четко зафиксировано летописцем.

Мор в Смоленске

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

О потерях сторон летопись сообщает следующие данные: *«Угров было убито много, а Даниловых бояр мало, вот их имена: Ратислав Юрьевич, Моисей, Степан и брат его, а также Юрий Яневич»* (Галицко-Волынская летопись). Отмечая факт гибели многих мадыарских воинов, ученый-книжник акцентирует внимание на том, что у Даниила погибло только пять бояр. Но дело в том, что здесь он говорит только о знатных людях, не принимая в расчет

ни княжеских дружинников, ни простых ратников. После такой длительной и кровопролитной битвы потери у русских должны были быть очень серьезные, хотя, как показали дальнейшие события, мадьяры потеряли гораздо больше воинов.

Битва под Торчевом закончилась вничью, поскольку Василько разбил и уничтожил левый фланг венгерской армии, а Даниил с дружиной был вынужден покинуть поле боя. Но именно это сражение явилось переломным моментом в борьбе за Галич между волынским князем и венгерскими интервентами. Потери, которые понесли войска Андраша, оказались невосполнимыми.

* * *

Первым, кто почувствовал, что ситуация меняется, был Александр Белзский. После битвы под Торчевом он быстро переметнулся на сторону братьев Романовичей «*Нехорошо мне быть без вас*» (Галицко-Волынская летопись). Александр снова стал воевать на стороне Даниила и Василька. Волынский князь принял Александра не потому, что так нуждался в его поддержке, а для того, чтобы оторвать коварного родственника от венгров. После этого волынские полки и белзская дружина ходили на город Плеснеск, где засели мятежные галицкие бояре Арбузовичи, захватили город и вывели оттуда большое количество пленных.

Находившийся при королевиче Андраше боярин Судислав продолжал плести свои козни. В 1233 году для похода на Волынь из Венгрии в Галич прибыло войско во главе с воеводой Дьянишем. Даниил, видя, что враг накапливает силы, решил создать собственную коалицию и отправился в Киев к Владимиру Рюриковичу. Помимо киевского князя, Даниил Романович получил поддержку от деда своей жены, могущественного половецкого хана Котяна. В надежде на богатую добычу к ним примкнул и смоленский князь Изяслав Мстиславич. Перед походом князья целовали друг другу крест на верность, но, как оказалось, это было пустым делом. Изяслав практически сразу нарушил договор с волынским князем и, вместо того, чтобы идти на Галич, напал на земли Даниила. Разграбив город Тихомль, Изяслав Мстиславич увел свои войска домой. Однако и без него сил у Даниила было достаточно, поскольку его поддерживали Владимир Рюрикович и хан Котян.

После ухода Изяслава союзники двинулись к городу Перемилю, навстречу им выступило венгерское войско, поддержанное дружинами мятежных галицких бояр. Вполне вероятно, что Андраш рассчитывал на победу, поскольку распорядился взять метательные машины, чтобы штурмовать волынские города. Но во время встречного сражения Даниил с Владимиром Рюриковичем и Котяном отразили все венгерские атаки и заставили противника отступить в Галич. Вся осадная техника была брошена венграми на поле боя. После этой битвы к Даниилу пришли полки брата Василька и дружина Александра Белзского. Увидев, что у волынского князя войск более чем достаточно, Котян и Владимир увели своих людей кто в Киев, а кто в степь.

Теперь положение Андраша в Галиче совсем ухудшилось. Это наглядно продемонстрировала измена одного из главных представителей местного боярства Глеба Зеремеевича, со своим отрядом перебежавшего на сторону Даниила. Человек, подобный Глебу, мог решиться на такой поступок только в одном случае – если волынский князь стал сильнее венгерского королевича. Иначе бы боярин, который последовательно выступал против братьев Романовичей, продолжал сражаться на стороне интервентов.

Измена боярина Глеба венграм стала для Даниила четким сигналом к тому, что пришла пора окончательно решить вопрос с Галичем. Братья Романовичи собрали полки, призвали Александра Белзского и пошли в поход на город, который был для них недосягаем в течение многих лет. Согласно Ипатьевской летописи Даниила встретила «*болшаа половина Галича*» (с. 173), местное боярство било князю челом и просило принять под свою высокую

руку Галицкую землю. Даниил Романович вступил в Галич. Андраш, Судислав и воевода Дьяниш засели в укрепленном детинце, однако в крепости не было заготовлено достаточное количество припасов, и вскоре гарнизон стал голодать. Осада детинца войсками Даниила продолжалась девять недель. Князь ждал, когда покроется льдом протекающая через город река Луква, чтобы атаковать противника со всех направлений.

Всё это время Даниил занимался тем, что награждал новыми волостями и земельными угодьями своих воевод, а также поддерживавшее его местное боярство. Осаждающие никаких проблем с продовольствием не испытывали, имея всего в достатке, зато среди осажденного гарнизона царил лютей голод. Ситуацию решил исправить изменник Судислав. Доверенный человек боярина пробрался к Александру Белзскому и передал ему следующие слова Судислава: «*Отдам тебе Галич, уйди от брата*» (Галицко-Волынская летопись). От такого щедрого предложения князь Александр потерял остатки разума, клюнул на приманку и увел свою дружину. Но это не изменило ровным счетом ничего, полки Даниила как держали детинец Галича в осаде, так и продолжали держать. Тем не менее венгры продолжали сопротивление, ожидая помощи от своего короля. Но помощь не пришла, зато неожиданно для всех умер королевич Андраш.

После этого гарнизон капитулировал. Во время переговоров о сдаче Даниил пообещал неприкосновенность всем, кто находился в детинце, иначе ничем другим не объяснишь, что князь отпустил живым своего лютого врага Судислава, и боярин вновь ушел в Венгрию. Зато возмездие настигло Александра Белзского. Понимая, что теперь ему за всё придётся держать ответ, князь решил скрыться в Киеве у своего тестя Владимира Рюриковича. Но Даниил не собирался выпускать из рук своего смертельного врага. Выступив из Галича, он три дня и три ночи преследовал недруга, наконец нагнал его на Хоморском Лугу в Болоховской земле и захватил в плен. После этого князь Александр исчезает со страниц летописей. Вполне возможно, что его бросили в темницу, где незаметно уморили, поскольку всем надоели его интриги и измены. Город Белз братья Романовичи забрали себе.

Так, после многих лет жесточайшей борьбы Даниил Галицкий сумел восстановить державу своего отца.

7. Битва на реке Омовже. 1234 г.

*...и яко быша на рече на Омовыжи Немьци, и ту обломишася
истопе их много...*

Новгородская I летопись старшего извода

Ярослав Всеволодович, уступив княжение в Новгороде Михаилу Черниговскому, и не думал сдаваться. Энергия из Ярослава была ключом, он был полон решимости продолжать борьбу за Великий Новгород. Недолго думая князь захватил Волок Ламский, входивший в состав новгородской волости. Вскоре из Новгорода в Переяславль-Залесский прибыло посольство и потребовало от князя вернуть захваченные у Новгорода земли: *«отступися Волока, и что есть новгородьскаго за тобою, силою еси зашьл, а крест целуй»*. Ярослав только посмеялся в ответ и, припомнив новгородской вольнице все свои обиды, ответил дерзко и нагло: *«того не отступаю, а крест не целую; вы себе, а я себе»* (Новгородская I летопись старшего извода). А чтобы предать веса своим словам, задержал новгородское посольство и продержал его в Переяславле всё лето.

Мало того, в этот момент Ярослав получил мощнейшую поддержку от всех своих родственников, начиная от великого князя Георгия и заканчивая племянниками Константиновичами. Над Михаилом Черниговским сгустились тучи, он перепугался не на шутку и обратился за помощью к киевскому князю Владимиру Рюриковичу. Владимиру очень не хотелось влезать в военный конфликт между Ольговичами и Всеволодовичами, поэтому поразмыслив, он принял очень мудрое решение – попросил о посредничестве митрополита Кирилла. Была собрана очень представительная делегация, куда помимо митрополита вошли черниговский епископ Порфирий, игумен церкви Спаса на Берестове и Петр Акерович, стольник Владимира Рюриковича. Прибыв в Суздальскую землю, послы встретились с Ярославом Всеволодовичем.

Летописец сообщает о том, как оценивал ситуацию митрополит: *«Михаил не прав в крестном целовании Ярославу, Ярослав же хотяше ити на нь»* (Никоновская летопись, т. 10, с. 101). Задача перед Кириллом стояла очень сложная, поскольку предстояло помирить двух злейших врагов. К тому же князь Переяславля-Залесского был очень упрям и своенравен. В Никоновском летописном своде содержится интереснейшая информация о том, как проходили эти труднейшие переговоры: *«Митрополит же много глаголаше Ярославу о миру от божественных писаний сказая ему, и поучая его от евангалия не противитися злу, тако же и епископ. Нача жа ему и брат его Георгие глаголати и прочая братья его, яко не оставити труда митрополита тща, но смиритися с Михаилом»* (т. 10, с. 101).

Битва на реке Омовже. Дружина Ярослава преследует крестоносцев
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Ярослав оказался мало восприимчив к евангельским истинам, и все слова и поучения митрополита прошли мимо его ушей. И совсем иное воздействие на князя оказали речи старшего брата. Георгий всегда предпочитал сесть за стол переговоров и договариваться, чем попусту звенеть мечами о шеломы. Конфликт между родственниками в данный момент ему был не нужен, и вполне возможно, что великий князь нашел нужные слова для младшего брата. Зная характер новгородцев и повадки Михаила, он был уверен, что шурин долго в Новгороде не продержится. Именно на этом он и построил свою беседу с Ярославом.

Как бы там ни было, а старший брат убедил младшего. Заключение мирного соглашения отпраздновали шумным пиром, после чего высокое посольство уехало в Южную Русь.

В это же время произошло одно событие, на которое обычно не обращают внимания, хотя оно оказалось воистину судьбоносным. Дело в том, что именно этот год оказался роковым в истории Смоленска. После смерти Мстислава Удатного и его брата Владимира роль смоленских Ростиславичей в общерусских делах постепенно сошла на нет. Они уже не играли на Руси ведущей роли, как это было после победы в Липецкой битве. И теперь неожиданная беда обрушилась на сам Смоленск. В городе начался страшный мор, который унес тысячи человеческих жизней. Под 1230 годом в Никоновском летописном своде есть следующая запись: *«Того же лета бысть мор силен, в Смоленце створиша 4 скудельницы и положиша во дву 16 тысяць, а в третьей 7000, а в четвертой 9 тысяць; се же бысть по два лета»* (т. 10, с. 101). Если вдуматься, то это страшные цифры и город должен был реально обезлюдеть. Даже ко времени нашествия Батыя Смоленск не сможет полностью восстановить своё былое положение среди русских княжеств. Тем не менее именно его жители сумеют отразить монгольский набег.

Вернемся к противостоянию Ярослава и Михаила. Как и предполагал Георгий Всеволодович, Михаил Черниговский долго на берегах Волхова не продержался. Всё в том же 1230 году он оставил в Новгороде своего малолетнего сына Ростислава, а сам ушел в Чернигов. Дальше всё пошло по обычному сценарию, поскольку князь Михаил наступил на те же грабли, что и Ярослав Всеволодович. Оставшись без твердой руки, новгородцы в очередной раз устроили смуту, и княжич Ростислав был вынужден отъехать из Новгорода в Торжок. Вместе с ним убежали ярые сторонники Михаила посадник Внезд Водовик и тысяцкий Борис Негочевич.

После бегства правящей верхушки мятеж в городе вспыхнул с новой силой. Начались убийства и погромы дворов сторонников Михаила. Узнав об этом, Внезд Водовик со товарищи решили, что им в Торжке будет небезопасно и дружно уехали в Чернигов. Посадником же в Новгороде выбрали Степана Твердиславича, человека лояльного к Ярославу. После этого Ростиславу показали «путь чист» к отцу в Чернигов, а в Переяславль-Залесский отправили посольство звать Ярослава на княжение. Ярослав Всеволодович быстро согласился и 30 декабря въехал в Новгород. Пробыв там две недели, он снова вернулся в Переяславль-Залесский, а вместо себя опять оставил Федора и Александра. Решил, что новгородцы выплеснули свой гнев и в ближайшее время не затаят новую смуту.

Ярослав не просто так ушел в свой родовой удел, он стал готовиться к грядущей войне с Михаилом Черниговским. В 1231 году вместе с племянниками Константиновичами Ярослав вторгся в земли Черниговского княжества и захватил город Серенск. После этого попытался овладеть Мосальском, но потерпел неудачу и был вынужден отступить. В этой войне Ярослава поддержал Георгий Всеволодович. Но, не желая окончательно портить отношения с шурином, великий князь ограничился лишь демонстрацией военной силы и, немного помянув войсками у Серенска, увел полки домой.

В следующем году Ярославу удалось свести счёты с псковичами. И повод для этого ему дали новгородские беглецы во главе с Борисом Негочевичем, которые из Чернигова пере-

брались в Псков. Там сразу же был схвачен, избит и закован в железа доверенный человек Ярослава Вячеслав, прибывший в город по поручению князя. Узнав о том, что случилось у соседей, заволновались и новгородцы, а когда к ним прибыли псковские агитаторы, то в городе случился «*мятежь велик*». Ярослава в Новгороде как на грех не было, он находился в Переяславле-Залесском, а два его сына вряд ли могли самостоятельно справиться с ситуацией. Однако князь своевременно узнал о мятеже, прибыл в Новгород и первое, что сделал, это распорядился арестовать всех псковичей.

В Псков были отправлены княжеские посланцы, которые передали горожанам грозные слова Ярослава: «*мужа моего пустите, а тем путь покажите прочь, откуда пришли*» (Новгородская I летопись старшего извода). Князь требовал освобождения Вячеслава и изгнания Бориса Негочевича с соратниками. В обмен псковичи потребовали выпустить посаженных под стражу в Новгороде земляков и вернуть все захваченное у них добро. Ярослав препираться не стал, а просто перекрыл все пути подвоза в Псков продовольствия. Цены на продукты сразу же взлетели до небес, «*и купляху соль по 7 гривен бърковьск*», как с горечью запишет летописец. После этого Вячеслав быстро оказался на свободе, а Ярослав в качестве жеста доброй воли вернул часть заложников. При этом заключать мир с псковичами не стал, а продолжил нагнетать обстановку. И в итоге своего добился, поскольку псковичи изгнали Бориса Негочевича с приспешниками, а сами ударили князю челом и попросили на княжение сына Федора. Ярослав был злопамятен, сына в Псков не отпустил, а ответил следующим образом: «*се даю вы шюрин свои Гюргя³⁰*» (Новгородская I летопись старшего извода). После этого конфликт был исчерпан.

Затем события приняли неожиданный оборот. Борис Негочевич увел новгородских изгнанников в Ливонию, где они нашли приют у князя Ярослава Владимировича. Князь Ярослав был сыном знаменитого псковского и ржевского князя Владимира Мстиславича, младшего брата Мстислава Удатного, победителя крестоносцев в бою при Оденпе, участника битв на Липице и под Усвятом. Дочь князя Владимира была замужем за братом рижского епископа. Получилось так, что Ярослав Владимирович после смерти отца не получил на Руси удела и, оказавшись в положении князя-изгоя, был вынужден податься к своим прибалтийским родственникам. Князя переполняли злость и обида, поскольку он вполне обоснованно считал, что с ним поступили не по правде. И вполне естественно, что Ярослав хотел восстановить справедливость по отношению к себе. Князь-изгой полагал, что для этого будут хороши все средства. Поэтому появление Бориса Негочевича с толпой приверженцев он воспринял как некий знак, что пришла пора переходить к активным действиям. Заручившись поддержкой ливонской родни, Ярослав столкнулся с Борисом, собрал отряд и отправился на Русь добывать себе удел. Что же касается новгородских изгнанников, то они, при поддержке князя, надеялись вернуть прежнее положение в Новгороде.

Авантюра закончилась полной катастрофой. Захватив внезапным налетом пограничную крепость Изборск, Ярослав и Борис Негочевич не сумели развить свой успех. Псковичи среагировали моментально и, быстро собрав ополчение, выбили врага из Изборска. При этом был убит знатный рыцарь Даниил, а князь Ярослав Владимирович оказался в плену. Псковичи решили продемонстрировать свою лояльность к Ярославу Всеволодовичу и выдали ему взятого в полон тезку. Новгородский князь не стал с пленником церемониться, велел заковать смутьяна в кандалы и отправить в Переяславль-Залесский.

Впрочем, со временем Ярослава Владимировича выпустят из темницы, и он снова окажется в Ливонии. Именно он будет одним из инициаторов вторжения крестоносцев на Русь в грозном 1240 году, и против него будет сражаться сын Ярослава Всеволодовича, Александр Невский.

³⁰ Георгий (Юрий) – сын Мстислава Удатного.

В это время у новгородского князя случилось большое личное горе – накануне собственной свадьбы умер его старший сын Федор. Наследником Ярослава Всеволодовича стал другой сын, Александр, будущий победитель шведов и крестоносцев. Также в этом году скончался и киевский митрополит Кирилл, миривший Ярослава и Михаила Черниговского.

На северо-западных рубежах Руси по-прежнему было беспокойно. Крестоносцы совершили дерзкий рейд и захватили городок Тесово, расположенный непосредственно в новгородской волости. Примечательно, что под удар попали именно земли Великого Новгорода, а не Пскова, до которых братьям-рыцарям было гораздо ближе. Тем самым «божьи дворяне» давали понять псковичам, что всегда открыты к сотрудничеству, а настоящие их враги это новгородцы. Во время похода крестоносцев на Русь летом 1240 года такая политика принесет свои плоды. А пока меченосцы заковали в цепи тесовского воеводу Кирилла Синкинича и отправили в замок Оденпе, где он и просидел в заточении до весны следующего года.

Такова была предыстория битвы на реке Омовже.

* * *

Согласно Новгородской I летописи старшего извода в конце 1233 года князь Ярослав задумал большой поход в Прибалтику и привел в Новгород полки из Суздальской земли. На это раз новгородский князь не стал заниматься прожектерством, строя фантастические планы по захвату Риги, а поставил перед собою вполне реальную цель – взять Дерпт (Юрьев). Ярослав подготовился к походу очень основательно, что и было засвидетельствовано летописцем: *«В лето 6742 (1234). Иде князь Ярослав с новгородци и с всею областью и с полкы своими на Немьци подь Гюргев»* (Новгородская I летопись старшего извода). Как видим, здесь обозначена цель и средства для её достижения.

Русская рать вторглась в Прибалтику и, не встречая сопротивления со стороны меченосцев, подошла к Дерпту. Разглядывая мощные городские укрепления, Ярослав прикидывал, с какой стороны будет лучше организовать приступ. Он прекрасно понимал, что при лобовом штурме погибнет очень много ратников. Наконец князь принял решение, и было оно неожиданным не только для крестоносцев, но и для русских воевод: *«И ста князь, не дошед града, с полкы, и пусти люди своя в зажитие воевать»* (Новгородская I летопись старшего извода). Брать Дерпт в осаду князь не стал, а распустил своих ратников жечь и грабить орденские земли, отдав сознательно инициативу противнику в руки. Для чего? На мой взгляд, Ярослав просто опасался, что в данный момент может повториться история десятилетней давности, когда громадное русско-эстонское войско в течение четырёх недель безуспешно топталось под стенами небольшого датского замка Ревель (Линданиэ). А Дерпт – это не Ревель, здесь укрепления гораздо мощнее и гарнизон гораздо больше. Но самым важным фактором было то, что, если осада затянется, на выручку осажденному городу успеют подойти меченосцы.

Поэтому, разоряя окрестности Дерпта, Ярослав преследовал двойную цель. С одной стороны, он хотел дать возможность магистру собрать войско, чтобы сразиться с крестоносцами в открытом бою и в случае победы лишить гарнизон надежды на помощь. С другой стороны, в случае победы появлялся реальный шанс ворваться в город на плечах разгромленного врага.

Тевтонский рыцарь
Миниатюра из Манесского кодекса

Удивительно, но княжеская задумка увенчалась успехом. Причем всё сложилось гораздо лучше, чем планировал Ярослав. Когда к Дерпту подошли орденские братья из Оденпе, начальники городского гарнизона решили с ними объединиться и дать бой русским

в чистом поле. На хитрость Ярослава рыцари ответили глупостью. Вместо того чтобы спокойно отсиживаться за стенами и поджидать подхода войск со всей Ливонии, крестоносцы вышли из города и пошли на полки Ярослава Всеволодовича.

* * *

Князь Ярослав знал о том, что меченосцы из Оденпе выступили к Дерпту, но не стал атаковать противника в пути, предоставив братьям-рыцарям возможность объединить свои силы. Ярослав хотел одним ударом покончить с «божьими дворянами» в Уганди и после этого без помех овладеть Дерптом. Орденское командование не смогло просчитать замысел князя, и когда рыцари из Оденпе объединились с гарнизоном Дерпта, многие из крестоносцев решили, что искусным маневром сумели перехитрить русских. Соответственно, надо немедленно выступить навстречу врагу и разгромить его наголову. Орденское войско покинуло Дерпт и выдвинулось на восток от города, по направлению к боевому стану русских.

Ярослав не дремал, к этому времени он успел стянуть все полки в один кулак и спокойно ждал неприятеля. Когда дозорные донесли о том, что приближается войско крестоносцев, князь изготовил рать к бою и развернул полки в боевой порядок. Левый фланг русского войска упирался в берег реки Омовжи, правый же оставался неприкрытым. Там и поставил Ярослав конную дружину, а впереди большого полка встал заслон из лучников и воинов с самострелами. Перед русским строем простиралось засыпанное снегом поле, которое предстояло пересечь крестоносцам.

Вскоре появились меченосцы. Над рядами конных рыцарей реяли белые знамена с красными крестами, такие же кресты пламенели на щитах и плащах «божьих дворян». Сначала германцев было немного. Однако к ним подходили всё новые и новые отряды, ряды рыцарей уплотнялись, раздвигались в стороны, и вскоре вся противоположная половина поля запестрела от эмблем и гербов крестоносцев. До русских полков доносился рев боевых рогов меченосцев, лязг железа и гул тысяч голосов. А затем вся эта громада двинулась вперед.

Поднимая тучи снежной пыли, в атаку пошла рыцарская конница, а за ней двинулась пехота. Братья-рыцари атаковали широким фронтом, надеясь смять противника одним могучим ударом. Ярослав дал команду, и стрелки изготовились к бою. Зазвенели тетивы луков, защелкали самострелы, забились на снегу раненые лошади. Выбитые стрелами из седел, крестоносцы полетели под копыта бешено мчавшихся коней, а ряды рыцарей начали приходить в расстройство. Но натиск «божьих дворян» было не остановить, и стрелки отступили за боевые порядки тяжелой пехоты. Русские ратники теснее сомкнули ряды, ошетилившись копьями и рогатинами.

Крестоносцы крепко ударили в строй русских полков, но натолкнулись на упорное сопротивление. Отбросив изломанные копья, рыцари схватились за мечи и булавы, однако продвинуться вперед так и не смогли. Под ударами рогатин и боевых топоров на длинных рукоятках меченосцы валились на снег, а их натиск утратил силу. В этот момент подошла орденская пехота и с ходу вступила в бой. Гривы Ярослава сошлись в рукопашной с «божьими дворянами», и сражение забушевало с новой силой. Уступать не хотели ни те, ни другие.

Рыцарская кавалерия увязла в рукопашной схватке, а орденская пехота, в составе которой было много воинов из подвластных немцам местных племен, оказалась нестойкой в прямом бою. Не выдержав накала битвы, пешее воинство крестоносцев стало разбегаться. Воспользовавшись этим, русские всей силой навалились на рыцарскую конницу и разбили её. Дружина Ярослава изрубила преградивших ей путь меченосцев и вышла в тыл отступающему врагу.

Видя, что путь отступления к Дерпту им отрезан, братья-рыцари бросились на лед Омовжи, надеясь перебраться на другой берег. Лед не выдержал такой массы людей и коней, треснул и стал раскалываться. Меченосцы камнем пошли на дно, лишь немногим удалось достигнуть противоположного берега. Понимая, что на реке их ждет смерть, «божьи дворяне» начали прорубаться в сторону Дерпта, и некоторым это удалось. Пришпоривая коней, они уходили в сторону города. Всё было кончено. Поле сражения было завалено телами павших крестоносцев, а темнеющие полыньи на Омовже указывали те места, где навеки скрылись под черной водой братья-рыцари.

* * *

О самом сражении в иностранных источниках никаких известий не сохранилось, а в русских летописях ему уделено буквально несколько строк. Но кое-какие выводы всё же сделать можно. Новгородская I летопись старшего извода сообщает следующее: *«Немци же из града высушася, а инии из Медвеже головы на сторожи, и бишася с ними и до полку. И поможет бог князю Ярославу с новгородьци и биша я и до реки, и ту паде лучших Немьць неколико; и яко быша на рече на Омовьжи Немьци, и ту обломилася истопе их много, а ини язвьни вбегоша в Гюргеви, а друзии в Медвежю голову; и много попустишиша земле их и обилие потратиша»*.

Из данного сообщения мы видим, что в сражении приняли участие не только «божьи дворяне» из Дерпта, но также и братья-рыцари из Оденпе (Медвежьей головы). Если же принять свидетельство В.Н. Татищева, то получается, что под знамёнами ордена сражались и воины из зависимых племён чуди. В этом случае получается, что Ярослав сознательно пошёл на то, чтобы дать врагу время собрать силы и затем прихлопнуть немцев одним ударом. Исходя из этого, позицию русские полки заняли сугубо оборонительную, предоставив инициативу немцам. Командование ордена повелось на эту уловку, меченосцы дали бой Ярославу – и проиграли! Отразив атаку тяжелой рыцарской кавалерии, русские отбросили крестоносцев на лёд Омовжи, который треснул от столь большого количества закованных в доспехи воинов. В огромных полыньях утонуло немало «божьих дворян», а те, кто уцелел, скрылись за стенами Дерпта и Оденпе. Как отметил В.Н. Татищев, *«много же немцев и чуди побито и пленено»* (с. 715). В том же духе о вражеских потерях сообщает и новгородский летописец, особенно заострив внимание на том, что **«истопе их много»**.

Успех был полный, однако после столь сокрушительной победы атаки на Дерпт не последовало. Вместо этого русские, как обычно, занялись не делом: **«и много попустишиша земле их и обилие потратиша»**. Почему так получилось? Как следует из текста летописи, после битвы католическое воинство разбежалось, и часть израненных рыцарей укрылась в Дерпте, а остальные драпали до самого Оденпе. Получается, что всех рыцарей уничтожить в бою не удалось. Соответственно, из этого вытекало, что город всё-таки придется брать приступом или длительной осадой. Но моральный дух гарнизона был сломлен, и это могло иметь решающее значение при штурме. Конечно, бездействие князя после победы можно было бы объяснить большими потерями в войсках, но летописи свидетельствуют о том, что потери были минимальные и пришли в основном на переяславские полки. Тогда в чём же дело?

С одной стороны, если обратиться к классике, то ситуация очень напоминает битву при Каннах. Тогда Ганнибал уничтожил римскую армию, но не пошел на Рим и в итоге проиграл войну. Здесь мы наблюдаем то же самое. Ярослав громит войско крестоносцев, но после победы не идёт на Дерпт, который является главной целью похода, а продолжает грабить и разорять окрестности. В этом случае он блестящий тактик, но бездарный стратег. Косвенно данный вывод подтверждается и действиями Ярослава в кампании 1223 года, когда, отка-

завшись от похода на Ригу, он разменялся на небольшой замок Линданизе (Ревель) и грабеж Ливонии.

С другой стороны, можно предположить, что атаку на Дерпт сорвали новгородцы. В летописях чётко прописано, что в этом походе они потерь не понесли **«и взвратишася новгородци сдрави вси, а низовьчь неколико паде»** (Новгородская I летопись старшего извода). Зачем вольнице лезть на неприступные крепостные стены и подставляться под удары рыцарских мечей, когда можно продолжать безнаказанно заниматься грабежом и разбоем, набивая добычей обоз? А с одними своими полками князь Ярослав, помня о Линданизе, вряд ли рискнул бы идти на приступ, и потому продолжал заниматься грабежом окрестностей.

Тем не менее успехи новгородского князя не на шутку встревожили как магистра, так и рижского епископа. В русский стан явилось посольство с мирными инициативами: *«И поклонишася Немьци князю, Ярослав же взя с ними мир на вьсеи правде своеи»*. Примерно в таком же духе выдержан и рассказ В.Н. Татищева: *«Немцы, видя такую над собою беду беспомощную, прислали знатных людей просить о мире. И Ярослав, рассудив, учинил с ними перемирие на три года и, взяв дары многие, возвратился»* (с. 715).

Именно с этим посольством историки связывают знаменитую «юрьевскую дань», которую стали выплачивать крестоносцы русским. Упоминание о ней мы находим в «Книге степенной царского родословия». Вот что там сказано: **«Земля Ливонская, в ней же бяше седмидесят градов, в древняя лета земля та зовома Чюдьцы, идеже великий князь Ярослав Владимиричь и град созда во своё имя Юрьев и многа святыя церкви постави и тамо бяху епископи православные и подлежаху Рустей митрополии. Потом же богомерзцыи Немьци, пришедшее из Заморья и вселишася в Чюдьцы и дань даваху Русским государем к Великому Нову граду. Егда умножишася и обогатиша и самочинием возгордешася и не токмо дани давати не начаша к Нову граду, но и брань супротивну воздвижаху и пакости многи великому Нову граду и Пськову содеваху, овогда убо побежающе, овогда сами же побежени бываху»** (т. 21, с. 655).

Русские награбили богатые трофеи, получили немалые дары, и им стали выплачивать дань.

Но это было совершенно не то, к чему изначально стремился князь Ярослав.

Получилось, что столь масштабный и хорошо подготовленный поход не привел к каким-либо серьезным результатам. Всё закончилось как обычно, в лучших традициях новгородцев – пришли, всё пожгли да пограбили, а обогатившись, подписали мир и ушли домой. Не изменилось ровным счётом ничего. Разве только та дань, которую Ярослав наложил на Дерпт (Юрьев) и которую немцы будут регулярно выплачивать, послужит поводом к Ливонской войне, когда Иван Грозный посчитает, что пришла пора орден уничтожить. Но если бы не было этого повода, государь нашел бы другой, благо ума была палата.

Довольно забавно, что факт гибели меченосцев в полыньях на Омовже ввёл падких до дешевых сенсаций деятелей в искушение объявить о том, что во время Ледового побоища никто из крестоносцев не утонул. Что всё это происки летописцев-вредителей, которые эпизод из боевой биографии Ярослава приписали его сыну Александру. Довольно странное заявление, поскольку данный факт зафиксирован не в одном источнике. Чтобы не быть голословным, процитирую несколько летописных свидетельств, где рассказывается о Ледовом побоище. Например, в Никоновском летописном своде содержится следующая информация: **«а инии на озере истопша, бе бо уже весна»**. Об этом сообщает и Тверская летопись: **«и мнози их истопши на озере»**, а также и Софийская I летопись **«а иных вода потопи»**. Даже на миниатюре Лицевого свода видно, как тонут в озере крестоносцы. Наверное, летописцы и художники вступили в преступный сговор и сознательно исказили картину битвы на льду Чудского озера.

Вернемся к князю Ярославу и его победе над меченосцами. По большому счёту, именно битва на реке Омовже (Эмбахе) могла стать переломным моментом в борьбе русских с католиками за господство в Прибалтике. Но, к сожалению, не стала.

* * *

Судьба дала русским ещё один поистине уникальный шанс не только восстановить свои утраченные позиции в Прибалтике, но и уничтожить смертельного врага. Девятого февраля 1236 года папа римский Григорий IX объявил крестовый поход против литовских язычников. Это было очень серьезное предприятие, поскольку к тем силам, которые уже находились в Ливонии, прибыли массы пилигримов из Германии. Но главной ударной силой крестоносцев были братья-рыцари из ордена меченосцев, ветераны многочисленных боёв с язычниками. Удивительно, но в рядах Христова воинства оказались и 200 ратников из Пскова. Впрочем, отношения псковичей с католиками временами были достаточно неплохие, мы помним, как немцы прислали на помощь Пскову вооруженный отряд во время конфликта с Ярославом. Эти 200 воинов были добровольцами, и шли они не просвещать литовцев словом божьим, а поправить своё материальное положение.

Первоначально крестоносцы действовали весьма успешно, и ничего не предвещало катастрофы. Станным выглядит тот факт, что на этот раз немцы действовали в лучших новгородских традициях – пожгли и пограбили литовские земли, а затем потянулись назад. Но на обратном пути их встретили объединённые литовские дружины. Разгром крестоносного воинства в битве при Сауле был полный и безоговорочный. Здесь меченосцы дали последний бой и полегли практически в полном составе во главе с магистром Волквином фон Наумбургом. День 22 сентября 1236 года стал чёрным днём для немцев в Прибалтике, и вся их власть повисла на волоске. Орден меченосцев был уничтожен, и чудом уцелевшие рыцари скрылись за стенами своих замков.

Это был самый благоприятный момент для того, чтобы радикальным образом изменить ситуацию на северо-западных рубежах Руси. Если бы при таком положении дел русские организовали вторжение в Ливонию, то духу тевтонского не осталась бы ни в Дерпте, ни в Оденпе, а то и в самой Риге. Но не тут-то было! Князь Ярослав Всеволодович в это время вступил в борьбу за златой стол в Киеве, и все свои силы задействовал на южном направлении. Причем повел в поход на юг не только полки из Переяславля-Залесского, но и из Великого Новгорода. Князю было явно не до Прибалтики, его взор был устремлён на Киев. Что же касается новгородцев и псковичей, то у одних в это время были очень хорошие отношения с католиками, а другие в очередной раз проявили неорганизованность и нерасторопность. Правящая элита Новгорода даже поход на Дерпт не соизволила организовать, хотя шанс на победу выпал уникальный.

Зато немцы в Ливонии действовали быстро, понимая всю важность текущего момента. 12 мая 1237 года папа римский Григорий IX и гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальца решили вопрос о слиянии остатков ордена меченосцев с Тевтонским орденом. В Прибалтику в срочном порядке было отправлено подкрепление, и владения бывших меченосцев стали называться Ливонским ландмейстерством Тевтонского ордена. Первым ландмейстером стал Герман фон Балк. Таким образом, русские получили на своих северо-западных границах ещё более грозного и сильного противника, обладающего куда большими ресурсами, чем меченосцы.

8. Бой под Торческом. 17 мая 1235 г.

*Сретевишим же ся воемь многимь половецькимь у Торчского,
бысть сеча люта.*

Ипатьевская летопись

Даниил Романович успешно завершил борьбу за Галич. После долгих лет непрерывных походов, сражений, заговоров и измен князь всё-таки сумел собрать под своей рукой державу отца. Сам Даниил обосновался в Галиче, а Волынь оставил за братом Василько. Казалось, что теперь на земли истерзанной постоянными войнами и междоусобицами Юго-Западной Руси снизойдет мир и покой, а Даниил отложит в сторону меч и займется устройством внутренних дел своей державы. Но не тут-то было!

В Галиче объявился сын киевского князя Владимира Рюриковича Ростислав и предложил Даниилу союз против Михаила Черниговского и смоленского князя Изяслава Мстиславича. Тщательно взвесив все за и против, Даниил предложение принял. Он не мог не понимать, что союз между Черниговом и Смоленском, направленный против Киева, рано или поздно обернется и против Галича. Что, сокрушив Владимира Рюриковича, Михаил Всеволодович и Изяслав Мстиславич могут начать войну и против Даниила Романовича. Сам ход событий подталкивал Владимира и Даниила навстречу друг другу.

Галицкий князь решил сразу продемонстрировать свою поддержку киевскому князю и отправил в его распоряжение войска под командованием небезызвестного Глеба Зеремевича и ближайшего боярина Мирослава. Этих сил оказалось мало, чтобы пресечь козни Изяслава и Михаила. Черниговские полки уже подступили к Киеву и со дня на день могли взять город в осаду. В Галиче появился гонец, который передал Даниилу следующие слова Владимира: «*Помоги мне, брат!*» (Галицко-Волынская летопись). Даниил Романович понял, что медлить больше нельзя, собрал полки и выступил на помощь союзнику. Когда Михаил Всеволодович узнал о том, что на выручку Киева идет рать князя Даниила, то решил в бой не вступать, а спешно отступил от города. Владимир Рюрикович и Даниил Романович понимали, что черниговский князь на этом не успокоится и, как только Даниил вернется в Галич, снова начнет наступление на Киев. Поэтому было принято решение перенести боевые действия на вражескую территорию и вторгнуться в земли Черниговского княжества.

К этому союзников побуждал и ещё один принципиальный момент. Двоюродный брат Михаила, Мстислав Глебович, княживший в Новгороде-Северском, в этой войне решил поддержать не своего черниговского родственника, а его врагов. Трудно сказать, почему он решил так поступить. Возможно, были у Мстислава личные счёты с Михаилом, а могло быть и так, что решил князь добыть себе черниговский стол. Был Мстислав Глебович человеком храбрым и решительным, недаром из всех черниговских Ольговичей он окажется единственным князем, который в октябре 1239 года придет на помощь осажденному Чернигову и даст бой монгольской орде. Остальные его родственники просто убегут в Венгрию и бросят землю на произвол судьбы. Поэтому заполучить такого союзника было для Даниила и Владимира большой удачей.

Вторжение вражеских войск в черниговские земли едва не обернулось для Михаила Всеволодовича катастрофой. Были захвачены города Хоробор, Сосница и Сновск, что фактически приводило к изоляции Чернигова. Сновск находился к северо-востоку от города, а Хоробор и Сосница на востоке. Вполне вероятно, что Владимир и Даниил не знали, как отнесется к нападению на земли шурина Георгий Всеволодович, и на всякий случай решили исключить участие великого князя в этом конфликте. Занимая вышеуказанные города, они просто перекрывали путь суздальским полкам к Чернигову. В Ипатьевском летописном

своде отмечено, что кроме вышеуказанных городков союзники *«поимаша грады многы по Десне... иныи грады многии»* (т. 2, с. 173). После этого началось наступление на столицу Северной земли.

Описание осады Чернигова в 1234 году очень напоминает рассказ о штурме этого города во время нашествия Батые, с той лишь разницей, что кроме камнеметов из осадной техники упоминается ещё и таран. *«Люто бо бе бой у Чернигова, оже и таран на нь поставиша, меташа бо камением полтора перестрела, а камень, якоже можяху 4 мужи силнии подъяти»* (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 173). Сравним этот рассказ с повествованием об обороне Чернигова от монгольской орды в октябре 1239 года: *«и со града метяху на Татар камене со стен на полтора перестрела, а камене якоже можяху четыре человеки силнии подъяти, и сице възимающе метяху на них»* (Никоновская летопись, с. 114). На первый взгляд схожесть на лицо, но в то же время присутствует и существенная разница.

В первом случае из камнеметов обстреливают Чернигов, во втором стреляют из города по идущим на приступ войскам. Правы те летописцы, которые относят факт применения метательных машин ко времени обороны Чернигова осенью 1239 года. Мы уже не раз убеждались в неумении русских князей и воевод грамотно использовать осадную технику во время штурмов городов и крепостей. Примеров этого было приведено достаточно. И в то же время при обороне укрепленных пунктов русские очень хорошо использовали находившиеся в их распоряжении метательные машины. Об этом красноречиво свидетельствуют действия русских ратников при обороне Феллина и Дерпта в Прибалтике. Хотя таран, о котором упомянуто в Ипатьевском летописном своде, воины Даниила и Владимира могли соорудить, благо здесь особых познаний не требовалось. К тому же в большинстве летописей ничего не говорится о том, что именно в 1234 году против Чернигова были применены камнеметы. Наоборот, все летописцы с завидным единодушием пишут о том, что случилось это во время осады города монголами, когда черниговцы отражали атаки туменов Батые.

Как бы там ни было, но в этот раз союзникам город захватить не удалось. Решающую роль здесь сыграла позиция Мстислава Глебовича, не захотевшего разорения родového гнезда своих предков: *«Мстислав и черниговцы заключили мир с Владимиром и Даниилом»* (Галицко-Волынская летопись). Князь мог выступить посредником между конфликтующими сторонами. Трудно сказать, насколько велики были шансы Даниила и Владимира на успешный захват Чернигова, зато причины, побудившие их заключить этот мир, были весьма веские и носили сугубо военный характер: *«Даниил и его воины были сильно утомлены. Он попленил все Черниговские земли, воевал от Крещения до Вознесения и заключил мир, и вернулся в Киев»* (Галицко-Волынская летопись). Ратники и гридни Даниила Романовича были сильно утомлены, поскольку непрерывно воевали с января по май. То же самое должно относиться и к воинам Владимира Рюриковича.

Заклучив мир с Михаилом Всеволодовичем, союзники ушли к Киеву. Черниговский князь смирился, и им казалось, что война закончена. Оставался ещё Изяслав, о котором не стоило забывать. Впрочем, он скоро о себе напомнил. Князь привел половецкую орду и напал на Киев. Начался погром и грабеж окрестных земель.

Даниил Романович видел, что его войска истомлены боями и походами, и поэтому собирался возвращаться в Галич через леса, чтобы свести к минимуму преимущество половцев в коннице. Князь не хотел вступать в бой со степняками на открытом пространстве, поскольку сомневался в боеспособности своих полков. Недаром летописец заострил внимание на этом факте: *«Даниил и его воины были сильно утомлены»* (Галицко-Волынская летопись). Но Владимир Рюрикович прекрасно понимал, что без поддержки галицких полков не сможет устоять против половцев Изяслава. Обсудив ситуацию с боярином Мирославом, они вдвоем надели Даниила: *«Пойдем на поганых половцев!»* (Галицко-Волынская летопись). Уговорили.

Союзники снова выступили в поход, но когда до Владимира Рюриковича дошел слух, что половецкая орда стоит у Звенигорода, киевский князь запаниковал и объявил о том, что необходимо вернуться в Киев. Неожиданно его поддержал воевода Мирослав и тоже стал говорить об отводе войск. Таким образом, два главных инициатора войны с Изяславом неожиданно изменили свою позицию и стали в один голос говорить о необходимости отступления. Это взбесило Даниила, и он в бешенстве крикнул соратникам: *«Не подобает ли воину, устремившемуся на битву, – или завоевать победу, или погибнуть в бою? Я удерживал вас. Теперь же вижу, что трусливую душу имеете. Не говорил ли я вам, что не следует усталым воинам идти против свежих? А теперь что смущаетесь? Выходите против них!»* (Галицко-Волынская летопись).

Золотые ворота – символ Владимиро-Суздальского княжества
Фото автора

По большому счёту, князю надо было воспользоваться ситуацией и уводить полки под защиту киевских укреплений. Но Даниил как норовистый конь закусил удила и помчался вперед не разбирая дороги. В князя вселился дух противоречия, поскольку он начал делать то, от чего недавно сам отказывался. У Даниила Романовича просто сдали нервы, и вся накопившаяся злость и усталость выплеснулись наружу. По-человечески его можно понять, но как князя и военачальника – нет. Потому что, если б Даниил знал, к каким последствиям приведет это решение, он никогда не отдал бы приказ на атаку. Никому не дано прозреть грядущее, и галицкий князь здесь не был исключением.

Противники сошлись у Торческа. В центре боевых порядков встала пешая рать воеводы Мирослава, а с флангов её прикрыли дружины Владимира Рюриковича и Даниила Галицкого. Когда Даниил увидел половцев, он не стал никого извещать о принятом решении, а велел поднять стяги и трубить атаку. Рванув из ножен меч, князь прищпорил коня и помчался в бой, а за ним ринулись дружинники. Половцы не ожидали такой стремительной атаки. Отстреливаясь из луков, они начали медленно отступать, но ханы бросились вперед, и где руганью, а где плетками остановили своих воинов. Волны половецкой конницы устремились навстречу галицким гридням.

Две конных лавы столкнулись на равнине, и начался жестокий рукопашный бой. Гридни искусно бились длинными прямыми мечами, палицами и боевыми топориками, а половцы лихо рубились кривыми саблями. Некоторое время нельзя было понять, кто одолевает, но русские бились слаженно, плечом к плечу, и постепенно под их напором степняки начали поддаваться. А затем не выдержали натиска и обратились в повальное бегство.

Даниил велел трубить преследование и погнал коня за убегающими степняками. Гридни мчались, пригнувшись к лошадиным гривам, и когда настигали врага, привставали на стременах и рубили сплеча удирающих половецких воинов. Беглецы на полном скаку разворачивались в седлах, отстреливаясь из луков, и не один дружинник был сбит на землю. Погоня остановилась, когда под Даниилом ранили коня и князь решил пересесть на другого скакуна. Вот тут-то и нагнал его гонец от Владимира Рюриковича.

Пока Даниил Галицкий на своем крыле бился с половцами, а затем преследовал убегающего противника, главные силы степняков перешли в атаку, разбили киевскую дружину, после чего окружили пешую рать. Засыпав пехоту стрелами, они привели в расстройство её боевые порядки, после чего опрокинули слаженным ударом тяжелой конницы. Владимир Рюрикович и Мирослав с уцелевшими боярами бежали в Торческ, который осадила половецкая орда.

Эта была катастрофа. Даниил сначала усомнился в словах гонца, но, заметив приближающуюся огромную тучу пыли, понял, что скоро будет атакован численно превосходящей его дружину степной конницей. Князю стало ясно, что битва проиграна и своим союзникам он уже ничем не поможет. Оставалось спасать дружину. Трубач протрубил отступление, и гридни во главе с князем помчались прочь с поля боя. Даниил бежал в Галич. Тем временем часть галицких бояр во главе с Григорием Васильевичем и Молибоговичами перешла на сторону Изяслава и открыла ворота Торческа. Владимир Рюрикович, воевода Мирослав и те бояре, которые отказались присоединиться к предателям, были захвачены в плен. Позже киевского князя половцы уведут в свой стан. После этого Изяслав пойдет на Киев и усядется на золотой стол. Узнав об успехе союзника, выступил в поход на Галич и Михаил Черниговский.

Потрясенный Даниил прибежал в Галич, где находился его брат Василько с волынским полком. Однако измена уже как пожар распространялась по всей Галицкой земле. Борис Межибожский по злему совету бояр Доброслава и Збыслава прислал Даниилу гонца со словами: *«Изяслав и половцы идут к Владимиру»* (Галицко-Волынская летопись). Князь поверил этой дезинформации и спешно отправил на Волынь Василька с войсками, дав ему на

прощание напутствие: «*Стереги Владимир*» (Галицко-Волынская летопись). Это оказалось последней ошибкой Даниила в несчастливой для него кампании.

Потому что, как только волынские полки ушли из Галицкой земли, в Галиче бояре подняли мятеж. Даниил окончательно потерял голову от свалившихся на него неудач, чем и воспользовался хитрый боярин Судислав Ильич. Он поспешил к князю и сделал вид, что доносит о заговоре: «*Князь, слова галичан лживы, не погуби себя, уходи отсюда!*» (Галицко-Волынская летопись). Понимая, что шансов удержаться в городе у него нет, Даниил с дружиной убежал в Венгрию, а в Галич вступил Михаил Черниговский. Так, из-за собственной недалекости и многочисленных ошибок Даниил потерял Галич, за который боролся столько лет. Кроме себя, ему в этом было некого винить.

Зимой братья Романовичи предприняли попытку отбить у Михаила Галич, причем Василько привел с собой поляков, а Даниил венгров. Всё закончилось тем, что они пограбили земли в окрестностях города, после чего вернулись на Волынь. Многолетние усилия по возрождению державы отца пошли прахом, всё надо было начинать сначала.

* * *

Последствия боя под Торческом коснулись не только Даниила Романовича лично, они имели судьбоносное значение для Русской земли в целом. Когда о событиях в Южной Руси узнал новгородский князь Ярослав, он быстро понял, какие перспективы перед ним открываются. Ярослав Всеволодович собрал вече и объявил новгородцам, что хочет идти добывать киевский золотой стол. Новгородцы поддержали своего князя в этом начинании, поскольку успешные походы на Киев были для них своеобразной традицией. Давным-давно господа новгородцы помогли захватить Киев Вещему Олегу. Потом возвели на золотой киевский стол Владимира Святославича. Затем прогнали из Киева Святополка Окаянного и посадили на княжение Ярослава Мудрого. Как показывала история, шансов у киевлян устоять против новгородской вольницы не было. Новый поход также не стал исключением.

Падение Волжской Болгарии
Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Информация о захвате Ярославом Киева в 1236 году содержится в Новгородской I летописи старшего извода. С одной стороны, она достаточно подробна, а с другой стороны, хотелось бы знать об этом знаковом событии больше. Потому что данное свидетельство отражает лишь новгородскую точку зрения на события и не более того. Летописца интересует только то, что касается непосредственно его земляков. Он даже не называет имени киевского князя, против которого выступил Ярослав, поскольку это, по мнению книжника, не принци-

пиально. Судите сами: *«В лето 6744 (1236). Поиде князь Ярослав из Новагорода Киеву на стол, поимя с собою новгородци вятиих: Судимира в Славьне, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, а новоторжець 100 муж; а в Новегороде посади сына своего Олександра. И, пришедъ, седе в Киеве на столе; и держав новгородцев и новоторжцевъ одну неделю и одарив я, отпусти проче; и придоша здрави вси».*

Никоновский летописный свод излагает несколько иную точку зрения на события и дает гораздо больше информации несколько иного свойства: *«В лето 6743. Князь Изяслав Мстиславичь Смоленский, внук Романов Ростиславичя, с Половцы, и князь Михайло, сын Всеволода Чермнаго, с Черниговцы и князь Ярослав Всеволодичь с Новгородци ходиша ратью на Киев, и взяша его, а великого князя Киевскаго Владимира Рюриковичя вземше Половцы ведоша с собою в свою землю, седевши на великом княжении в Киеве 10 лет, и тамо взяша с него окуп, и отпустиша его на Русь. И сяде по нем на столе на великом княжении в Киеве князь Ярослав Всеволодичь Новгородцкый, а в Новгороде сяде на княжении сын его Александр»* (т. 10, с. 104).

Из текста следует, что Изяслав Мстиславич, Михаил Черниговский и Ярослав Всеволодович создали коалицию против Владимира Рюриковича, отбили у него Киев, где и стал княжить Ярослав. На первый взгляд данная информация подтверждается и свидетельством Ипатьевского летописного свода: *«И потом приде Ярослав Суждальский и взя Киев под Володимером, не мога его держати, иде пакы Суждалю. И взя под ним Михаил, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи»* (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 175). Получается, что в силу каких-то причин Ярослав не мог удержаться в Киеве и там стал княжить другой член коалиции, Михаил Всеволодович.

В действительности все было гораздо сложнее, достаточно обратиться к текстам других летописей. Например, Московский летописный свод XV века приводит следующую информацию: *«В лето 6743. Прииде князь Изяслав Мъстиславич с Половци и взяша Киев, а князя Володимера Рюриковича емше Половци ведоша в землю свою, и оттоле взяша искуп на нем и отпустиша и в Русь, а Изяслав Мъстиславич, внук Романов, седе в Киевеве».* Данное свидетельство совершенно меняет общую картину событий. Получается, что не было никакой коалиции между Изяславом, Михаилом и Ярославом, а был только военный союз между князьями черниговским и смоленским. Причем в захваченном Киеве после победы над Владимиром Рюриковичем утвердился именно Изяслав, а не кто-то другой.

Это подтверждается и Новгородской Карамзинской летописью: *«В лето 6743 (1235). Пришед Изяслав Мстиславич с половци, а Михаил Всеволодич с черниговци, и взяша Киев, Володимера Юрьевича, княжившего ту лет 10, имше его половци, сведоша в землю свою, и оттоле взяша искуп на нем и отпустиша и на Русь. А Изяслав сиде на столе в Киевеве».* Правда, здесь Владимир Рюрикович почему-то назван Юрьевичем, но сути дела это не меняет, поскольку общий ход событий передан достаточно верно.

Об этом же говорится и в Тверской летописи: *«князь Михайло Черниговский сиде в Галичи, а Изяслав в Киевеве. И опять пустиша Половци великого князя Володимера, вземше с него окуп, и княгиню его; и на Немцех имаша искуп князи. А в Киевеве сиде князь великий Изяславъ Мъстиславич храброго, внук Романовъ Ростиславича Смоленского, а Ростислав Романовичь внук Манамахов»* (т. 15, с. 363). Здесь летописец обращает внимание на то, что в результате победы над Владимиром Рюриковичем Михаил Всеволодович получил Галич, а Изяслав Киев. О Данииле не упоминается, но он подразумевается. Иначе бы Михаил не оказался в Галиче.

Теперь обратимся к Холмогорской летописи: *«В лето 6743. Изяслав Мстиславич с половци и Михайло Черниговский с черниговци взяша Киев. Володимера Рюриковичя емше половци и ведоша с собою. И потом, вземше откуп, пустиша его. Княжение. Сед в Киевеве Изяслав Мстиславичь, внук Романа Ростиславичя».*

В лето 6744. Княжение. Сед в Киеве Ярослав Всеволодичь, а в Новеграде сын его Александр Невский».

Взятие Великого города Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Черным по белому прописано – после Изяслава стал княжить Ярослав Всеволодович. Следовательно, князь, которого изгнал из Киева Ярослав, был Изяслав Мстиславич и никто иной. Только в этом случае у новгородского князя появлялись веские основания для борьбы за Киев. Ведь вместо Владимира Рюриковича, у которого были неплохие отношения с суз-

дальскими Всеволодовичами и чья дочь была замужем за племянником Ярослава, княжил Изяслав. Союзник злейшего врага Ярослава Всеволодовича, князя Михаила Черниговского. Но нанося удар по Изяславу, Ярослав при этом не трогал Михаила, который приходился шурином Георгию Всеволодовичу и в данный момент был занят борьбой с Даниилом за Галич. Исходя из этого, Ярослав считал, что в борьбе за Киев он получит поддержку всех своих родственников. Или по крайней мере их нейтралитет.

Достойного сопротивления Изяслав оказать не сумел и был вынужден покинуть Киев. Об этом свидетельствует тот факт, что, согласно Новгородской I летописи старшего извода, участники похода *«придоша здрави вси»*. Подобное утверждение столь часто гуляет по новгородским летописям, что невольно задашься вопросом – господа новгородцы всегда воевали без потерь? Впрочем, в данной ситуации именно так и могло быть. Вокняжившись в Киеве, Изяслав должен был распустить половцев, поскольку киевляне не потерпели бы присутствия наемников ни в городе, ни в окрестностях. Тем самым Изяслав Мстиславич вырыл себе яму, поскольку среди киевлян новый князь поддержки ещё не имел, а отправив половецкую конницу обратно в степи, остался лишь со своей дружиной. А её было явно недостаточно, чтобы при сложившихся обстоятельствах удержать за собой древнюю столицу. Попытка Изяслава организовать оборону и собрать по киевской волости полки потерпела неудачу, и князь был вынужден бежать из города.

Ярослав вступил в Киев. И неожиданно для всех оказалось, что братья Всеволодовичи подмяли под себя добрую половину Руси. Георгий держал Суздальскую Русь, и рязанские князья считались его вассалами. Ярослав занял Киев, а его сын Александр княжил в Новгороде. Ни черниговские Ольговичи, ни Даниил и Василько Романовичи в данный момент не могли им составить конкуренцию. По большому счёту, в данный момент на Русской земле не было силы, которая могла бы остановить потомков Юрия Долгорукого. Два брата сделали то, что не сумели сделать их дед, дядя и отец – объединили под своей властью всю Северо-Восточную Русь, Киев и Новгород. Это был наивысший успех суздальских Мономашичей. Но его необходимо было закрепить, а времени на это не осталось. Половецкая степь уже гудела от стука копыт монгольской конницы.

Момент вступления Ярослава в Киев мог бы стать величайшим его триумфом, но не стал, поскольку, согласно Ипатьевскому летописному своду, князь надолго на берегах Днепра не задержался. В феврале 1238 года мы вновь встречаем Ярослава в Новгороде, а в Киеве в это время княжит Михаил Черниговский. Может показаться, что Ярослав наступил на те же грабли, что и Изяслав, поскольку через неделю после того, как уселся на золотой стол, согласно Новгородской I летописи старшего извода, отправил новгородские полки домой. Однако после их ухода князь продержится в Киеве практически год и уйдет из города по своей воле. Чем Михаил Черниговский немедленно и воспользуется. Уход Ярослава в Новгород из Киева не будет признаком его слабости. Свои коррективы в планы князя внесет хан Батый, чья орда поздней осенью 1237 года подойдет к рязанским границам. Ярославу потребуются новгородские полки, и поэтому с берегов Днепра он отправится на берега Волхова.

О том, что страшный враг уже у ворот, на Руси будет известно ещё в 1236 году. Недаром новгородский летописец, сразу же после рассказа о походе Ярослава на Киев, делает следующую запись: *«Том же лете пришедше безбожнии Татарове, плениша всю землю Болгарьскую, и град их Великий взяша, и исекоша вся и жены и дети»* (Новгородская I летопись старшего извода).

9. Падение Волжской Болгарии. 1236 г.

*...пришедши безбожнии татарове, поплениша землю
Болгарскую.
Пискаревский летописец*

Разгром туменов Субудая и Джебе-нойона в 1224 году серебряными болгарами озадачил Чингисхана. Каган понял, что на западе живут народы, которым вполне по силам накрутить хвосты его верным псам. Значит, поход на Закатные страны потребует гораздо более тщательной подготовки, чем планировалось изначально. Но осуществить этот замысел Чингисхан не успел, поскольку 25 августа 1227 года скончался. Казалось, что соседние народы могут вздохнуть с облегчением, но не тут-то было! Избранный великим каганом Угедей, третий сын завоевателя, продолжил политику отца.

В том же году, когда его избрали каганом, Угедей решил провести на границах Волжской Болгарии разведку боем и выдвинул в район Волги корпус Субудая. Рашид ад-Дин рассказывая о том, как Угедей отправил против хорезмшаха Джелаль Ад-Дина полководца Джурмагун-нойона с 30 000 воинов, добавляет, что *«Кокошая и Субэдай-бахадур послал с таким же войском в сторону Кипчака, Саксина и Булгара»* (с. 21). У Субудая был к серебряным болгарам особый счёт, поскольку именно они нанесли старому соратнику Чингисхана сокрушительное поражение и развеяли по ветру его славу непобедимого полководца.

В этот раз для Субудая всё тоже сложилось непросто. Болгарские военачальники решили встретить противника на дальних подступах к своим границам и в качестве рубежа обороны избрали реку Яик (Урал). В течение двух лет серебряные болгары отражали натиск монгольских туменов и только в 1229 году отступили непосредственно к рубежам Волжской Болгарии. Об этом нам сообщила Лаврентьевская летопись: *«Того же лета Саксини и Половци взбегоша из низу к Болгаром перед Татары; и сторожеве Болгарьськии прибегоша, бьени от Татар, близ реки, ейже имя Яик»* (с. 430). В боях на реке Яик волжские болгары потерпели поражение. Но война продолжалась, и болгарам пока удавалось сдерживать монгольский натиск, не допуская вторжения противника в глубь страны.

Информацию об этом периоде противостояния приводит В.Н. Татищев. Под 1232 годом историк делает следующую запись: *«Болгары же прислали к великому князю Юрию объявить, что пришел народ неведомый и язык, коего прежде не слышали, весьма сильный, и просили, чтоб послал к ним помощь, обещая все его убытки заплатить. Князь великий, собрав братьев и племянников, советовался. И слыша, что татар сила велика, а болгар обессилеть полезным полагая, отказали им в помощи. Татары, попленив, покорили себе нижних болгар и грады их великие все разорили»* (с. 713).

Вопрос о том, почему был в принципе невозможен военный союз между Суздальской землей и Волжской Болгарией, мы разберем ниже. Пока же отметим, что причины для этого были как объективные, так и субъективные. А с Василием Никитичем всё понятно, он Георгия Всеволодовича не жалует и потому стремится приписать великому князю даже те ошибки, которые тот и не совершал. С таким подходом историка мы уже не раз сталкивались.

Монгольское наступление на границы Волжской Болгарии продолжало планомерно развиваться. Болгары бились насмерть, как в полевых сражениях, так и при защите оборонительных линий, и им в очередной раз удалось остановить вражеский натиск и не пропустить завоевателей во внутренние области своей державы. Об этом говорится в Лаврентьевской летописи под 1232 годом: *«Того же лета придоша Татарове, и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьскаго»* (с. 437). Если называть вещи своими именами, то для серебряных болгар это был крупный успех. Их полководцам удалось практически невозможное

– на целых четыре года остановить монгольское нашествие и уберечь центральные области Волжской Болгарии от разорения. Субудая банально не хватило ни сил, ни воинского таланта, чтобы выполнить поставленную перед ним боевую задачу. В очередной раз болгарские военачальники попортили немало крови старому полководцу. Для продолжения кампании Субудая требовались крупные резервы, но их пока не было.

Рождественский собор в Суздале
Фото автора

В целом же информации о борьбе серебряных болгар против монгольского нашествия сохранилось до обидного мало. Например, Плано Карпини, такому судьбоносному событию, как завоевание Волжской Болгарии ордой Батыя, уделяет в буквальном смысле лишь пару строк. Рассказывая о монголах, монах-францисканец отмечает, что *«они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили»*³¹. По большому счёту, за исключением того, что Батый сначала завоевал мордовские земли и только потом вторгся в Серебряную Болгарию, мы практически ничего не узнаем.

Некоторая информация о борьбе волжских болгар с монгольским нашествием содержится в русских летописях, сведения о ней есть в трудах восточных авторов, о чём-то рассказывают археологические данные. Поэтому общую картину трагедии и её масштабы можно представить.

Большой проблемой для Волжской Болгарии стало то, что теперь расстояние от её юго-восточных границ до улуса старшего сына Чингисхана Джучи было не так уж и велико. Персидский историк Казвини, живший в первой половине XIV века, рассказывая о хане Джучи, отце Батыя, написал следующее: *«Туши-хан, сын Чингиз-хана, был старший сын его. По приказанию отца ему вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, русские, микес, башкирды и те пределы»*³². Об этом же свидетельствует и арабский историк Эннувейри: *«По части земель и вод он назначил ему летовья и зимовья от границ Каялык и земель Хорезмских до окраин саксинских и булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при набегах»*³³. Таким образом, у серебряных болгар появился очень опасный сосед.

³¹ Карпини П., Рубрук В. Путешествия в восточные страны. 1957. С. 46.

³² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.—Л.: АН СССР, 1941. С. 90.

³³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 150.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском
Фото автора

Белокаменная резьба Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.
На фотографии видно, как после реставрации В.Д. Ермолина была нарушена единая композиция
Фото А. Карева

Судьба Волжской Болгарии решилась на курултае 1236 года. Об этом достопамятном собрании и о том, что случилось после него, нам поведал Джувейни: *«Рассказ о покорении Булгара, страны асов и Руси. Когда каан (Угетай) во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокоренных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату – Хорду и Тангута – и нескольких царевичей, а из знатных эмиров (там) были Субудай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела, а от множества и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой численностью. Для примера подобным им жителей его (частью) убили, а (частью) пленили»³⁴.*

Персидский историк акцентирует внимание исключительно на взятии Великого Булгара. Русские летописцы освещали ситуацию несколько иначе, для них на первом месте стояло падение Биляра, который они называли «Великий город». Под 1236 годом Лаврентьевская летопись сообщает следующую информацию: *«Тое же осени приидоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожные Татари, и взяша славный Великий город Болгарьский, и избиша оружием от старца и до унаго и до суцаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша»* (с. 437). Примерно в том же духе освещает ход событий и Никоновский летописный свод: *«Того же лета пришедшие безбожнии Татарове поплениша всю землю Болгарскую, глаголемую Казанскую, и град их Великий взяша, и изсекоша всех: мужи, и жены и дети, а прочих в полон поведоша»* (т. 10, с. 104). Аналогичная информация присутствует практически во всех русских летописях, рассказывающих о падении Серебряной Болгарии.

В.Н. Татищев помимо Биляра называет и город Жукотин: *«В том же году пришли татары на великих болгар, всю землю их попленили, град Великий и Жукотин после жестоких боев взяв, всех мужей и жен порубили, а младых пленили и всеми землями их овладели»* (с. 723). В «Примечаниях» историк дает следующее пояснение: *«Город Великий был за Камою на левой стороне Волги, и может, прежде Волга близ него была, но ныне отдалилась верст с 7. Его великие строения удостоверяют, что был народ богатый и в ремеслах искусный. Татары долго в нем жили, но при великом князе Иоанне I-м вконец разорен и опустошен, а вместо него татары в Казани стали строить, о чем пространнее в части IV показано. Жукотин на устье Камы на левой стороне пустое великое городище, где и каменных строений остатки многие видимы»* (с. 731).

Падение двух главных городов Волжской Болгарии буквально шокировало современников. Причем Великий Булгар действительно обладал мощнейшими укреплениями и однозначно мог быть взят только после длительной осады. Недаром Джувейни отметил, что *«город Булгар... известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью»³⁵*. Вполне возможно, что, не сумев сдержать натиск монгольской орды на оборонительных линиях вдоль границ, военачальники серебряных болгар все силы стянули в Вели-

³⁴ Там же. Т. II. 1941. С. 22–23.

³⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л.: АН СССР. Т. II. 1941. С. 23.

кий город и, опираясь на его укрепления, дали решительный бой завоевателям. *«Великий город перед монгольским нашествием был сильно укреплен. Распланированный ещё в X веке, он к тому же имел не менее 6 рядов мощных концентрически расположенных укреплений. В центре города возвышалась цитадель подквадратной формы, окруженная внушительной деревянной стеной, шириной и высотой до 10 м. с выступающими через 60–70 м башнями. Цитадель занимала центральную часть внутреннего города, окруженного ко времени нашествия двойной линией валов, протяженность наружного из которых достигала 5300–5400 м. По верху валов шли высокие конструкции из деревянных срубов и частокола. Внутренний город, в свою очередь, был окольцован мощной обороной внешнего города, состоящего из трех рядов валов, протяженность наружного из которых достигала 11 км. По верху этих валов также шли высокие конструкции из деревянных срубов. Наконец за пределами этих мощных укреплений почти по всему периметру города размещались посады, также защищенные не только качественными преградами в виде речек и болот, но и двухрядным частоколом»³⁶.*

Впрочем, могло быть и так, что одно болгарское войско засело в городе, а другое должно было атаковать монголов с тыла. При таком раскладе у волжских болгар были шансы на победу в решающей битве. Но если к этому времени все их полевые войска были уничтожены, то и Великий Булгар был обречен. Приступом или длительной осадой, но монголы его всё равно захватили бы. Главной бедой серебряных болгар стало то, что они не могли рассчитывать на чью-либо помощь со стороны.

Существует мнение о том, что Суздальская Русь должна была заключить военный союз с Волжской Болгарией и оказать ей поддержку войсками. Но такое утверждение из области фантастики. Слишком велики были противоречия между двумя державами, слишком долгим было их вооруженное противостояние в регионе. Да и религиозный фактор нельзя сбрасывать со счетов, поскольку русские православные косо смотрели на болгарских мусульман и наоборот. Это был один из принципиальных моментов.

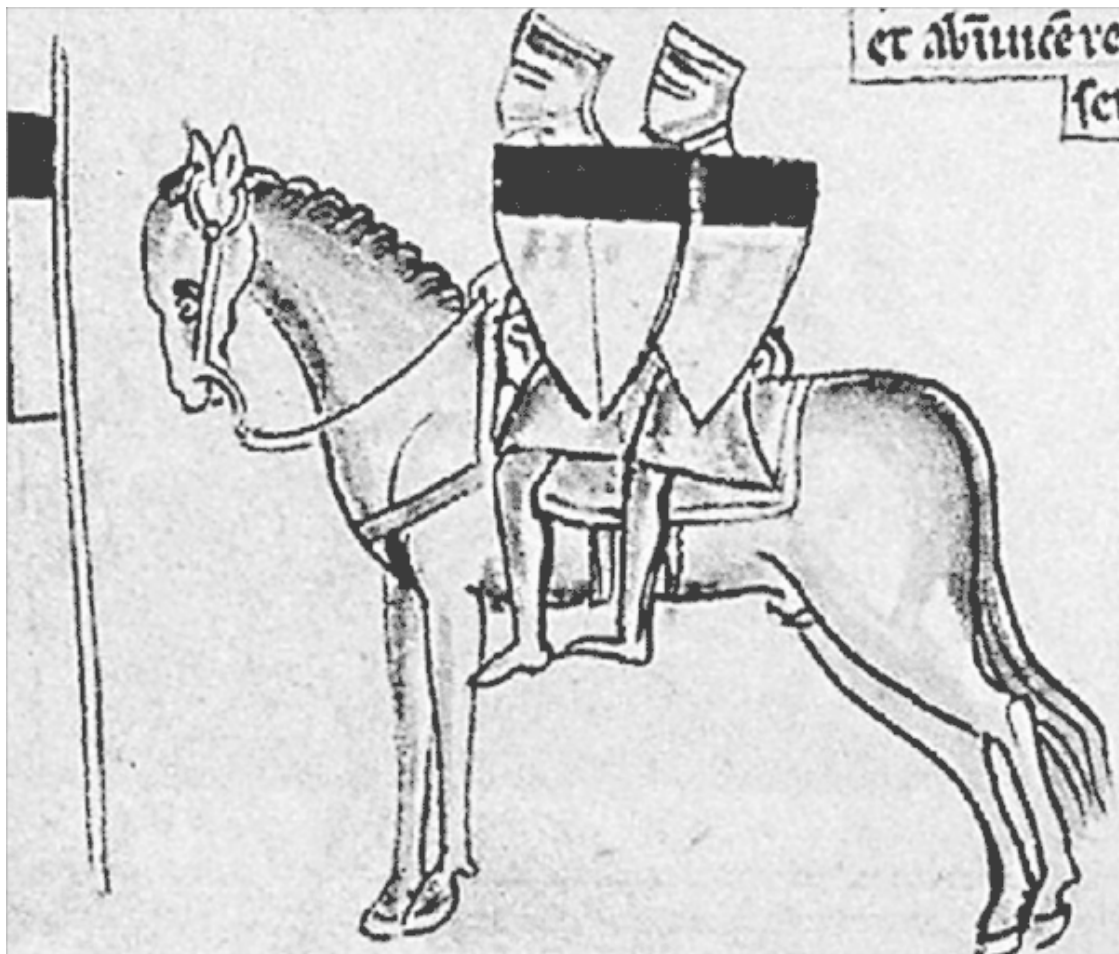
К тому же и Георгий Всеволодович и его родственники прекрасно знали о том, чем закончилось военное сотрудничество русских и половцев в битве на Калке. Пример очень показательный. Мало того, что именно половцы первыми обратились в бегство, чем не мало поспособствовали общему поражению. Как мы помним, именно степняки после страшного разгрома стали грабить своих русских союзников, отнимая у них коней, оружие и одежду. Поэтому заключать военный союз с государством, с которым до этого они вели жесточайшую борьбу за господство в регионе, для русских князей возможным не представлялось. Слишком велики были противоречия между двумя державами, как в области религии, так и во внешней политике. И не надо ставить в упрек князю Георгию то, что он не привел рать на помощь болгарам. В сложившейся ситуации это было просто нереально.

Зато когда из объята войной страны в земли Владимирского княжества хлынули потоки беженцев, Георгий Всеволодович их всех принял: *«В том же году от пленения татарского многие болгары, избегши, пришли в Русь и просили, чтоб им дать место. Князь же великий Юрий весьма рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие»* (В.Н. Татищев, с. 723). Великий князь не побоялся, что монголы выкажут неудовольствие его действиями, а в те времена это дорогого стоило. Ведь вместе с предоставлением убежища он одновременно брал на себя и защиту болгарских беженцев.

Волжская Болгария не устояла под страшным монгольским натиском, её города и крепости пали перед ордой. Монах Юлиан пишет, что *«(татары) в течение одного года или немного большего (срока) завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло*

³⁶ Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: «ФЭН», 1994. С. 34.

выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов»³⁷. Это была катастрофа, от которой страна никогда не оправилась.

Тамплиеры. Два рыцаря на одном коне – символ бедности храмовников Средневековый рисунок

И тем удивительнее было то, что вскоре Серебряная Болгария восстала против захватчиков. Произошло это незадолго до похода Батыея в Южную Русь. И снова против болгар монгольские ханы отправили Субудая, который, похоже, всё никак не мог утолить свою ненависть к этому народу. Рашид ад-Дин свидетельствует: *«После этого в ту зиму царевичи и эмиры собрались в долинах рек Хабан и отправили эмира Субудая с войском в страну асов и пределы Булгара. Они дошли до города (Булгара) Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джыку, изъявили царевичам покорность, были (щедро) одарены и вернулись обратно, (но потом) опять возмутились. Вторично послали (туда) Субудая-бахадур для усмирения (их)»* (с. 37–38).

Информация о том, что именно Субудай воевал против Волжской Болгарии, содержится в Ипатьевском летописном своде. Там же называется имя и второго монгольского полководца, руководившего боевыми операциями в регионе. Это был знаменитый Бурундай, победитель великого князя Георгия в битве на реке Сить: *«воевода его перьвый – Себедяй богатур и Бурундаи багатырь, – иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую»* (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 177).

³⁷ Исторический архив. Т. III. М.—Л.: АН СССР, 1940. С. 85.

Но вернемся к восстанию серебряных болгар против захватчиков. Есть очень интересные сведения о том, как монголы поступили с восставшими болгарскими феодалами. Когда итальянский монах-францисканец Иоанн де Плано Карпини в 1245 году отправится с столицу Монгольской империи Каракорум, вместе с ним поедет Бенедикт Поляк, выполнявший функции переводчика. Впоследствии брат Бенедикт напишет отчет об этой поездке, с которого будет сделана краткая копия под названием «История татар». Автора этой копии принято называть Ц. де Бридиа. Вот что он сообщает по интересующему нас вопросу: «*А Бати выступил затем, будучи на Руси, против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов, и, захватив их (знать), присоединил их к своему войску*»³⁸. Как видим, здесь речь идет конкретно о событиях, произошедших после разгрома Северо-Восточной Руси. Очевидно, что ввиду предстоящего похода на Закатные страны Батый не хотел оставлять у себя в тылу восставших серебряных болгар и был вынужден пойти с ними на компромисс.

Падение Волжской Болгарии имело колоссальное значение для дальнейшего монгольского похода на запад. Был разбит щит, который прикрывал Русь от монгольского вторжения с востока. Теперь вторжение орды Батые на Русскую землю становилось лишь вопросом времени.

* * *

Пока на северо-западных, юго-западных и южных рубежах Руси бушевали войны, в Суздальской земле царили мир и покой. Поход на мордву в 1232 году не был даже замечен большинством населения княжества. Люди были заняты своими будничными делами, и им не было никакого дела до того, что на востоке серебряные болгары насмерть бьются с неведомым народом, а русские князья отправились грабить мордовские волости. В Лаврентьевской летописи при освещении событий с 1233 по 1237 год говорится о чём угодно, но только не о том, как Георгий Всеволодович и его многочисленные родственники пошли на кого-либо войной. Да и на них никто не нападал.

Летописец заостряет внимание совсем на других вещах. Например, под 1233 годом в Лаврентьевской летописи содержится следующая запись: «*В лето 6741. Написана бысть церкы святая Богородица в Суждали, и измощена моромором красным разноличным*» (с. 437). Здесь речь идет о белокаменном Рождественском соборе в Суздале, который был построен по воле Георгия Всеволодовича в 1222 году на месте обветшавшего старого храма. Теперь собор был расписан изнутри и вымощен красным мрамором.

Самое грандиозное каменное строительство в эти годы происходило в Юрьеве-Польском. Его затеял в 1230 году удельный князь Святослав Всеволодович: «*Того же лета Святослав руши церковь в Юрьеве святаго Георгия каменую; бе бо обетшала, и начаять раздрушатися, создалъ бо бе ея дед его Юрьи Володимеричь, и нача Святослав новую здати, чуднейшу первыя*» (Никоновская летопись, т. 10, с. 101). По свидетельству В.Н. Татищева, деньги на строительство князь взял из добычи, которую захватил в Волжской Болгарии. В принципе, Святослав действует так же, как и его старший брат Георгий, возводя на месте старой церкви новый храм. Но именно собор Святослава Всеволодовича произвел потрясающее впечатление на современников, отмечавших необычайную красоту нового храма. Например, в Пискаревском летописце об этом сказано так: «*В лето 6742 князь Святослав Всеволодичь соверши церковь в Юрьеве, иже бе опала старостию, святого мученика Георгия, и украси ю дивно*». Не менее восторженный отзыв содержится и в Московском летописном своде XV века: «*В лето 6742. Благоверный князь Святослав Всеволодичь сверши церковь в Юрьеве святаго великомученика Георгия и украси и паче инех церквей, бе бо*

³⁸ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». М.: Евразия, 2002. С. 112.

изъвну около всеа церкви по камению резаны святые чюдно велми, иже есть и до сего дне» (т. 25, с. 126). Главной особенностью Георгиевского собора было то, что, в отличие от того же Дмитровского собора в стольном Владимире, он был покрыт белокаменной резьбой сверху донизу. Строительство продолжалось четыре года и было окончено за три года до монгольского нашествия. Это была лебединая песня русского зодчества, Георгиевский храм оказался последним белокаменным собором Северо-Восточной Руси, построенным до Батыева погрома. После этого каменное строительство в Северо-Восточной Руси надолго прекратится, поскольку мастера либо погибнут под кривыми монгольскими саблями, либо будут уведены в полон.

Впрочем, относительно того, кто строил храм, В.Н. Татищев приводит несколько иную информацию: *«Церковь Юриевская. Князь Святослав Гавриил Всеволодич, как выше сказано, разрушив прежнюю ветхую, построенную в Юриеве дедом его церковь, построил новую, весьма дивную резаным камнем. Мастер был болгарский. И освятил оную епископ Митрофан, где были князь великий Юрий и другие, веселились 3 дня»* (с. 711). В «Примечаниях» касательно Георгиевского собора Василий Никитич написал следующее: *«Церковь сия в Юрьеве Польском до сих пор стоит, сделана из белого камня и вся резана, на которой имя князя Святослава Гавриила, и ту подпись разобрать не без труда. Сия есть по ее древности и особой архитектуре во всех русских строениях изящнейшая»* (с. 721). С этим заключением трудно не согласиться.

В XV веке часть храма обрушится, и после того как зодчий Ивана III Василий Ермолин его восстановит, Георгиевский собор предстанет миру низким и приземистым, утратив прежнюю стройность и изящество. По большому счёту, Ермолин будет собирать его «на глазок», поскольку никаких чертежей от XIII века не сохранилось. Поэтому белокаменная резьба, некогда представлявшая единую композицию, будет нарушена. И тем не менее построенный князем Святославом храм и в наши дни производит неизгладимое впечатление.

В 1235 году летописец запишет: *«В лето 6743. Мирно бысть»* (Лаврентьевская летопись). Тогда в Суздальской земле и в голову никому не могло прийти, что это последние мирные годы, что с востока уже надвинулась тьма, которая на долгие годы поглотит Русскую землю. Между тем монах-книжник продолжает тщательно фиксировать события, заслуживающие, по его мнению, внимания: *«В лето 6744. Бысть знаменье в солнeci, месяца августа в 3 в неделю по обедех: бысть видети всем акы месяц в четыре дни»* (с. 437). И сразу же за рассказом об этом знамении летописец пишет о гибели Волжской Болгарии осенью 1236 года. Беда уже совсем рядом, она стучится в двери, и на Руси понимают, что настала пора браться за мечи. Князь Георгий начинает готовить страну к обороне.

Тем не менее... *«Тое же зимы великий князь Георги ожени сына своя Володимера и Мстислава»*, записано в Лаврентьевской летописи (с. 437). Действительно, в 1236 году Георгий Всеволодович женит двух своих младших сыновей, Мстислава и Владимира. На этих свадьбах будут гулять и веселиться сотни людей, не подозревая о том, что жить им осталось чуть больше одного года. Среди них будут и виновники торжества. В лютом феврале 1238 года Мстислав возглавит оборону столицы и погибнет во время штурма города, а князь Владимир во время сражения за Москву попадет в плен и будет замучен монголами. Их жены заживо сгорят в Успенском соборе. Но это будет только через год, а пока во Владимире-Суздальском гремели княжеские свадьбы. Жизнь продолжалась.

10. «Крестоносцы тамплиеры, по прозвищу Соломоничи». Март 1237 г.

*Господу слава и честь, богу на небе хвала.
Генрих Латвийский*

Сражения с крестоносцами гремели не только на северо-западных границах Руси. Весной 1237 года произошло столкновение войск Даниила Романовича Волынского и его младшего брата Василька с (как это ни парадоксально прозвучит) тамплиерами. Вот уж воистину были у рыцарей ордена Храма Соломонова руки длинные и загребущие, поскольку дотянулись даже до Русской земли! Но князь Даниил быстро настучал им по этим самым рукам, и после этого о тамплиерах на Руси больше никто и никогда не вспоминал.

О самом столкновении нам известно из Галицко-Волынской летописи, но оно очень краткое и содержит гораздо больше вопросов, чем дает ответов: *«Весне же бывши, поидоста на ятвязе, и приидоста Берестью, рекамъ наводнившимя и не возмогоста ити на ятвязе. Данилови рекешу: „Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Тепличемъ, рекомымъ Соломоничемъ“. И поидоста на не в силе тяжъце. Приаства град месяца марта, старейшину их Бруна яша, и вои изоимаша и возвратися Володимер»* (Ипатьевская летопись, т. 2, с. 175). В переводе это звучит так: *«С наступлением весны решили пойти на ятвягов, и пришли к Берестью, но реки наводнились, и они не смогли пойти на ятвягов. Даниил сказал: „Нехорошо, что нашу отчину держат крестоносцы тамплиеры, по прозвищу Соломоничи“. И пошли на них с большим войском. Захватили город в марте месяце, и магистра их Бруна взяли в плен, и воинов забрали, и возвратились во Владимир»* (Галицко-Волынская летопись).

Как видим, информации немного. Но определенные выводы из неё можно сделать. Попробуем разобраться в том, что же произошло на юго-западном рубеже Руси, и определить, с кем воевал князь Даниил весной 1237 года. Это принципиальный момент. Потому что споры о том, против кого сражались русские в битве при Дорогичине, идут до сих пор.

Для Даниила это был сложный период. Его борьба с Михаилом Черниговским шла с переменным успехом и требовала от волынского князя огромных затрат, поскольку происходила на фоне вторжений венгерских и польских интервентов. Ситуация осложнялась тем, что северные границы княжества постоянно тревожили своими набегами племена ятвягов, населявших междуречье Нарева и Немана. Волынское княжество оказалось в кольце врагов, и лишь отчаянные усилия Даниила Романовича и его младшего брата Василька не давали разразиться катастрофе. Вот тут-то и вышли на сцену Бедные рыцари Христа и Храма Соломона.

В том, что тамплиеры оказались в Восточной Европе, нет ничего удивительного. Латинские королевства на Востоке переживали далеко не лучшие времена, и воинственные монахи по примеру своих германских коллег-тевтонцев могли подыскивать себе другое поле деятельности. Факт присутствия тамплиеров в странах Восточной Европы документально зафиксирован письмом магистра ордена тамплиеров Понса д'Альбона к французскому королю Людовику IX. Написанное в 1242 году, оно сохранилось в «Анонимной хронике королей Франции» и рассказывает о вторжении монгольской орды на территорию Польши и Венгрии. Освещая битву при Легнице, магистр приводит потери тамплиеров в этом сражении: *«Доводим до сведения вашего величества, что татары разорили и опустошили землю, принадлежавшую Генриху, герцогу Полонии, а его самого, вместе со многими баронами, и шестерых из наших братьев, трех рыцарей, двух служителей и пятьсот*

наших людей умертвили; а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, спаслись»³⁹. По средневековым европейским меркам это был довольно крупный отряд. Понятно, что появился он не из воздуха, а был набран в землях, принадлежащих ордену. Поэтому в самом факте появления тамплиеров при дворе мазовецкого князя Конрада ничего удивительного нет, благо, что Восточная Европа это не Америка, куда некоторые исследователи отправляют храмовников.

Существует мнение, что когда князь Даниил говорил *«не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Тепличемъ, рекомымъ Соломоничемъ»*, то он имел в виду либо Тевтонский орден, либо орден меченосцев. Основывается данное предположение на том, что в основу устава этих военно-монашеских орденов был положен устав ордена Храма Соломона. На мой взгляд, не надо делать из русского князя XIII века ходячую энциклопедию, которая разбирается в тонкостях уставов рыцарских орденов Европы. У Даниила было полно гораздо более важных дел, и забивать себе голову всякой ерундой князю было некогда. Даниил Романович точно знал то, о чём говорил, и именно эту его фразу и зафиксировал летописец. Надо думать, что ученый-книжник тоже мог отличить тевтонца от меченосца, а этих двоих от экзотического для русского человека тамплиера. Что же касается слова *«крижевник»*, то под ним на Руси подразумевались крестоносцы вообще, поскольку их отличительным знаком являлся крест на плаще. И не важно, какого он цвета был – черного, белого или красного.

Во всей этой истории был двойной подтекст. Дело в том, что помимо храмовников здесь оказался замешан ещё один рыцарский орден – орден добринских братьев. Он был создан в 1228 году князем Конрадом Мазовецким при поддержке польских прелатов как противовес Тевтонскому ордену, набирающему всё большую мощь. Устав добринских рыцарей, по существу, копировал всё тот же устав тамплиеров, который в своё время заимствовали тевтонцы и меченосцы. Да и эмблема добринских рыцарей напоминала эмблему последних – стоящий вертикально красный меч над шестиконечной красной звездой на белом поле. Помимо польских шляхтичей в Добринском ордене несли обет и германские рыцари. Резиденция ордена находилась в небольшом городе Добрыне, откуда и произошло название братства.

Боевой потенциал нового ордена оказался невелик, и поэтому постоянно возникал вопрос о том, кто же выступит в роли его покровителя. В высших церковных кругах бытовало мнение о слиянии Добринского ордена с Тевтонским орденом, но не все добринские братья собирались подчиняться такому решению. Часть их хотела сохранять относительную самостоятельность, и в этом случае на роль покровителей добринского братства идеально подходили тамплиеры. Тевтонский орден находился буквально под боком, и в случае поглощения им Добринского ордена местные рыцари напрямую становились под контроль тевтонцев, без права каких-либо самостоятельных действий. Зато орден тамплиеров такой опасности для добринцев не представлял. Его владения были раскиданы по всей Европе, причём сам Великий магистр и вся верхушка ордена пребывали на Святой земле, а их заместители – в Париже. Становясь филиалом храмовников в Восточной Европе, добринские рыцари практические ничего не теряли, зато в случае нужды могли располагать всеми колоссальными ресурсами тамплиеров. Скорее всего, переговоры Добринского ордена с орденом Храма на эту тему действительно велись давно, а князь Конрад Мазовецкий об этом прекрасно знал, и не исключено, что принимал в них участие. Дарственной грамотой от марта 1237 года он

³⁹ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. М.: Евразия, 2002. С. 290–291.

отдал добринским рыцарям земли у Западного Буга и город Дорогичин⁴⁰, принадлежащий Даниилу Волынскому. Причём когда вручалась эта самая грамота, отряд рыцарей и вспомогательных войск уже был готов к выступлению на Волынь.

Всё было сделано в лучших традициях католической Европы – отдать крестоносцам чужие земли, которые следовало либо удержать, либо завоевать. Так же в своё время действовали тевтонцы и меченосцы. В данный момент дело осложнялось тем, что у одного Добринского ордена просто не хватало сил эти приобретения не только захватить, но и удержать. Когда же в дело вступили храмовники, то шансы на удачный исход этого сомнительного предприятия у добринских рыцарей возросли многократно. Но князь Даниил Романович сразу же пресёк эти начинания на корню и не позволил развиваться инициативам тамплиеров.

* * *

О том, когда и как действовал Даниил Волынский против рыцарей-крестоносцев, тоже существуют различные мнения. В.Т. Пашуто утверждал, что его поход состоялся в 1237 году, а Н.Ф. Котляр указывал на март 1238 года. При этом Котляр исходил из того, что князь целый год готовился к этой войне, а затем в целях введения противника в заблуждение объявил поход на ятвягов. После того как дезинформация достигла адресата, Даниил атаковал Дорогичин и овладел городом. Всё было несколько иначе, и более правильной датой является та, которую предлагает В.Т. Пашуто.

Братья Романовичи действительно пошли на ятвягов весной, но только весной 1237 года. Разлив рек остановил движение их полков. Именно здесь волынский князь и мог получить известие о том, что Дорогичин занят рыцарями. Крестоносцы не медлили и как только получили дарственную грамоту от мазовецкого князя, так сразу же перешли к активным действиям. Основания для спешки у них были, поскольку о происках добринских братьев мог узнать Даниил и принять соответствующие меры предосторожности. После чего овладеть Дорогичином было бы не так просто. Но есть большая вероятность того, что именно поход волынских полков на ятвягов спровоцировал столь быстрое вторжение крестоносцев. Узнав о том, что князь Даниил увел рать, магистр добринцев Бруно повел рыцарей на Дорогичин.

В городе не ждали нападения, и он был захвачен внезапным налетом. В крепости расположились добринские братья и тамплиеры, причем последних не могло быть очень много. Это были просто представители Верховного капитула ордена Храма с личной охраной, но именно они и играли главную роль в развернувшихся событиях. Добринский магистр Бруно должен был закрепиться в Дорогичине и дожидаться помощи от храмовников, которую, если судить по событиям весны 1241 года, им было не так уж и сложно организовать. Вот тогда волынский князь столкнулся бы с большими трудностями и проблемами. Как показывала практика, если крестоносцы куда-либо и приходили, то или очень надолго, или навсегда.

Можно только предполагать, как развернулись бы события, если бы рыцарям Храма удалось окопаться в Дорогичине и создать там плацдарм для дальнейшего наступления на Русь. Ярким примером подобного развития событий служит Юрьев, переименованный немцами в Дерпт, и который, невзирая на все попытки, русские так и не сумели вернуть назад. Это произойдёт лишь 18 июля 1558 года, когда войска Ивана Грозного хлынут в Прибалтику и после длительной бомбардировки овладеют городом. Но сколько бед Дерпт за это время принесет Руси! В Дорогичине же подобного не произошло, и в первую очередь благодарить за это надо князя Даниила, который быстро сориентировался в обстановке. Получив весть о

⁴⁰ В наши дни польский город Дрохичин. Не путать с белорусским Дрогичином, который впервые упоминается в 1452 году как село Довечоровичи.

том, что его город захвачен, князь моментально развернул полки и быстро двинулся к Дорогичину. Даниил понимал, что есть только один шанс быстро отбить у врага город.

На долгую осаду «измором», которую очень любили практиковать русские, времени просто не было, поскольку к рыцарям в любой момент могло подойти подкрепление. Брать же приступом крепость, в которой засели вооружённые до зубов крестоносцы, было смерти подобно, потери войска понесли бы страшные. И потому Даниил действовал так же, как и сами рыцари накануне. Незаметно подойдя к городу, князь развернул полки и дружины, после чего напал на гарнизон врасплох и «изгоном» овладел Дорогичином. О том, что нападение было именно внезапным, косвенно свидетельствует тот факт, что было захвачено очень много пленных, в том числе и магистр Добринского ордена Бруно. Взяли живыми и некоторых тамплиеров, которые и могли рассказать об истинной подоплеке событий и той роли, которую сыграл в них орден Храма Соломона. Что потом и было засвидетельствовано летописцем. Но это не более чем моя версия развития событий.

Как бы там ни было, одним молниеносным ударом князь Даниил навсегда отбил у крестоносцев охоту соваться на Волынь и нести его подданным слово Божие. Тамплиеров в этих краях тоже больше никто не видел, а Добринский орден папа римский Григорий IX всё же объединил с Тевтонским орденом своей буллой от 19 апреля 1239 года.

Что же касается Конрада Мазовецкого, то он вскоре понёс заслуженное наказание за своё вероломство, поскольку Даниил натравил на него литовского князя Миндовга. Перед этим братья Романовичи нанесли сильнейший удар по союзнику Конрада, Михаилу Черниговскому, отняв у смутьяна Перемышль. Так начинался 1237 год, чёрный год в истории Руси.

* * *

Из Ипатьевской летописи: *«В лето 6745. Придоша безбожнии измалтяне, преже бивъшися со князя рускими на Калкох».*

Приложения

Военное дело монголов глазами современников

Лучше всего о военном деле монголов рассказали люди, которые жили в эпоху Чингисхана и Батые. Это архидьякон из города Сплита Фома (около 1200–1268 гг.), автор «Истории Архиепископов Салоны и Сплита», и Джованни Плано Карпини, итальянский монах-францисканец, ездивший в столицу Монгольской империи Каракорум. Сотни исследователей своими словами пересказывали их тексты, повторяя как некое заклинание слова о том, что если бежит один человек, то казнят весь десяток. На мой взгляд, в этом нет никакого смысла, и чтобы почувствовать дух эпохи, гораздо полезнее ознакомиться с самим первоисточником.

Фома Сплитский. История Архиепископов Салоны и Сплита

Из главы XXXVII «О свойствах татар».

По изданию: Фома Сплитский. История Архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997.

«Но нет в мире народа, который был бы так искусен в военном деле, который бы так же мог побеждать врагов, будь то стойкостью или военной хитростью, особенно в сражениях на открытой местности. Кроме того, они не связаны ни христианским, ни иудейским, ни сарацинским законом, а потому им не ведома справедливость и не соблюдают они верности клятве. Вопреки обычаю всех народов они не принимают и не посылают посольств ни в отношении войны, ни в отношении мира. Внешним видом они вызывают ужас, у них короткие ноги, но широкая грудь, лица у них круглые, белокожие и безбородые, с изогнутыми ноздрями и узкими, широко поставленными глазами. Доспехи их представляют собой некое одеяние из кусков воловьих кож, составленных наподобие металлических пластинок, однако они непробиваемы и очень надежны. Шлемы у них и железные и кожаные, мечи – серповидные, а колчаны и луки прикреплены по-военному к поясу. Их стрелы длиннее наших на четыре пальца, с железными, костяными и роговыми сильно заостренными наконечниками. Основание стрел настолько узкое, что едва ли подходит к тетиве наших луков. Знамена у них небольшие с полосами черного и белого цвета с шерстяным помпоном наверху. Лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков, как дикие козы. А после трехдневной непрерывной работы они довольствуются скромным кормом из соломы.

Равным образом и люди почти не заботятся о запасах еды, кормясь исключительно грабежами. К хлебу они испытывают отвращение и употребляют в пищу без разбора мясо чистых и нечистых животных и пьют кислое молоко с конской кровью. У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в иступлении навстречу гибели, они немедленно отрубят ему голову. Сами татары неохотно подвергают свою жизнь опасности, но если кого-либо из них настигнет смерть в бою, они тут же хватают его и, перенеся в укромное место, зарывают в землю, заравнивая могильный холм и утрамбовывая это место копытами лошадей, чтобы не было заметно следов погребения. Почти ни одна из быстрых рек не является для них препятствием, через которое они не могли бы переправиться верхом на лошадях. Но если они натываются на какую-либо непреодолимую водную преграду, они сразу же сплетают из прутьев корзины наподобие лембов; покрыв их сырыми кожами животных и нагрузив их снаряжением, они садятся в них и переправляются безбоязненно. Они пользуются войлочными и сделанными из кожи палатками. Лошади у них настолько хорошо приручены, что сколько бы их у одного человека ни было, все они бегут за ним, как собаки. И как много ни собралось бы людей, они, как немые, не проронят почти не звука, но и ходят молча и молча сражаются».

Иоанн де Плано Карпини, Архиепископ Антиварийский. История монгалов, именуемых нами татарами

Главы шестая и восьмая.

По изданию: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении войск, во-вторых, об оружии, в-третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингис-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

I. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем – в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отвер-

стие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, – из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

II. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блеснуть, что человек может видеть в них свое лицо.

III. У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

I. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (*praecursores*), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

II. Когда же они добиваются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жест-

кие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадьёю, человека, который бы управлял лошадьёю. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в роду, и один человек плывет рядом с лошадьёю, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

III. Надо знать, что всякий раз как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и, таким образом, ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот

жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те сдались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.

Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить Татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют Татары

I. Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбрость Бога, император всех людей»; и в надписании печати его стоит следующее: «Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей». И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они ни владели, то поэтому они приготовляются к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка.

Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе неслыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

II. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли России; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сряду после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они доныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

III. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих, свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для

осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами, тем не менее, рассеиваются по земле и убивают людей.

§ II. Об оружии и устройстве войск

I. Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу (dolabrum) из хорошего железа, или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или баллисты должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны итти сзади других, как делают Татары, и стрелять в них из луков или баллист. И не должно щадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

II. Ряды надлежит подчинить, подобно Татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжелой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания.

§ III. Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

I. Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем зараз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит послать один отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же Татары устроят притворное бегство, то не надо итти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду. Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды Татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устраивают, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

II. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а Татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если Татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться вза-

имно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть Татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения, хулению имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

III. Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред. Жители же страны, ожидающие Татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посева, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы Татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить возможность обрести это впоследствии, когда Татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади тем менее находили себе пищи для еды.

§ IV. Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы Татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует все же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в нынешний день с одной горой в земле Аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих Татар и притом вельмож. Другие же крепости и города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и надлежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, Татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи баллист, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше. Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить. А еще надо знать, что Татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно, они говорят, что это их поросята, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

§ V. Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь Татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И, если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга. А как распознать Татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить

бдительный караул, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, изо всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только, как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получают возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами».

Список литературы и источников

1. *Алексеев Л., Богданов В.* Западные земли домонгольской Руси. В 3-х томах. М.: Наука, 2006–2009.
2. *Андреев А.* Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. М.: Русская панорама, 1998.
3. *Аннинский С.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Т. III. М.—Л., 1940.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997–2006.
5. Битва на Калке. М.: Изограф, 1994.
6. *Бредис М., Тянина Е.* Крестовый поход на Русь. М.: Алгоритм, 2007.
7. Военские повести Древней Руси. Лениздат, 1985.
8. *Воронин Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М.: Искусство, 1983.
9. *Воронин Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961. Т. 2. М., 1962.
10. *Гаркави А.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
11. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938.
12. *Горелик М.* Армии монголо-татар X–XIV веков. Военское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
13. *Горский А.* Русское Средневековье. М.: Астрель, 2010.
14. *Губайдуллин А.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002.
15. *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
16. *Гумилев Л.* От Руси к России. М.: Экспресс, 1992.
17. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. АСТ: Астрель, 2005.
18. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004.
19. *Долгов В., Савинов М.* Дружинники Древней Руси. М.: Эксмо: Яуза, 2012.
20. *Жабрева А.* История русского костюма с древних времен до конца XVIII в. на страницах журнала «Нива». СПб.: Альфарет, 2006.
21. За Землю Русскую. Век XIII. М.: Молодая гвардия, 1983.
22. *Заходер Б.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Издательство Восточной литературы, 1962.
23. *Заходер Б.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.
24. *Измайлов И.* Защитники «Стены Искандера». Казань: Татарское книжное издательство, 2008.
25. *Иловайский Д.* История Рязанского княжества. М.: Кучково поле, 2009.
26. *Ионина Н.* Суздаль. История. Легенды. Предания М.: Вече, 2009.
27. Исторический архив. III. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1940.
28. История русской литературы X–XVII вв. М.: Просвещение, 1980.
29. *Карамзин Н.* История Государства Российского. Т. II–III. М.: Наука, 1991.
30. *Каргалов В.* Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век. Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012.
31. *Каргалов В.* Русь и кочевники. М.: Вече, 2008.
32. *Карпини П., Рубрук В.* Путешествия в восточные страны. М., 1957.
33. *Кирпичников А.* Военное дело на Руси в XIII–XV веках. Л.: Наука, 1976.
34. *Кирпичников А.* Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.—Л.: Наука, 1966.

35. *Кирпичников А.* Древнерусское оружие. Выпуск первый. Мечи и Сабли IX–XIII вв. М.—Л.: Наука, 1966.
36. *Кирпичников А.* Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. II. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972.
37. *Кирпичников А.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973.
38. *Ковалевский А.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
39. *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993.
40. *Котляр Н.* Даниил, князь Галицкий. С.-П.: Алетейя, 2008.
41. *Лимонов Ю.* Владимиро-Суздальская Русь. Л.: Наука, 1987.
42. *Лызлов А.* Скифская история. М.: Эксмо, 2012.
43. *Любавский М.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000.
44. *Матузова В., Назарова Е.* Крестonosцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.: Индрик, 2002.
45. *Меморский А.* Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович. Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2010.
46. *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л.: АН СССР, 1936.
47. *Монахиня Таусия.* Русские святые. СПб.: Издательство «Азбука-классика», 2001.
48. Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1995.
49. *Насонов А.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб.: Наука, 2006.
50. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873.
51. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981.
52. *Пауто В.* Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1974.
53. *Пауто В.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат, 1956.
54. *Пауто В.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: АН СССР, 1950.
55. *Пауто В.* Русь. Прибалтика. Папство. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011.
56. Повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1983.
57. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).
58. *Почекаев Р.* Батый. Хан, который не был ханом. АСТ: Евразия, 2007.
59. *Приселков М.* Троицкая летопись. М.—Л.: АН СССР, 1950.
60. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л.: АН СССР, 1939.
61. *Разин Е.* История военного искусства VI–XVI вв. СПб. – М.: Полигон АСТ, 1999.
62. *Рамм Б.* Папство и Русь в X–XV веках. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
63. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
64. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
65. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
66. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
67. *Рудаков В.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009.
68. *Рыбаков Б.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.

69. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1. Рига, 1876.
70. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879.
71. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880.
72. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 4. Рига, 1883.
73. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Издательство АН СССР, 1941.
74. Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас: Педагогический институт, 1993.
75. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951.
76. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niġusa tobġiyan*. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1941.
77. *Сплитский Ф.* История Архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997.
78. *Стефанович П.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси X–XI веков. М.: Индрик., 2012.
79. Тарих ал-Камиль. Баку: Аафан, 1940.
80. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М.: Наука, 1977.
81. *Татищев В.* История Российская. В 3-х томах. М.: Алгоритм, 2011–2013.
82. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, 1884.
83. *Тихомиров М.* Древнерусские города. СПб.: Наука, 2008.
84. Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Тома 1—56.
85. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.
86. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.
87. *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Издательство «ФЭН», 1994.
88. Хвольсон. Известия Ибн Даста. СПб., 1869.
89. Храбрые русичи: Слово о полку Игореве. Воинские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1986.
90. Христианский мир и Великая Монгольская империя. Евразия. СПб.: Евразия, 2002.
91. *Хрусталеv Д.* Русь: от нашествия до ига (30–40 гг. XIII в.) СПб.: Евразия, 2008.
92. *Хрусталеv Д.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2012.
93. *Черепнин Л.* Восточная Европа в древности и Средневековье. М.: Наука, 1978.
94. *Янин В. и др.* «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М.: МГУ, 1987.
95. *Янин В.* История и культура древнерусского города. М.: МГУ, 1989.
96. *Янин В.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004.